

Северный пейзаж. Фото Лева Вейсманна

Письма, адресованные съезду комсомола
Философ В. Толстых. Тупики бюрократизма
Олег Табаков. Что ждет театр?

Айзек Азимов. Рассказ «Перст обезьяны»

Поэзия молодых

Как трудно быть подростком

Валерий Леонтьев. Встреча перед концертом

Зодчие Веснины. Архитектура будущего

Г. Белоглазова и Х. Энден — семья чемпионов

Братья Вайнеры. Повесть «Завещание Колумба»

СМЕНА³

ХОЧУ ПОНЯТЬ

Письма о комсомоле... Их сейчас немало в редакционной почте. В преддверии XX съезда ВЛКСМ, когда широко обсуждается проект Устава, внимание к насущным проблемам комсомольской жизни особенно обострилось. Характерно, что все чаще, все громче звучит голос рядовых комсомольцев, тех из них, кто еще недавно отмалчивался, числился в пассивных. Перестройка, развернувшаяся в комсомоле, приводит к пониманию простой, но первой важности истины: Союз молодежи — это наш Союз, и то, каким ему быть, зависит прежде всего от нас.

Как и многие другие ребята, я приехал работать на Север сразу из армии, по комсомольской путевке. Работаю полгода. За это время никакой комсомольской работы не видел. И вот три недели назад состоялось отчетно-выборное собрание нашей организации. Сразу замечу, что все или почти все комсомольцы, присутствовавшие на собрании, узнали о нем только в тот же день. Началось оно как обычно: выбрали президиум, установили порядок выступлений и т.д. С отчетным докладом выступил секретарь комсомольской организации. Выступление его заняло не более 10 минут, хотя докладчик просил 25. Почему? Да просто потому, что сказать было нечего. Он так и говорил, что работы как таковой комсомольская организация не вела с той поры, когда бывшего секретаря комитета комсомола призвали в ряды Советской Армии. Его же, нового секретаря, выбрали, так сказать, временно, в спешке. Но ведь это было целых полгода назад. Вполне резонно возникает вопрос: разве члены комитета не знали, кого выбирали? Но и все сваливать на секретаря тоже не дело, ведь комитет бездействовал.

Что же было дальше? Председательствующий предложил комсомольцам выступить. Никто не решился. Пришлось несколько раз повторить это предложение, подбадривать комсомольцев. В ответ — молчание. Наконец, поднялся один. Выступление его было немногословным. Он сказал, что работа организации велась не очень хорошо, и... предложил признать работу удовлетворительной! Снова комсомольцев попросили выступить. Опять — молчание. Теперь слово взял парторг, потом — представитель горкома ВЛКСМ. Комсомольцы опять молчат.

Вы скажете: «Недоволен, а сам-то на собрании помалкивал». Нет, я не молчал. Но это было мое первое выступление (раньше и вправду на всех собраниях молчал). Толковым и дельным оно у меня не получилось, я был к нему не подготовлен. Это, конечно, не оправдание.

Никто не захотел больше выступать, решили перейти к выборам в комитет комсомола. Все как всегда: встал комсомолец и зачитал бумагу с фамилиями тех товарищей, которых ему неизвестно кто туда вписал. Может, это люди и достойные, но только их предлагали не комсомольцы, а наши руководители. Так фактически у комсомольцев отбивают инициативу. Ведь если на блюде преподнесли тех, кого надо выбрать, то остается только поднять руку, и все в порядке. А можно и не поднимать. Все равно ничего не изменится.

В общем, как вы, наверное, уже поняли, комитет избрали единогласно. Затем снова слово взял парторг. Предложил вновь избранному комитету комсомола выбрать секретаря организации, которым оказался все тот же, что и был. Члены комитета единогласно подняли руки. Это разве дело?

Зачем я вам это все написал?.. Не спрашиваю, что мне делать. Хотел было уволиться и уехать домой, однако это будет трусостью с моей стороны. Я хочу жить по-новому и буду добиваться этого.

Александр АВРАМЕНКО,
г. Ханты-Мансийск Тюменской обл.

Здравствуй, уважаемая «Смена»! Мне уже 43 года, я давно не комсомолка, но работаю учительницей и с удовольствием читаю молодежную прессу. Сейчас много пишут о повышении звания комсомольца, о том, что надо увеличить возраст приема в комсомол. Я категорически против последнего. Для меня самой школьные комсомольские годы самые памятные. Помню, как нас принимали в ряды ВЛКСМ, какие мы были счастливые, как много и с удовольствием занимались общественной работой. И сейчас, если я что-то обещаю ребятам, говорю: «Честное комсомольское!» Это у меня осталось со школы, комсомольская закалка.

Итак, о возрасте. А молодоговардейцы, сколько им было! Не ограничивать прием, а лучше, серьезно готовить ребят к вступлению в комсомол. Строже, четче спрашивать с них. Если увеличить возраст, то как же нам, педагогам, работать с ребятами? Ведь в 8-м классе они уже не пионеры, и мы начинаем воспитывать их на традициях комсомола. А так как же — несоюзная молодежь, и только?

В школе, где я работаю, принимают в комсомол не по оценкам. Разговор идет весьма серьезный, ведь в этом возрасте ребята очень правдивые, и на собрании они смело говорят друг другу правду в глаза. Именно в это время нам, старшим, надо больше общаться с молодежью, быть для них примером во всем.

И не на словах, а на деле.

Г. СИЛИНА,
Пермь

Здравствуй, «Смена»! В прошлом году я окончила школу и поступила работать во «Вторчермет». Собираюсь продолжить свою учебу, чтобы стать учителем французского языка. Но сейчас речь не о том.

В школе я была секретарем комсомольской организации, и не было случая, чтобы мне было скучно или неинтересно. А сейчас, придя на завод, вижу, что тут царит абсолютный покой — комсомол «отдыхает». Меня выбрали членом комитета, ответственным за культмассовый сектор. Сразу же составила план, принялась за его выполнение. Но натолкнулась на какую-то стену — никто не хочет заниматься комсомольскими делами. Неужели все мои усилия напрасны? С чего же начинать работу, если она никого не интересует? Может, кто-нибудь подскажет?

Майя ЗАХАВОВА,
г. Хасавюрт Дагестанской АССР

Дорогая редакция! Пишу тебе первый раз. С 16 лет я работаю на заводе. Сначала учеником столяра, а сейчас — столярком. Естественно, когда человек молодой, то возникает вопрос о комсомоле. Я комсомолец. Но стал им совсем недавно. До последнего момента все не хотел вступать, так как считал (и теперь считаю), что не готов для комсомола. Плохо понимаю его конкретные задачи. Вижу, что и для многих моих

друзей комсомол фактически ничего не значит — их приняли в ВЛКСМ для плана, для галочки. Это мне очень не нравится, поэтому я и не хотел вступать.

Каких только упреков не услышал! Но окончательно доконали меня слова: «В армии вступишь, никуда не денешься». Еще слышал, что в вузы не принимают, если ты не комсомолец. А я собираюсь после армии в институт. Вот и подумал, уж лучше сейчас вступить в комсомол. Ведь потом замучают с этим вопросом.

Вступил. И ничего нового, свежего, необычного, интересного... Вообще ничего не изменилось. Вы скажете: ты сам должен быть активным, бороться и т.д. Но я-то вступил не по своему хотению. И до сих пор не нашел в комсомольской работе никакого интереса. Ни теоретически, ни практически — полное затмение. Так кому же польза от того, что я числюсь комсомольцем?..

Алексей ХРЯПИН,
г. Сатка Челябинской обл.

Прочел письмо Галины Калининой «Хочу понять!» («Смена» № 20, 1986 г.). Во время поставлены вопросы, которые волнуют нас всех и которые давно пора решать! И прием в комсомол, когда «загоняют» всех, в том числе недостойных, лишь бы щегольнуть в отчетах цифрой роста рядов. И вялая работа в первичных организациях, когда нет настоящего дела, один «мероприятия»... Обо всем этом Галина написала верно. Хотелось бы лишь добавить: пора кончать еще с одним злом — равнодушием особого рода.

Что я имею в виду? Вот такой пример. В комсомольской организации нашего управления народ, как говорится, солидный, в возрасте 25—27 лет, в незрелости никого не обвинишь. Но в то же время и равнодушие, и нежелание активно участвовать в делах налицо. По-настоящему действует только культмассовый сектор, новая ответственная буквально оживила его работу. Ездим на природу, были по двухдневной путевке в санатории.

Хорошо, да только одна заковыка... Перед выездом в санаторий звонят мне девушки: «Знаешь, нам надо кое-что купить, а мы не можем стоять в очереди...» Я сразу понял, о чем речь: самые большие очереди у винных магазинов. Помочь им я отказался. Заявил, что и раньше не пил, и тем более сейчас, когда принят Указ о борьбе с пьянством, не буду. В ответ невинное: «Какой Указ? Комитет комсомола никаких указаний на этот счет не давал».

Вот вам и культмассовая работа, вот вам и самый активный сектор. Как сие оценивать? С одной стороны, так не должно быть. А с другой — вообще никакой работы.

Г. Калинина предлагает увеличить возраст вступающих в комсомол. Но разве это главное? По-моему, первое, что надо сделать, — это всем, кто недоволен сложившимся положением, перестать заниматься игрой в молчанку. Не время сейчас сидеть по углам, тихонько возмущаться про себя и бездействовать. Хватит быть честными только для самих себя! Только так мы победим равнодушие и инертность!

С. ВЛАДИМИРОВ,
Хабаровск

Начался первый год реформы высшей школы. Одно из ее важнейших направлений — более тесная связь вузов с производством, с ускорением научно-технического прогресса. Ведь в институтах сосредоточен огромный творческий потенциал, здесь работает большая армия ученых, преподавателей. Да и студенты — их у нас миллионы — могут уже в годы учебы не только накапливать знания, но и создавать новую технику, активно участвовать в развитии всех отраслей народного хозяйства. Один из примеров тому — научно-учебно-производственный центр разработки и внедрения «Магистраль». Основное его звено — научно-исследовательская лаборатория при Московском институте нефти и газа имени И. М. Губкина, организованная Минвузом СССР и Миннефтегазстроем около десяти лет назад.

Чем занимается «Магистраль»? Об этом рассказывают ученые, инженеры, студенты.

Всеволод БЕРЕЗИН, профессор, заведующий кафедрой сооружения газонефтепроводов, хранилищ и нефтебаз:

— Задача у нас двуединая. С одной стороны, мы разрабатываем и внедряем принципиально новые методы строительства трубопроводов, создаем новые машины, а также механизированные и автоматизированные комплексы. С другой стороны, привлекая к этой работе студентов, готовим для отрасли молодых специалистов, владеющих не только теоретическими знаниями, но и прекрасно разбирающихся в прогрессивных методах, умеющих управлять самыми современными машинами. Потом, уже приступив к самостоятельной работе, им не придется переучиваться, как это нередко бывает.

Понятно, что решить все эти вопросы только в стенах института, нашей научно-исследовательской лаборатории невозможно, поэтому в 1982 году была создана экспериментальная база, в которую, кроме нашей лаборатории, вошел отдел СКБ «Госстроймашина» в Серпухове. Вернее было бы даже назвать его комплексом, так как состоит он из конструкторского бюро и опытного производства. С большим трудом отвоевали мы там цех, создали условия для работы. Дело-то новое. Весь комплекс

создавали своими силами, строили домики для работы, доставали и ставили необходимые станки.

Как организована работа? Наша лаборатория разрабатывает принципиально новые методы строительства, оригинальные машины. Затем совместно с нами отдел в Серпухове делает чертежи машин и приборов, изготавливает опытные образцы. Но новинку надо испытать, проверить, все ли было правильно продумано. Для испытаний у нас есть экспериментальный участок под городом Раменское при «Главтрубопроводстрое».

Надо сказать, что подобных экспериментальных участков немало, но в отличие от большинства наш не госбюджетный, а хозрасчетный. И за три года, что этот участок работает с нашей техникой, он доказал свою рентабельность. Под Москвой мы уже построили более 60 переходов под дорогами только новыми, разработанными нами методами.

Могу привести такой пример. Многие, наверное, видели обновленную Октябрьскую площадь в Москве. Но мало кто догадывается, что и наши специалисты поработали здесь. Дело в том, что

МАГИСТРАЛЬ

ВОПРОСЫ О ТРУДЕ И ЗАРПЛАТЕ

На письма читателей отвечает
юрист Министерства финансов РСФСР
Александр КИСЕЛЕВ

✉ Слышала о том, что в законодательстве о совместительстве появилось что-то новое. Что именно?

Ю. ЯКОВЛЕВА,
Комсомольск-на-Амуре

Действительно, 20 января 1986 года Госкомтруд СССР и ВЦСПС утвердили положение, в соответствии с которым руководителям предприятий и организаций по согласованию с профсоюзными комитетами разрешено привлекать рабочих, служащих и инженерно-технических работников с их согласия к работе по рационализации рабочих мест на условиях совместительства. Обязательными условиями при этом являются успешное выполнение совместителями своих основных производственных обязанностей, норм и сменных заданий и выполнение дополнительных работ во внеурочное время. Общим ограничением является установленная предельная продолжительность работы по совместительству в течение рабочего дня (смены) — не более 4 часов, а общая продолжительность не должна превышать половины месячной нормы рабочего времени. Притом в те дни, когда совместители привлекаются к выполнению своих основных обязанностей за пределами рабочей смены, работа по совместительству не допускается.

Имеются определенные ограничения круга лиц, которые могут работать по такому рода совместительству. Это молодежь (до 18 лет), лица, которые трудятся во вредных условиях или же работают по совместительству в другой организации, а также руководитель предприятия, его заместители, помощники и главные специалисты.

✉ Я конструктор. За выполнение сложных работ мне положена надбавка к заработной плате. Хочется узнать об этом подробнее.

Ю. СИРОВОТ,
г. Куйбышев

Введение надбавок за выполнение наиболее сложных и ответственных работ было предусмотрено решением правительства СССР еще в мае 1985 года. В конце декабря того же года Госкомтруд СССР и ВЦСПС утвердили Типовое положение о порядке установления надбавок научным работникам, конструкторам, технологам и другим высококвалифицированным инженерно-техническим работникам, специалистам и служащим.

Размер надбавок колеблется от 30 до 50 процентов установленного должностного оклада. Конкретный размер надбавки каждому работнику определяется с учетом его личного вклада. При несоблюдении сроков завершения работы или неудовлетворительности ее качества, равно как при нарушении трудовой и производственной дисциплины, надбавки могут быть уменьшены или отменены вообще.

Отметим, что надбавки устанавливаются на определенный срок, например, на плановый период выполнения работы в целом или поэтапно. Руководитель предприятия по согласованию с профсоюзным комитетом устанавливает перечень таких работ и сроки их проведения. Получаемые надбавки не только включаются в заработок, на который начисляется районный коэффициент, но и учитываются при исчислении среднего заработка работников.

При решении вопроса об установлении надбавок руководителем организации или соответствующего подразделения должен учитываться, что они не применяются одновременно с надбавками за высокую квалификацию.

необходимо было соорудить под площадью переход. Условия тяжелые — грунт неоднородный, попадались очень много камней, остатков фундаментов. Да и сроки были очень сжатыми.

Применили метод ударного желонирования. Он отличается от всех других способов проходки тем, что удар наносится не по грунту, а передается через промежуточное звено — инструмент в виде желонки или лидера. Функции инструмента может выполнять и сам трубопровод. При этом на гребнях желонки или трубопровода создаются очень высокие мгновенные нагрузки, разрушающие грунт только в местах, соприкасающихся с режущей кромкой. Остальная часть грунта входит в рабочий инструмент в виде керна. Надо заметить, что при этом способе можно получить скважины самой различной конфигурации: круглой, квадратной, прямоугольной и так далее.

Метод требует довольно мало энергии, да и скорость проходки весьма высокая, а сам инструмент изнашивается очень незначительно. При этом значительно снижаются затраты, а производительность труда повышается более чем вдвое. Этот метод, как и многие другие, разработан центром «Магистраль», нашими преподавателями и студентами.

Всеволод МИНАЕВ, профессор, руководитель научно-учебно-производственного центра разработки и внедрения «Магистраль»:

— Как трубопровод «переходит» через водные преграды? Пригоняют земснаряд, и он промывает на дне реки траншею в несколько раз шире самой трубы, чтобы она не замыкалась грунтом сразу же. Ну, а потом протягивают в траншею джокер-трубопровод. Траншею засыпают, укрепляют разрушенные берега. Все это под силу только мощным специализированным организациям. Но на пути трубопроводов встречается очень много маленьких речек. Перебросить туда мощную технику невозможно, ведь земснаряд по мелкой речушке не пройдет. Ее перегораживают перемычками, а потом уже копают траншею. Уложив трубопровод, его засыпают и открывают перемычку. Вроде бы все и просто, но в большинстве случаев ниже по реке образуются отмели, а иногда река даже не возвращается в прежнее русло, берега заболачиваются.

Не меньше вреда приносит трубопроводы, уложенные на дне полноводных рек. Может показаться, что находящаяся под поверхностью дна труба никому не мешает. Однако работающий трубопровод вибрирует, он становится как бы генератором колебаний. Идущая на нерест рыба держится близко ко дну и, дойдя до такой невидимой вибрирующей преграды, начинает биться и дальше не идет.

Может ли быть другой способ «форсирования» рек? Над этой проблемой работают многие крупные министерства. Это и неудивительно: ведь установка для проходки под дном реки — а речь идет именно о ней — это комплекс самых разнообразных машин: наклонная монтажная площадка с буровой вышкой, устройством, толкающим монтируемый здесь же трубопровод, технологические трубопроводы, связывающие буровую головку с насосными агрегатами, целая система приборов подземной навигации.

Взялся за решение проблемы и наш центр. Есть первые результаты. Например, наша установка весит в пять раз меньше, чем та, что создается другой организацией по программе Госкомитета по науке и технике. А такая разница имеет большое значение, если учесть, что установка должна перевозиться с места на место и монтироваться иногда на заболоченных берегах рек. Для проходки скважины под дном реки мы разработали совершенно новую технологию, правильность которой позже была подтверждена опытами и испытаниями.

Помните роман Адамова «Тайна двух океанов»? Там туннель создается с помощью... воды. И действительно, водные туннели при большом давлении

могут резать даже гранит и базальт. Поэтому и решили мы взять в качестве рабочего тела воду той самой реки, под которой будем вести проходку. Однако довольно скоро убедились, что обеспечить максимальное давление довольно трудно, поэтому решили применить сочетание режущих головок и водных струй, как импульсных, так и непрерывных.

Первый экспериментальный переход сделали в прошлом году под рекой Клязьмой. Ее ширина в том месте — 75 метров. Установка начала свою работу в 50 метрах от реки, а вышел трубопровод на другом берегу, тоже метрах в 50 от воды, так что общая протяженность перехода — около 180 метров. Скорость проходки вроде бы и небольшая — 12 метров за смену, но ведь это с учетом монтажа и сварки подаваемого в скважину трубопровода, сама-то проходка занимает всего часа два. Да и обходится она куда дешевле любого другого способа.

А разве можно перевести в рубль экологическую чистоту? Трубопровод проходит на 10—12 метров ниже дна реки. Его строительство не нарушает гидрологического режима водоема, рельефа берега и даже береговую растительность, в 50—100 раз уменьшается объем земляных работ. Нет никаких препятствий судоходству, нет помех рыболовству, не нужно применение плавсредств, земснарядов, чугунных пригрузов, не нужны и водолазные работы. Стоимость работ понижается в два с лишним раза, сокращается и время строительства перехода.

Так что выгодность и качество работы этой установки да и всего метода, разработанного нашим центром «Магистраль» в содружестве с институтом горного дела имени А. А. Скопинского и другими организациями, доказана. Думаем, что этот способ найдет широкое применение уже в текущей пятилетке.

Александр БУБНОВ, старший инженер отраслевой научно-исследовательской лаборатории Миннефтегазстрой:

— В том, что «Магистраль» — лучший метод воспитания творческих кадров для решения сложных задач, я убедился, что называется, «на собственной шкуре». В свое время темой дипломного проекта я выбрал разработку машины для свайных работ, которая могла бы применяться в зоне вечной мерзлоты, трудных условиях Ямбургского месторождения, на полуострове Ямал.

Одновременно с разработкой проекта на хозрасчетном экспериментальном участке проводились эксперименты с новыми типами узлов будущей машины. Такая организация работы, когда твои задумки сразу же воплощаются в металл, конечно же, вызывает живой интерес у каждого, кто хочет учиться не только по книгам, стимулирует инициативу, способствует качественному росту студента — будущего специалиста.

Центром «Магистраль» уже разработана документация на изготовление опытного образца моей машины, недалеко тот день, когда она выйдет из цеха и я смогу принять участие в ее испытаниях на Севере. Трудно переоценить те возможности, которые дает студентам «Магистраль»: участие в исследованиях и разработке новейших технологий, машин, осуществление своих идей на практике. Выпускники нашей кафедры ориентированы на творческое применение самых современных методов строительства.

Александр СЫЧЕВ, студент 4-го курса:

— Иногда говорят, что работать и учиться слишком сложно, и так, мол, нет свободного времени. Так ли это? Сам я работаю лаборантом на кафедре профессора В. М. Минаева. И не один, у нас там десятка два студентов. Всегда можно найти время, если правильно его планировать. Главное — было бы желание.

А работа на кафедре очень интересная, связанная с будущим любого из нас. Скажем, сейчас мы занимаемся разработкой чертежей установки для горизонтальной подземной проходки. Через

какие-нибудь два-три года эти установки войдут в серийное производство и станут широко применяться при сооружении трубопроводов. И нам, нынешним студентам, уже знаком будет то оборудование, которое разрабатывается сегодня в «Магистрале».

Леонид АБЫШКИН, студент 5-го курса:

— Моя дипломная работа — универсальный монтажно-землеройно-укладочный комплекс. Думаю, уже из названия понятно, что это довольно сложная и разноцелевая система, предназначенная для монтажа и укладки трубопровода. Были ли у меня сложности в работе над этим комплексом? Конечно. Ведь он будет автоматизированным, а это дело совершенно новое в отрасли. Вот, скажем, читают нам курс по механизации и автоматизации, а конкретных примеров практически нет. Автоматизация у нас только зарождается.

В «Магистрале» я уже с третьего курса и очень рад, что есть у нас и такая лаборатория, и такой центр. Мне кажется, что без них и учеба была бы какой-то неполной, что ли. И почти сразу же, как попал я в лабораторию, принялся за разработку универсального комплекса. Идея о том, что такой агрегат жизненно необходим, уже созрела, и мне оставалось только уловить ее, понять.

Хочется верить, что комплекс выйдет удачным. Рытье траншей, заглубление трубопровода будут проводиться в автоматическом режиме. Хотя скорость комплекса может показаться не слишком большой — где-то около полутора километров в смену, но при этом он будет, в отличие от существующей техники, и всепогодным, и всепроходимым. Да и давление его на почву будет всего 0,01 килограмма на квадратный сантиметр, с чем не может сравниться ни экскаватор, ни трактор. Комплекс будет перемещаться по трассе строительства, оттапливаясь от им же проложенного трубопровода.

Немаловажно и другое. Знаете ли вы, какова сегодня ширина прорубаемой при прокладке трубопровода просеки? Целых двадцать пять метров. В моем же комплексе всего двенадцать. Так что и с экологической точки зрения он выгоден.

Олег ИВАНЦОВ, начальник Главного технического управления Миннефтегазстрой СССР:

— Создание «Магистрале» — смелый и многообещающий эксперимент. Идет поиск эффективных форм творческого содружества с учеными высшей школы, студентами для быстрого технического перевооружения нефтегазостроительной отрасли.

За годы работы «Магистрале» мы убедились в том, что студенты, прошедшие школу центра, становясь инженерами, выгодно отличаются своими конструкторскими навыками, умением правильно, творчески подойти к решению сложных инженерных вопросов. Эта организационная форма уже во многом себя оправдала. Например, при решении такой важной и трудной задачи, как создание метода бестраншейной прокладки трубопроводов под различными препятствиями и особенно под реками. Кстати говоря, экономический эффект от внедрения нового метода строительства подводных переходов ориентировочно составит только по Миннефтегазстрою свыше 12 миллионов рублей в год. Расчеты показывают, что от внедрения всех разработок «Магистрале» можно получить до 25 миллионов рублей ежегодно.

Думаю, это наглядный и весомый пример, доказывающий не только полезность, но и необходимость создания подобных «Магистрале» центров и при других министерствах. Выгода-то получается тройная. С одной стороны, оперативно решаются важные для отрасли научно-технические задачи. С другой — гораздо лучше, полнее используются научные кадры института. И с третьей — подготавливаются более квалифицированные молодые специалисты.

Записал
Геннадий МАКСИМОВИЧ.

Валентин ТОЛСТЫХ,
доктор философских наук

ТУПИКИ

Заметки о социальном зле

БЮРОКРАТИЗМА

Читатель, конечно, знает и помнит «Баню» Маяковского и согласится с тем, что ничего крупнее, определеннее и выразительнее Победоносикова вместе с его «оруженосцем» Оптимистенко в нашей литературе по части изображения и разоблачения бюрократизма с тех давних пор не появлялось. Почему? На это, думаю, ответ можно дать, проведя серьезное историко-эстетическое и социологическое исследование, в ходе которого выяснится, что призывы клеймить бюрократизм, «чистить и чистить» нашу жизнь от бюрократов так и остались призывами, реальность, в сущности, не затронув. Выяснится, во-первых, что долгое время нужны были такие Щедрины и Гоголи, которые бы «нас не трогали», то есть как раз бюрократов, отождествляющих себя с Советской властью; во-вторых, что само явление бюрократизма, казалось бы, такое всем знакомое и понятное, художественно выразить, запечатлеть не так-то просто (отдельные запоминающиеся попадания в мишень, как, например, образ бюрократа «от культуры» Огурцова в блестящем исполнении Игоря Ильинского, это лишь подтверждают). Я не уверен, что, возьмись сегодня за создание современной «Бюрократиады», художники обязательно справятся с этой задачей, как не справились они недавно на экране с «Прохиндадой», где нашло отражение все что угодно, но только не опасность агрессивной обывательщины, прохиндеев порождающей и питающей. А если принять во внимание, что нынешние победоносиковы весьма отличаются от своих недавних предшественников (и кто такой Микеланджело знают, научились грамотные доклады составлять, правда, с чужой помощью, и умеют прикинуться простыми, демократичными, когда требуется), то задача преодоления бюрократизма намного усложняется.

ПРИМЕТЫ И СУЩНОСТЬ

Существует расхожее представление о бюрократизме, фиксирующее отдельные приметы и свойства, но отнюдь не сущность этого социального феномена.

На первый план при этом выходят внешние признаки и проявления: волокита, канцеляризм, формализм. Бюрократизм так и определяют — как «выдвижение на первое место формальной стороны в ведении каких-либо дел, пренебрежение существом дела ради соблюдения формальностей». И соответственно бюрократ — это «должностное лицо, выполняющее свои обязанности формально, в ущерб делу»; бюрократический стиль руководства, управления — «казенный», «канцелярский» (вспомним, как положительно оценил бухгалтер Ночкин гневно бичует Победоносикова — «портфель набитый», «клипка канцелярская», «вам только чтоб образцам да параграфам соответствовало»).

Однако суть бюрократизма этими определениями не схватывается, и если бюрократ не узнает себя в обличительных очерках и фельетонах, полагая, что это не про него, а «про знакомого», то именно потому, что «ругани» здесь, как правило, больше, чем смысла, понимания природы критикуемого явления. Малорезультативны и попытки преодолеть бюрократические наросты с помощью переаттестации, установления «служебного несоответствия» должностного лица своему назначению. Бюрократы не рождаются, ими становятся, причем в совершенно определенных условиях. Поэтому очень важно в каждом конкретном случае добраться, докопаться до первопричины, до механизмов и отношений, бюрократ порождающих и воспроизводящих. Они-то и должны

оказаться в центре внимания обществу, чего не наблюдается даже в нынешней ситуации гласного и резкого неприятия бюрократизма.

Как ставил вопрос В. И. Ленин? «Я его (бюрократизм. — В. Т.) от души ненавижу. Не имея, конечно, при этом в виду того или иного отдельного бюрократа. Последний может быть дельным человеком. Но я ненавижу систему. Она парализует и вносит разврат как внизу, так и наверху». Поэтому неверно сводить суть проблемы к личным качествам или недостаткам, просчетам, ошибкам людей, облеченных властью (из чего не следует, что надо занять позицию всепрощенчества и пренебрегать личностным моментом). Ибо тогда, как заметил К. Маркс, специально изучавший явление бюрократии, критика ее строится на допущении совершенства самого института управления и несовершенства человеческой природы. А именно: «...объективные недостатки самого института ставятся в вину отдельным лицам для того, чтобы, не улучшая дела по существу, создавать видимость улучшения». Читатель знает, как много развелось у нас подобной «видимости». Например, о том, что освобождение от должностей одних и замена их другими, равно как и любое количество строгих взысканий за плохую работу и руководство, само по себе не гарантирует улучшения деятельности того или иного учреждения, ведомства, отрасли. Ведь это факт, что со сменой лиц нередко ничего не меняется в существе дела, которое новые лица возглавили.

Если понять, что бюрократизм порождается не личностями как таковыми, то можно пойти дальше и поставить под сомнение укоренившуюся привычку рассматривать борьбу с ним как борьбу с «начальством», что абсолютно неверно. «Бюрократ» и «начальник» совсем не синонимы, хотя бюрократизм, безусловно, проистекает из источника, именуемого властью. Бюрократ немалым без того, что можно назвать ощущением власти, без «губительной страсти — повелевать» (я цитирую стихотворную строчку современного поэта), вскармливающей и питающей вседозволенность. Но ведь над нами властвуют не только администраторы, руководители всех рангов и постов. Бюрократы могут стать и врач, больше думающий о заполнении «истории болезни» (на случай проверки его работы), чем о здоровье пациента; и заболевший процентоманией школьный учитель, занятый всем чем угодно, но только не душами своих питомцев; и продавец, упивающийся своим «могуществом» перед покупателями в условиях дефицита и неисчезающих очередей, и т. д., и т. п.

Но нас интересуют сейчас не эти почти бытовые проявления бюрократи-

ческого мышления и поведения, а бюрократизм людей, профессионально занятых управлением делами и людьми. Как возникает, на чем держится и каким образом проявляет себя бюрократизм руководителей? Вопрос важный и актуальный в свете объявленной XXVII съездом КПСС решительной и беспощадной войны бюрократизму, требований, предъявляемых к руководителям в переломный момент жизни страны, нашего общественного развития. Как никогда раньше, повышаются требования к руководителям, стоящим во главе процесса перестройки и ускорения социально-экономического развития страны. «Надо ли напоминать, — говорил на XXVII съезде партии М. С. Горбачев, — что с фигурой руководителя, прежде всего партийного, люди связывают все плюсы и минусы той конкретной, реальной жизни, которой они живут».

КОГДА МЕРТВОЕ ХВАТАЕТ ЖИВОЕ...

Простейшее наблюдение: при встрече с бюрократом, от которого зависит решение интересующего нас вопроса, почти автоматически возникает «магнитное поле» взаимного непонимания и отталкивания. Что нас — подателей просьб, жалоб и предложений — раздражает, обижает, возмущает прежде всего и почему чаще всего невозможен нормальный человеческий контакт? Вдумываясь, начинаешь понимать, что казенный или канцелярский стиль мышления и поведения имеет под собой некое объективное основание, на поверхности проступающее как формализм или волокита. Бюрократ принадлежит, как говорится, душой и телом совсем другой действительности, чем мы, «простые смертные». Это не «ясная как день действительность» (К. Маркс), в которой мы все существуем и которая требует к себе прозрачного и непредвзятого отношения. Нет, это совсем иная действительность — разного рода актов, предписаний, инструкций, распоряжений, правил, приказов, ставшая «альма матер» чиновничьего бытия и образа жизни. В том-то и состоит парадокс, что для бюрократа «настоящей», «истинной» является не та «ясная как день действительность», из которой мы к нему пришли, а именно эта, официально удостоверенная, зарегистрированная, материализованная в определенных установлениях, и все, что ей противоречит или с нею не совпадает, рассматривается им как проявление «беспоряд-

ка», «хаоса», нечто подозрительное.

Понятно, поскольку существует государство и необходим аппарат власти, без постановлений, распоряжений, предписаний и т. п. не обойтись. Беда в том, что чиновник, представляя «государственный порядок», основывается и в способе восприятия, и в своих оценках реальной действительности только или преимущественно на официальных данных о ней, как будто в них содержится вся истина и дается адекватная ее картина. Но, как верно замечено, бюрократия представляет собой такую систему сбора и обработки социальной информации, которая даже и не ставит себе цель совпасть с реальностью, находящейся перед глазами каждого.

«Действительная наука, — отмечает К. Маркс, — представляется бюрократу бессодержательной, как действительная жизнь — мертвой, ибо это мнимое знание и эта мнимая жизнь принимаются им за самую сущность». Выстраивая «бюрократическую действительность», чиновник постоянно препарирует, омертвляет живую жизнь, отсекая от нее, как ему кажется, все лишнее, ненужное. Тоже своего рода скульптор, но с отрицательным знаком. Ибо художник одухотворяет мертвый кусок камня, вдыхая в него жизнь, а бюрократ из любого дела вынимает живую душу. Хотите увидеть, как «мертвое хватает живое», всмотритесь внимательнее в деятельность бюрократа. Обвиняя его в формализме, надо постоянно делать оговорку, что имеется в виду не интерес чиновника к форме, которая тут вообще ни при чем (порядок и организованность всегда важны и нужны), а отсутствие интереса к содержанию, безразличия к смыслу факта, события, проблемы.

Меньше всего бюрократа интересует реальное положение вещей, действительный ход событий и более всего — соответствие последних «бюрократической реальности». Приписки, которые мы так охотно обличаем, не уточняя, кому они надобны и выгодны, — это любимое детище, изобретение бюрократа. Это с их помощью он согласует и гармонизирует взаимоотношения двух реальностей, подчиняя то, что есть, тому, что должно (обязано!) быть. Психология очковитательства неотделима от заботы бюрократа о собственном служебном положении. Поэтому так не жалует он критику, подозрительно относится к любой аналитике существующего и происходящего и всегда озабочен тем, чтобы ее было поменьше.

БЫВАЮТ ЛИ ХОРОШИЕ БЮРОКРАТЫ?

Непроницаемость и непробиваемость бюрократического отношения к реальной действительности вполне объяснимы. Дело в том, что, когда бюрократии дают возможность развернуться, пока-

¹ Клара Цеткин. Воспоминания о Ленине. М., 1968. с. 18.

зять, на что она «способна», она, не спрашивая ни у кого на то согласия, образует особую, замкнутую систему в государстве, предстатели которой ведут сословный, «чиновничий» образ жизни и исповедуют чиновничью психологию. Сословный потому, что основой, принципом существования бюрократа выступает не то общее, что его как-то связывает с другими людьми, а именно различие, отрыв от них. Бюрократ знает, что его не любят, по меньшей мере недолюбливают, и ему совсем не нравится, что его постоянно ругают, клемят, обличают, но он и не собирается что-либо менять по существу под влиянием критики. Для этого он должен был бы отказаться от своей сущности, от самого себя, то есть перестать быть чиновником в душе, вести чиновничий образ жизни и мыслить чисто бюрократически. Он живет с убеждением, что начальство все лучше знает, да и реальность не так уж плоха, как об этом думают, говорят и пишут. Бывают ли хорошие бюрократы?

Бывают, если они перестают быть... бюрократами.

Подобная метаморфоза иногда происходит с бюрократами, когда он на время или навсегда выпадает из «чиновничьей действительности» и вынужден вести непривычный ему, «реальный» образ жизни. Так случилось однажды с Сергеем Тимофеевичем Абрикосовым, героем фильма «Частная жизнь» (А. Гребнева и Ю. Райзмана), которого очень запоминающе сыграл Михаил Ульянов. Перед нами типичный продукт и одновременно жертва отделения служебного, делового от жизненного, разорванности общественного и индивидуального, печальный пример одномерного, «частичного» существования, пагубно отразившегося и на деле, которым Абрикосов занимается, и на самой его личности. Его не чувствуют, не понимают даже самые близкие люди — жена, сын, невестка, боится теща и секретарша. Освобожденный от руководящей должности, он, привыкший видеть город, улицы, магазины только из окна черной «Волги» и знакомиться с людьми в кабинете и на совещаниях, теперь, как иностранец, попавший в незнакомую страну, будто впервые видит, узнает и познает то, что для массы людей каждодневно, естественно, важно.

Суть дела ведь не в том, что люди типа Абрикосова целиком отдаются государственной или хозяйственной деятельности (это похвально и прекрасно), и не в том даже, что они пользуются рядом привилегий, которые их отдалают, а некоторых, увы, и отделяют от реальной жизни, мешая им острее чувствовать нужды подавляющего большинства граждан. Суть в том, что бюрократ, достойный этого малопочтенного звания, вообще не живет нашей с вами, читатель, жизнью, а именно от него часто зависит и наше благополучие, и решение важных для нас вопросов. Ведь сословный, «чиновничий» образ жизни, бюрократ отгорожен от нее и от тех, кому он служит, не столько статутами официального лица, сколько незнанием и непониманием реальных забот и трудностей людей (вряд ли обюрократившийся чиновник чувствует с той же остротой продовольственную проблему или гримасы медицинского обслуживания, как рядовые граждане).

Социализм, или, согласно В. И. Ленину, «не полный коммунизм», не может обойтись без равенства в сфере распределения и потребления. Но надо бы давно уже разобраться и почтче разграничить неравенство справедливое, обусловленное формулой «от каждого — по способностям, каждому — по труду», от неравенства несправедливого, труднообъяснимого, не согласуемого именно с социалистическими принципами бытия. Попробуйте, скажем, объяснить и понять, почему качество услуг и потребления для бюрократии, увы, все еще заметно отличается от обслуживания и потребительского стандарта остальной части трудящихся, занятых в материальном и духовном производстве, — у вас ничего не получится, да никто и не отважится взяться за такое

объяснение. Зато нетрудно понять и объяснить, что именно отрыв от реальной жизни и проблем так называемых «простых тружеников» бюрократизм питает, взращивает, усиливает, укрепляет, а самого бюрократа разращает, деформирует как личность.

До сих пор не выходит из головы знакомый — вполне здоровый, полный творческих сил руководитель одного солидного учреждения, который предпочел перейти на пенсионное положение, чтобы сохранить полагающиеся ему должностные привилегии, вместо того чтобы занять положение рядового профессора одного из столичных вузов. Только не говорите, что пример «единичный» и совсем «нетипичный»...

Не приходится удивляться тому, что, беря пример со старших, и молодой человек нередко выбирает не интересную работу, не трудное, но перспективное в творческом и духовном отношении дело, а должность с набором соответствующих привилегий.

Молодой бюрократ особенно опасен и непривлекателен. Все безукоризненно, как бы отполировано, отуплено. Гладкие щеки, гладкие глаза, гладкая улыбка. Румянец — не потому что молод, а потому что ничто не тревожит. Ревностен, старателен, с «чего изволите?» во взгляде, обращенном к начальству. И всегда прав, когда оказывается перед подчиненными. Знает свое место, вперед не забежит, со «своей» точкой зрения не высунется. Тут все в своем предельном выражении, все кончено, и уже ничем не помочь...

АППАРАТ ДЛЯ НАРОДА ИЛИ НАРОД ДЛЯ АППАРАТА?

Бюрократ абсолютно уверен в том, что своей деятельностью выражает интересы народа — наши, мои интересы. Но это не совсем так, вернее, совсем не так. Выступая «от имени» трудящихся, бюрократизм на деле узурпирует право на власть, отстраняет массы от управления обществом, государством, хозяйством и пытается доказать, что никакого другого, кроме чиновничьего, способа решения жизненных вопросов просто не существует. Возникает перевертыш, точно обозначенный В. И. Лениным: «Не

аппарат для народа, а народ для аппарата — вот «символ веры» бюрократизма». При этом привилегии участия в управлении государственными или общественными делами бюрократ воспринимает как нечто данное ему «свыше» и навсегда, в качестве своеобразной ренты за его умение «делать дело», которое — он убежден — недоступно другим. Он настолько свыкается с этой мыслью, что при отстранении от должности долго не может понять, почему в нем перестали нуждаться.

Один из героев пьесы В. Дозорцева «Последний посетитель», бюрократ от медицины Валерий Ермаков, в порыве откровенности раскрывает внутреннюю моральную основу своего умения «делать дело». Надо, по его мнению, овладеть лишь одним — законом больших чисел. «Есть закон больших чисел, и

а именно отдельной личности, которая своим молчаливым «не хочу», «не буду» делает беспредметными, недействительными, мертвыми распоряжения и установления. Расчет или упование на коллектив, который всегда заставит каждого хорошо работать, правильно жить, весьма проблематичны. Как правило, они дают результаты, «срабатывают» лишь тогда, когда человека понимают и рассматривают всего лишь как фактор производства, общественной деятельности вообще, но это измерение значения и возможности человеческой личности отнюдь не единственное и далеко не исчерпывающее.

А если внимательнее приглядеться к философии «больших чисел», пренебрегающей такой «малостью», как отдельный человек, то можно заметить в ней и более существенный изъян, порок. В спектакле «Диктатура совести» (по пьесе М. Шатрова) в Московском театре имени Ленинского комсомола пытается «оправдаться перед историей», защитить свою позицию Андре Марти, бывший член и один из руководителей Французской коммунистической партии, исключенный из нее за приверженность к взглядам и методам казарменного, бюрократического коммунизма (вплоть до использования полицейских методов руководства партией и массами). Марти тоже «за» массы, за всемерное использование их энтузиазма, однако считает их заведомо незрелыми решать серьезные вопросы и потому недостойными доверия. Марти полемизирует с основоположниками марксизма и ленинизма, противопоставляя их подходу и воззрениям точку зрения, как он убежден, «истинного социализма». «Великим старикам, — говорит он, — легко было фантазировать в тиши Лондонской публичной библиотеки — живое творчество масс, освобождение сил труда, демократия, гласность, нравственность, инициатива и прочий набор прекрасноречивых фраз. А если смотреть реально? Надо быть абсолютно слепым, чтобы не видеть нынешнюю незрелость массы, абсолютно глухим, чтобы не услышать, что уничтожение частной собственности несколько не уничтожает жажду собственности. Человек тот же, что и много веков назад, — он всегда всего хочет и всегда всего боится... Каждый — нуль, и только когда они встают за единицей, они превращаются в тысячи и миллионы, шаг которых грозен и неумолим. Тотальное самоотречение, тотальный контроль, тотальная регламентация всей жизни — и жертвы наши не будут напрасными...»

Совсем иной подход и понимание массы у В. И. Ленина, который, по свидетельству Клары Цеткин¹, никогда не сводил ее к количеству и не рассматривал как нечто безличное, серое, рыхлое. Настаивая на «качестве в количестве», вождем революции видел в массе сосредоточение и сплочение всего лучшего в рвущемся ввысь человечестве. Марти видит в человеке лишь орудие, средство, инструмент революционного переустройства мира и полон недоверия, подозрительности к нему в виду его «несовершенства». Он рассуждает и мыслит как истый бюрократ, у которого на первом месте в шкале нравственных ценностей стоит кто и что угодно, но только не реальный человек с его реальными заботами и интересами.

В основании бюрократического способа управления обществом, как хорошо показал когда-то К. Маркс, лежит определенное представление об обществе и его гражданах. Все очень просто: граждане делятся на благонамеренных и неблагонамеренных, причем именно чиновникам как «наследственным арендаторам политического разума» общества принадлежит право решать, насколько тот или иной гражданин наполнен и преисполнен «благих намерений». Бюрократ любит при случае напомнить формулу «Государство — это мы», но в «мы» он включает прежде всего себя, а

все. Это не только в медицине. Это — везде. Это — где хочешь. Между прочим, самый демократичный подход к делу: все в интересах большинства. Можно думать о человеке, а можно — о людях. Что важнее? Вот тут у тебя тонет десять пионеров, а там, дальше — еще один. Кого будешь спасать? Ну кого, кого? Это, знаете, у вас там, в девятнадцатом веке, людей было мало и можно было подумывать о каждой живой душе. А у нас, в двадцатом, по одному не тонут. Народу стало... черт возьми. Мы имеем дело с массами...»

Вот такой же апологет «больших чисел» упрекал недавно обществоведов с трибуны философского учреждения в том, что они слишком увлеклись в последние годы темой личности, в то время как следует — заняться массовым поведением и массовым сознанием. Как будто можно изучать и что-нибудь понять в психологии и деятельности масс, не имея четких представлений о личности. И выходит, надо даже дипломированным философам объяснять, что масса, обезличенная и лишенная личностного потенциала, не более чем толпа. Вопрос, заметим, не только теоретический. Приверженцы «закона больших чисел» (а их немало развелось во всех сферах деятельности) даже не подозревают, что решение многих экономических и социальных проблем упирается сегодня в сознание и поведение не масс,

¹ См. Клара Цеткин. Искусство — Идеология — Эстетика. М., 1982, с. 64.

также тех граждан, которые, по его мнению, доросли до понимания, как иронически заметил К. Маркс, «мудрых взглядов бюрократии». И так, сначала чиновник отождествляет себя с государством, свой «особенный» интерес объявляет всеобщим, а вполне ограниченный разум — «государственным разумом», а затем на этой чисто субъективной базе строит свое отношение к людям, свои оценки их образа действий и мысли.

«Посетитель», оппонент Ермакова (спектакль «Последний посетитель»), отвечает разоткровенничавшемуся чиновнику: «...Вам нельзя иметь дело с массами, потому что для вас жизнь одного человека ничего не стоит. У вас вот такая (показывает) дыра в этике. И я вам не верю! Не можете вы болеть интересами большинства — вы ими только прикрываетесь. Нет никаких законов больших чисел — есть непроломный карьеризм и восторг чиновника!..» Стоило бы внимательнее приглядеться к практике так называемого «разумного карьеризма», под которую иногда пытаются подвести теоретическое обоснование в газетных дискуссиях. Деловитость и предприимчивость хороши и нужны, но не следует все-таки путать умение делать дело с умением делать карьеру, которая, что ни говори, заканчивается все той же погоней за чинами и привилегиями.

«КАЖДОМУ — НЕБОЛЬШОЕ ЦАРСТВО ТРУДА...»

Бюрократизм — это не только особая форма бытия, но и особый способ мышления, особая шкала ценностей, «этика», стиль общения и поведения.

Психологически емкий портрет-характеристику бюрократа дает Андрей Платонов в недавно опубликованном «Ювенильном море». Один из так называемых «невнятных», директор скотоводческого хозяйства Умрищев, «совершал свои замечания по гурту. Войдя в пекарню, он отпробовал хлеба и сказал ближним подчиненным: «Печь более вкусный хлеб». Все согласились. Выйдя наружу, он вдруг задумался и указал Високовскому и Божеву: «Серьезно продумать все формы и недостатки». Божев сейчас же записал эти слова в свою книжку. Увидя какого-то человека, тихо шедшего стороной, Умрищев произнес: «Усилить трудовую дисциплину». Здесь что-то помешало Умрищеву идти дальше; он стал на месте и показал в землю: «Сорвать былинку на пешеходной тропинке, а то бьет по ногам и мешает сосредоточиться». Божев наклонился было, чтобы уничтожить былинку, но Умрищев остановил его: «Ты сразу в дело не суйся — ты сначала запиши его, а потом изучи: я же говорю принципиально — не только про эту былинку, а вообще про все былинки в мире...»

Читая Платонова, я вспомнил десятилетнюю давности разговор, в котором один руководящий товарищ объяснял мне трудности пребывания на ответственной должности: «Понимаете, вся трудность в том, чтобы не выходить за рамки. Ежедневно быть активным, деятельным, но ничего не решать по существу. Надо встречаться с людьми, советовать, собирать материал и готовить справки, когда спрашивают: осторожно, обязательно с оговорками «мне кажется», «я не уверен, но...» — высказать свое мнение, вообще не сидеть сложа руки и при этом ничего не решать, не торопиться со своими оценками и предложениями. Над тобой столько начальников, целая лестница «вышестоящих», у каждого имеется «свое» мнение, и никто из них не любит, если нижестоящий оказывается сообразительнее, прозорливее, умнее...» Так что ничего сатирического или иронического в платоновском изображении умрищевых я лично не вижу — вполне реальное, бытовое наблюдение.

Бюрократ не может обойтись без идеала и мечты, взращивая свои представления о совершенстве общественной организации. Воображение подсказыва-

ет Умрищеву такой образ и перспективу «социалистического» преобразования действительности: «— Каждому трудящемуся надо дать в его собственность небольшое царство труда — пусть он копается в нем непрерывно и будет вечно счастлив. ...Один, например, чистит скотоместа, другой чинит по степи срубные колодцы, третий пробует просто молоко — какое скисло, какое нет, — каждый делает планово свое дело, и некуда ему больше соваться. Я считаю, что такая установка даст возможность опомниться мне и всему руководящему персоналу от текущих дел, которые перестанут к тому времени течь. Пора, товарищи, социализм сделать не суетой, а заботой миллионов.

Собрание молчало...» И собрание можно понять. Устройство и порядок, прокламируемые Умрищевым, видимо, очень импонируют бюрократам вообще (совершенствуя организацию какого-либо дела, современный чиновник никогда не забывает о том, чтобы ему было «удобнее» руководить, «легче» управлять!). Но людей — не «винтиков», сколько-нибудь сознательных, с развитым чувством собственного достоинства — вдохновить, увлечь никак не могут.

У кого-то простодушие умрищевских представлений об идеальном жизнеустройстве (с точки зрения бюрократически понятого, «казарменного» коммунизма) может вызвать улыбку, и только. Но комическое легко и быстро перерастает в трагическое, если умрищевым дать разгуляться, осуществить свой идеал на практике. Разумеется, все это крайности, но ведь и крайности тоже имеют свое начало, свой исток, из которого они проистекают, происходят.

Одним из таких питательных источников бюрократизации действительности является отождествление государственного и общественного начал жизнеустройства. В условиях социализма государство и общество едины, связаны общностью интересов и целей, между ними нет и не может быть антагонизма. Но это не значит, что они тождественны друг другу, что между ними нет и не может быть никаких различий. На практике то и дело наблюдается подмена общественного начала государственным, неоправданное «огосударствление» тех сторон и проявлений общественной жизнедеятельности, которые в этом совершенно не нуждаются. Даже разного рода фестивали, встречи общности порою настолько «зарегулированы» и «запротоколированы» вмешательством государственных учреждений, органов, инстанций, что участие и инициатива трудящихся массы по сути своей сводятся к голому исполнительству принятых «свыше» рекомендаций и решений.

ПРАВО РЕШАТЬ — И ДОЛГ ОТВЕЧАТЬ

Ничуть не преуменьшая значения и роли государства, надо постоянно иметь в виду, что оно лишь орган и инструмент в руках общества, и те, кто этот орган представляют, — всего лишь **слуги народа**, как когда-то их точно называли. И пока они слуги не только по названию, по определению, но и по действительному содержанию своей деятельности, по фактическому характеру их связи с массами, опасность бюрократизации минимальна. Перевертывание отношений, в результате которого «слуги» постепенно присваивают себе функции «хозяев», делает процесс бюрократизации общественной жизни неизбежным. С этого момента все люди делятся на активных, сознательных граждан, которые управляют и потому имеют право поучать, «как жить» и «что делать», и на пассивных, несознательных граждан, которыми управляют. Не имея ничего против того, чтобы граждане обсуждали, голосовали, вообще «принимали участие», бюрократ отказывает им в праве **решать** не только что и как надо делать, а что и почему делать не надо, но и свою собственную судьбу. И очень

не любит бюрократ, когда заговаривают о «самоуправлении», до которого массам, конечно же, «ой как далеко». Излюбленный принцип его взаимоотношений с руководимым им коллективом — «знай свой шесток». Ни один бюрократ, насколько я помню, не возмутился некогда весьма популярным тезисом о людях — «винтиках» единой государственной машины (некоторым он и сейчас нравится), не восстал против распространенной и сегодня формулы «я, знаете ли, человек маленький», демонстрирующей отнюдь не скромность, а нежелание «добровольно маленьких» граждан брать на себя ответственность. Даже образованного, «политически подкованного» бюрократа не смущает полное несоответствие излюбленного оборота «у нас незаменимых нет!» марксистскому, ленинскому пониманию социалистической коллективности и индивидуальности.

Все эти далекие от научного социализма представления, формулы и словесные выкрутасы, пуштившие корни не только в мышлении бюрократов, искажают, деформируют самую суть социализма, которую В. И. Ленин видел в **живом творчестве масс**. Они должны быть искоренены не только в сознании, но и в бытии, причем в бытии прежде всего. Не путем словесного обличительства, чего всегда было предостаточно, а путем решительного преобразования самого механизма управления, его безусловного «разбюрокративания». Критерий и показатель здесь один — **мера включенности масс** в управление обществом, государственным делами, хозяйством. Только не надо судить о степени достигнутой «разбюрократченности» по абсолютным цифрам принявших участие в голосовании или обсуждении вопросов, которые иногда ни о чем не свидетельствуют и ничего не доказывают. Включить массы в процесс управления — это значит соединить их **ответственность с правом решать** то, за что они отвечают. Соответственно те, кто по долгу службы поставлен **решать**, должны научиться **отвечать** за последствия своих распоряжений и установлений. Лишь в этом случае можно будет покончить с психологией и практикой кипучей бездеятельности и коллективной безответственности.

Ситуации порою возникают почти кафкианские, подвластные разве что драматургии «театра абсурда». Кто виноват в том, что был открыт зеленый свет так называемой «затратной экономике», обирающей нас, потребителей, и затормозившей развитие народного хозяйства? Неизвестно. Более пятидесяти кинокартин лежали годами на полках, и никто не может внятно сказать **ни по одной из них**, кто именно и за что «положил» их на полку. А между тем те, кого А. Гельман остроумно и точно назвал «новыми недовольными», считают, более того, убеждены в том, что они-то лично, «персонально» совсем не повинны в метаморфозах бытия, от которых мы сегодня пытаемся избавиться. Например, в том, что вместо роста производительности труда мы получили рост проблем, приписок и ложных авторитетов, превращение в дефицит даже того, что таковым не является по природе своей. Что они, оказывается, «ни при чем» в оказывании, убиении энтузиазма и живого творчества масс и не ответственны за распространение социальной скуки, которую никаким вином не зальешь...

Поэтому больше всего, помимо потери чинов и привилегий, бюрократ боится гласности, открытого обсуждения своей деятельности. И постоянно не готов к прямому разговору с теми, чьи интересы он призван выражать, не способен в открытом споре отстаивать свою точку зрения по любому серьезному вопросу, будь то реформа управления хозяйством или бессмысленное уничтожение памятников старины, культуры. Как правило, он уклоняется от непосредственного контакта с людьми из «ясной как день» действительности, которым ничего, кроме ссылок на официальные данные и мнение начальства, предложить не может.

Для того, чтобы справиться с бюрократизмом и бюрократами, не надо ничего особого, нового придумывать. Достаточно взять на вооружение — и не как красивую цитату, а в качестве критерия оценки деятельности каждого и любого руководителя — известные ленинские слова о людях, передовых и действительно просвещенных, «за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести», которые бы «не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели». Разоблачая «голых королей» недавнего прошлого и настоящего, надо бы со всей силой подчеркнуть значение руководителей, лидеров нового типа, готовых и умеющих работать с народом и для народа, сознающих свою ответственность перед будущим нашего общества. В ходе перестройки предстоит распрощаться с меркой, внедренной в практику Оптимистенко и ему подобными: «Мы уважаем то лицо, которое поставлено и стоит», — противопоставив ей другую, соответствующую природе социализма: достоин всяческого уважения и признательности руководитель, тесно связанный с массами, преданный делу партии, инициативный, мыслящий, деятельный. Для того, чтобы покончить с бюрократизмом, предупреждал В. И. Ленин, понадобится время и «сотни мер», первая и главная из которых — **постоянный, неослабный, строгий контроль снизу**, развитие форм непосредственной демократии.

Для этого опыт собственной жизни тружеников должен стать неотъемлемой частью управления обществом, которое осуществляется, как подчеркивал В. И. Ленин, «для трудящихся, но не через трудящиеся массы». Без широкого развития общественной самостоятельности масс, приобретающей качественно новые черты и формы по мере роста их общей, правовой и нравственной культуры, с бюрократизмом не справиться. Включение широких масс трудящихся в управление обществом — это и есть **социализм на деле**.

Правда, буквально на ходу придется преодолевать десятилетиями насаждаемый и укореняемый принцип «я человек маленький». Не секрет, что многие из нас даже в сознании отказались от **прав хозяина** общества, всецело передав это право — то есть право решать наши жизненно важные вопросы — так называемым «слугам народа». Руководителям, ученым, идеологам, вообще **другим**.

Объявляя беспощадную войну бюрократизму и бюрократам, партия сознает, что это противник сильный, хитрый, изворотливый, умеющий подстроиться под любую перестройку. Бюрократизм, как было веско сказано на XXVII съезде КПСС, — одна из серьезнейших преград на пути решения нашей главной задачи — **УСКОРЕНИЯ социально-экономического развития страны, материального и духовного роста общества**. Борьба с ним должна вестись по всем направлениям и на всех участках. Для того, чтобы бюрократизм потеснить и затем искоренить, необходимо утвердить в нашей жизни деловитость, гласность, контроль снизу, соответствие слов и дел.

К ЧИТАТЕЛЯМ.

Мы рассчитываем продолжить разговор о социальном зле — бюрократизме с помощью ваших писем, дорогие друзья.

Москва готова открыть зрителям двери новых театров. Решением исполкома Моссовета театры-студии М. Розовского «У Никитских ворот», С. Кургиняна «На досках», М. Щепенко «На улице Чехова» и В. Спесивцева в Московском институте стали и сплавов становятся участниками эксперимента. Они получают официальное признание, входят отныне в московскую афишу наравне с профессиональными театрами и будут работать на полном хозрасчете.

О планах и заботах новых театров рассказывает наш корреспондент Елена ПЛАВСКАЯ.

Как видим, в этот список не вошел театр-студия «На Юго-Западе» — ведь он решением исполкома Гагаринского района столицы получил право (опять же экспериментально) нормального функционирования как профессиональный коллектив.

Финансовая самостоятельность театров повлечет за собой самостоятельность мыслей, идей и их свободную, вольную реализацию. Ведь в артели каждый работает за троих, и студийцам лучше знать, кто чего заслуживает. К ним было трудно попасть — теперь будет легче. Реклама, афиши, продажа билетов сделают свое дело. Билеты продаются — а деньги идут в их собственную кассу... И теперь они сами будут заказывать костюмы, декорации, программы...

Экономисты, учитывая «особые условия» творческой жизни этих театров, не будут утверждать им ни количества премьер в сезон, ни необходимого числа обслуженных зрителей — ведь «коммерческая вместимость» залов крайне низка — 100—200 человек, — и вынуждать новоиспеченные театры гнать план значит досрочно превращать их в чисто коммерческие предприятия.

Не случайно всплыло слово «артель». Это старое рабочее слово. Артельность и студийность — в этих понятиях много общего. Хотя слова непохожи, суть та же. Речь идет о том, что сегодня не только провозглашаются лозунги о гармоническом развитии личности — перешли к делу! Студия — то самое место, где личность, получив условия для своего развития, расцветает. Талант ведь можно сгубить, а можно вырастить.

Эксперимент даст возможность и обяывает осваивать самую «незаиграную» драматургию, пробовать самые смелые театральные формы.

С. Кургинян. Настрой у нас рабочий, оптимистичный. Хотя предвижу сложности: ведь опыта такой работы не существует, мы будем двигаться по целине. Чтобы успешно работать таким малым коллективом, нужны спаянные, психологически устойчивые компании, огромная работоспособность, умение учиться, быстро усваивать новые вещи.

М. Розовский. Чтобы выжить, необходимо этику срастить с эстетикой. М. Щепенко. Нам во что бы то ни стало надо себя оправдать, окупать. Главное, чтобы был единый, дружный коллектив.

Пусть читатель не сердится на частое повторение слов «единый, дружный коллектив» — это не штампованная формула привыкших к интервью режиссеров. Эти понятия ждут своего перерождения в конкретные дела.

М. Розовский. Свой театр-студию мы условно решили поделить на собственно театр и группу студийную, которая будет иметь собственный учебный репертуар, участвовать в делах театра, оказывать ему необходимую помощь. Мы не отрежем свое прошлое — безвозмездный труд и любительство будут продолжены и взаимно перетекут друг в друга. Сейчас мы мечтаем о заочном курсе. Его открытие окончательно решит нашу судьбу. Нам мало просто играть. Мы хотим начать учебный процесс с помощью ГИТИСа или другого вуза. Я не хочу, чтобы студийный дух пропал — в нем была определенная прелесть. Учебные процессы и творчество должны идти вместе. Тогда это и будет театр-студия не на словах, а на деле.

Итак, студия жива. Можно теперь открыть записные книжки — мы назовем вам адреса, по которым эти театры начнут работать. Театр-студия «У Никитских ворот» получает третий этаж здания кинотеатра Повторного фильма, где будет произведена реконструкция помещения. Театр-студия «На досках» поселится на Малой Грузинской в самом центре Москвы. М. Щепенко со своим театром, изменившим название на «Камерную сцену», переедет на улицу Чкалова, а студии В. Спесивцева, вероятно, будет предоставлено помещение в Доме культуры «Коммуна».

Но не вздумайте отправиться туда завтра — ремонтные работы еще не закончены.

М. Розовский. Много трудностей в связи с тем, что готового помещения у нас нет. Одновременно ведем две стройки — у Никитских ворот и в кооперативе «Лебедь».

А теперь — планы на завтра. Что мы увидим на сцене новых театров, когда осядет цементная пыль?

В. Спесивцев. Сейчас мы играем четыре спектакля: «Русские сказки», «Свет на горе», «Царь-рыба», «Плаха». Предстоит работа по произведениям Евтушенко, хотим обратиться к молодой драматургии, мечтаем о Достоевском.

М. Розовский. Мы сохраним наш репертуар целиком — тот, который мы играли, будучи народным театром. Одновременно с ремонтом начнем репетировать спектакль «Театр Достоевского».

С. Кургинян. В нашем репертуаре — «Берег», «Кто слышит пролитую кровь», «Экзерсисы», «Ночное наладение», «Жду любви». Кроме того, «Борис Годунов» полностью, готовимся поставить Чехова, Борхаса.

М. Щепенко. Мы называем «Однажды утром перед закатом», «Всегда театр», «Двадцать минут с ангелом», «О, Русь моя» — это фактически новый спектакль с использованием лишь прежней основы. Думаем о спектакле-композиции по отрывкам из публицистики и пьес Гоголя.

Предполагается создать также три экспериментальных профессиональных театра. Это театр под руководством Олега Табакова, театр под руководством Светланы Враговой, создающийся из выпускников Щепкинского училища курса М. И. Царева, и театр В. Васильева. Существует вариант утверждения решения о театре В. Васильева при Москонцерте — таким путем в дальнейшем его будет проще перевести в официальный статус профессионального.

Хочется верить, что, получив наконец серьезную поддержку и не обделенные зрительской любовью, «новички» нашей театральной афиши заявят о себе уже в ином качестве, откроют новый, яркий период в искусстве — словом, сумеют сделать то, на что претендовали так много лет.

Подвести итоги определенного периода в развитии студийного движения наш корреспондент Александр ЛИНЕЦКИЙ попросил народного артиста РСФСР Олега ТАБАКОВА, которого вы видите на нашем снимке вместе со своими студийцами.

ОЛЕГ ТАБАКОВ: ТЕАТРЫ РОЖДАЕТ ВРЕМЯ

Фото Валерия Плотникова

— Олег Павлович, столько лет говорили, писали о вашей театральной студии, так долго мечтали об этом и вы, и ваши ученики, и многочисленные поклонники спектаклей в подвале на Чапыгина. Как удалось добиться открытия театра?

— Во-первых, давайте сразу же уточним. Мы не ждали — ничего ни от кого не ждали все эти двенадцать лет. В этом, кстати, может быть, и есть «секрет фирмы». Я убежден, что в самых трудных ситуациях спасает только работа. Вот и учеников своих тому же учил. Мы работали. Не напоказ, не для плана или вала. Работали, потому что было чему учиться, работали, потому что любили пьесы, которые репетировали. Потому, что не могли не встречаться каждый вечер, были необходимы друг другу. Все остальное — если говорить о причинах внутренних — уже следствие. Есть и еще одно, важнейшее, по моему суждению, обстоятельство. Студийные организации необычайно живучи. Это единственная форма социального иммунитета в нашем деле. Сегодня, когда и на I съезде Союза театральных деятелей РСФСР, и на учредительном съезде Союза театральных деятелей СССР многое из практики минувших десятилетий было названо своими именами, мы, как никогда ясно, понимаем, что пережили лихие времена. Театр считался таким атавистическим придатком ап-

парата, управляющего культурой. Так, во всяком случае, понимались некоторыми руководителями от культуры его роль и место. До студий ли, право слово, тут было, посудите здраво? Когда и во МХАТе Ефремов «бунтовал», посвящая XXVI съезду партии «Так победим!» (не сразу ведь решили тогда, что делать с этим спектаклем, с этой мерой художественной и человеческой правды, не сразу выдвинули на Госпремию), и в Ленкоме «по красной траве» пускали не в меру ретивых синих коней. С этим нужно было совладать, расписать на контроль, завизировать, поручить «ответственным товарищам» следить за ситуацией и прочее.

Новые театры были не то чтобы не нужны, они были вредны тогда. Причем по многим показателям. Мало того, что казались убыточными, нерентабельными, так еще грозились ставить неведомо откуда взятые пьесы — неосвященные, непроверенные, неутвержденные.

...Это сегодня, когда я знаю, что все, что я вам говорю, напечатает, когда мои товарищи по цеху получили право размышлять со сцены и с трибун не только о том, что волнует ответственных работников, но еще и о том, что волнует их самих, я могу говорить обо всем этом с известной мерой иронии, с черным юмором, если хотите.

— Своего рода объективная и критическая оценка собственных дел?

— Прежде всего собственных. Мне по работе пришлось общаться с первым секретарем Московского горкома партии Борисом Николаевичем Ельциным. Вот к тому, что сказал он на отчетно-выборной городской партконференции, я присоединяюсь полностью: то было время, когда мы молчали. Не кто-то, не сосед по лестничной клетке, не товарищ по работе, а мы сами. И хотя не совсем молчали, не всегда, и хотя что-то, конечно, говорить пытались... Но не в полный голос, что ли, не там, где могли быть услышаны.

Я ни в коей мере не зачеркиваю того, что нами в семидесятые годы было сделано — да и странно было бы от себя отказываться, — хочу только подчеркнуть: могли и должны были сделать больше. У человека нет возможности жить сначала начерно, а потом набело. Не смогли, не сумели сделать очень много. На съезде театральные деятели союза только Георгий Лордкипанидзе и Рачия Каплянян, пожалуй, могли похвастаться, что за минувшие годы в Грузии и Армении не было закрыто органами культуры ни одного спектакля. Для наших широт неслыханная воляница. Я российский актер, патриот своего театра, но отчего же мы, перечисляя театральные города огромной России, все талдычим: Куйбышев, Омск, Челябинск? Только три имени и можем назвать из тех режиссеров на периферии, которые обратили «в свою веру» не кучку околотеатральной общественности, а целые миллионные города, — Петр Монастырский, Наум Орлов и Аркадий Хайкин. Кто спросит с тех театральные руководители, которые вверенные им театры загубили? А вместе с ними загубили, отвратили от театра целые поколения потенциальных зрителей?

Мы вот за расхитителей, за хапу и ловчил в государственном масштабе взяли. Имена не боялись народу объявить, подробно и страшно рассказали о том, кто потворствовал, как и почему прижились возле нас такие «деятели». Пора бы вроде и с тех, кто данной им властью без чести и совести разграблял и обделял наши души, души детей наших, спросить. Только нет, по моему, такой статьи в кодексе уголовном. А кодекс чести (о моральном кодексе строителя коммунизма я и не говорю) не для них писан...

— Вы сказали: «загублены поколения зрителей». Это можно как-то расшифровать?

— Здесь и так все ясно, по моему. Я вспоминаю, как недели за две до того, как предстояло пойти в Саратовский ТЮЗ (и в годы моего детства, и теперь руководит им Юрий Петрович Киселев), я начинал вокруг театра «давать круги». Ходил по улице, представлял себе, как войду, где сяду, как погаснет свет, откроется занавес и начнется чудо. Кто знает, может быть, именно с этой влюбленности в чудо театра и начинается путь к нему? Я-то уверен, что это так.

Вы спросите: как это получалось? Очень просто — в театр ходили, и ТЮЗ, и драматический пользовались успехом, там работали хорошие актеры, на которых ходили, там умели создать небытовую, театральную атмосферу. Утепляли мы, что ли, это качество, умение это?

А получается в результате, что театр, перестав быть чрезвычайным явлением, «отвадил» зрителей.

— Точнее, «не привадил» их...

— Пусть так. Вот филологи и опытные педагоги утверждают, что иностранные языки ребенок лучше усваивает в раннем возрасте. Чем раньше, тем легче и крепче. Если с раннего детства начинать (были такие опыты, когда отец, скажем, по-английски с младенцем общался, а мать — на родном, по-русски), то человек вырастает со знанием двух родных языков. Уверен, и «театральный» язык, если его начать прививать с раннего возраста, может стать родным, необходимым...

Готовясь к съездам театральные деятели России и Союза, мы задумались над важным вопросом: что театр может и должен дать нашему времени, обще-

ству? Попытались свежим взглядом увидеть проблему, переосмыслить.

— «Мы». Это кто?..

— Как ни странно, «мы» — это поколение нынешних пятидесятилетних, тех, в частности, кто начинал в 50-е годы, в то время, когда рождался «Современник», и не успел за тридцать лет забыть, ради чего и как тогда все делалось. Я говорю прежде всего об Олеге Николаевиче Ефремове, чье выступление на последнем съезде ВТО (и первом съезде Союза театральные деятели РСФСР) придало мощнейший импульс делегатам, заставило не просто выслушивать очередного оратора, а активно размышлять, действовать. Говорю о драматурге Михаиле Шатрове, критике Анатолии Смелянском, режиссере Марке Захарове...

Я ощущаю, что сегодня главный груз, самая тяжелая ноша ложится именно на плечи нашего поколения. Причина тому очевидна: мы помним, как однажды на наших глазах попытались придать жизни иной ритм, как вдруг расширились горизонты неведомого нам прежде. Мы что-то успели все же сделать в начале шестидесятых. И потому, что были едины, и потому, что знали, для чего, хотя и не всегда знали, как. А за двадцать лет у каждого из нас было время подумать, почему же не довели мы тогда дело до конца, где и когда себе, своим идеям и своим идеалам изменили, где спасовали.

— Иными словами, есть какой-то опыт, и поэтому вы сравниваете происходящее в нашей стране сейчас с событиями тридцатилетней давности?

— Я бы очень осторожно проводил подобные параллели. История не любит прямых линий, за желание все «параллелить», все сравнивать она мстит, и мстит жестоко. Что-то, конечно, похоже, но что-то сегодня совсем не так. Тогда многое происходило снизу, шло непосредственно от людей. Поэтому и ошибки были чаще, и недоделанным осталось многое. Сегодня же инициатива революционных преобразований идет от партии, от ее руководства. Нынешний состав ЦК, избранный на съезде, сумел проанализировать обстановку и предложил людям, всему обществу продуманную программу перемен. Упрощая, скажу, что в 1956 году нам открыто назвали ошибки прошедшего периода и каждый на своем участке искал пути их устранения, искал, как жить иначе. Сегодня, в 1987-м, нужды нет нам рассказывать, что было не так. Это ведь слишком очевидно для всех. Поэтому перед нами поставлена конкретная программа перемен, пытающаяся ответить на вопросы: **КАК И ВО ИМЯ ЧЕГО**. Вот в чем видятся коренные отличия.

— И все-таки почему сегодня вы, ваше поколение, живете быстрее, чем молодежь? Ведь вы именно это имеете в виду, говоря, что на ваших плечах самая тяжкая ноша?

— Несомненно. Только уж на прямой вопрос и отвечаю прямо. Буду говорить, что думаю, не взыщите. Молодежь в большинстве своем аполитична, для нее не так важно то, что их жизни, сегодняшнего существования каждого непосредственно не касается. Сказываются начетничество и пассивность, уравниловка и бездушие школьного образования. Из среднего оно у нас незаметно для глаз превратилось в среднестатистическое. Те, кому сегодня 20—30 лет, вполне сформировались как личности в семидесятые годы. Честолюбие есть, кому-то природой отпущен талант, божий дар, как в старину говорили. А вот желания брать на себя ответственность, не вершить судьбами (властолюбцев всегда хватало, во все времена), а отвечать за боль других — всего этого катастрофически не хватает.

Львиная доля вины на комсомоле. На профанаторах с ленинским профилем на фоне знамени на лацканах, на тех, кто в кабинетах, в машинах и в телефонах «через секретаря», в приемных днях, в согласованиях и канцелярских игрушках завяз с младых ногтей. Они сначала изуродовали себя, выбросили души свои на помойку, как хлам, а потом исковеркали младших, обманули тех,

кого им доверили. У нас, конечно, великие ряды Ленинского комсомола, и это хорошо. Но стройны ли, едины ли они, эти ряды? Вот о чем я бы советовал задуматься перед грядущим XX съездом комсомола.

И с нас я ответственности не снимаю. Они, не боюсь повторить, стали такими, какими мы позволили им стать. Значит, проглядели. Значит, не сумели вдохнуть в их души то, что для нашего поколения было не фетишем, не громким словом, а смыслом существования, принципом. А кто-то и самим этим принципам тихонько изменил. Ничего, как учил Ленин, нет страшнее поправевших левых. Чего же нам было хотеть, если кое-где именно такого сорта ренегаты были у нас допущены до власти над умами и душами.

При всем том я и многое замечательное в нынешней молодежи вижу. Мечтаю, правда, чтобы принципиальность была не липовой, для показа, чтобы деловитость проявлялась не так демонстративно. Мне уже приходилось писать и говорить об этом: нас разьедает тройная мораль. То есть мораль «для внутреннего пользования», служебная мораль (для школы, для института ли, для учреждения или предприятия, где трудиться) и, наконец, мораль для себя самого, для общения с близкими тебе людьми.

Страшновато, знаете ли... Много верных слов мы говорили о том, что теряется прямое человеческое общение, что мы отгородились друг от друга стенами отдельных квартир. Вот в этих квартирах и выросли новые поколения — и не одно, а два-три по меньшей мере. А я помню, что мои сверстники, сам я родом именно из коммуналок. Конечно, не все этим определяется или не только этим, но ведь общественное сознание воспитывается с раннего детства — в обществе. Его в четырех стенах взять неоткуда. Оно туда никаким ветром не заносится.

Вы, возможно, удивитесь, но я очень обрадовался, что в каком-то доме молодые семьи, оказавшись соседями по этажу, взяли и сделали из трех своих отдельных квартир... одну коммунальную. Детей воспитывают вместе, телевизор смотрят миром, хозяйничают сообща. Где-то писалось об этом. Рецепт, как говорится, не для всех, но мне понравился.

— А своих учеников поселили бы вы «во всем миром» в одном доме?

— Что значит «поселили бы»? Они ведь люди взрослые, я за них ответить не могу. Хотел бы я, чтобы их давние товарищеские отношения не переросли в чисто служебные, партнерские? Безусловно. Хотел бы, чтобы, как когда-то мхатовцы, как потом и мы в «Современнике», жили вместе? Наверное, это ведь тоже сближает. Первый шаг мы сделали. У нас три семьи, шесть человек, живут в одной большой квартире — в общежитии театра-студии. Пока что ладят, довольны даже, что жилье получили не порознь. А идея это хорошая. Надо бы подумать... Почему бы и нет? Но не сейчас, наверное, сейчас и без того хлопот...

— Может быть, теперь, раз уж к слову пришлось, несколько слов об этих хлопотах? Вы ведь остались в том же подвальчике на Чаплыгина?..

— Ой, нет! На Чаплыгина, но не в том же и не в подвальчике. Нам с благословения Бауманского райисполкома и исполкома Моссовета ссудили весь первый этаж над подвалом, еще один соседний подвал, квартиру над тем подвалом да в придачу еще противоположное крыло дома, весь первый этаж грозятся отдать.

Талантливый архитектор Сергей Куцевалов (он учится сейчас на постановочном факультете Школы-студии МХАТа и успел окончить архитектурный факультет в Воронеже) вместе с нашим главным художником Александром Боровским придумал необычное сценическое пространство. Между первым этажом и подвалом, где размещалась студия раньше, прорубили «окно» в потолке (строители называют это «стакан»), и над сценой образовалась коробка высотой в восемь метров. Там

и осветительная аппаратура, и акустика улушилась за счет этого, и воздуха стало больше.

На первом этаже построили кассовый зал, гардероб, небольшой буфет оборудовали для зрителей. В фойе и коридорах — паркет, в вестибюле и на лестнице — мрамор. В общем, богато стало, как говаривала моя бабушка.

Удлинилась сцена, расширились постановочные возможности, у актеров и обслуживающего персонала (а нас теперь будет около семидесяти человек) есть минимум удобств для работы. Точнее будет сказать, для них сделано максимум возможного в наших странных подвально-цокольных условиях. Все это было сделано в рекордно короткие сроки усилиями руководства Главного управления культуры и нашего Бауманского района, который нас и в трудные дни, и в праздники всегда пестовал и поддерживал.

Предлагали ведь и клубные площадки, другие варианты были, но за дворик на Чаплыгина я держусь, как за талисман. Кажется, что потеряем мы что-то хрупкое и дорогое, если уйдем из этого дома, где все началось в первый раз: и первые репетиции спектаклей, и первые аплодисменты в жизни моих учеников. Здесь же мы пережили и шесть лет — с 1980-го, когда театр не открыли, до 1986-го, когда он был оформлен организационно.

— Что-то изменилось внутри, в коллективе со времени его «крещения»?

— По моему, мало что. Мы даже говорили как-то: вот ведь и на репетиции ходим каждый день, как прежде, и люди, которые были здесь все это время, в основном остались... Но за работу здесь они стали получать зарплату, перестали «отрабатывать» эти деньги в других театрах, делить себя между службой там и работой здесь. А вообще-то рано еще судить обо всем этом. Посмотрим, нужно хотя бы годик прожить...

— Вы говорили о нынешнем поколении достаточно резкие, обидные для многих слова. Многие из сказанного вами справедливо. Относится ли сказанное и к вашим ученикам, молодым актерам Московского театра-студии?

— Об учениках говорить и труднее, и легче. Конечно, в какой-то степени относится и к ним. Они ведь дети своего поколения, своего времени. Но мне хочется думать, что именно студии, именно тому специфическому методу их воспитания — и театрального, и человеческого — они обязаны тем, что если не свободны от грехов своих сверстников, то, во всяком случае, отдают себе в этом отчет.

Старшим, тем, кто окончил студию в 1980 году, проще в этом смысле. Они были у нас, педагогов, «первенцами», они в большей степени были студией. Кроме того, им уже пришлось многое испытать, они прошли через разочарование в 1980-м и пережили шесть лет в театрах. Большинство работало помногу, были интересные роли за эти годы. Но я не об этом сейчас. Они успели увидеть, что такое театр «с изнанки», какой непростой это мир, как сплетены там в клубок, который не развязать, и творчество, и ханжество, и бескорыстное служение сцене. Им было с чем сравнить студию.

Младшим тоже было непросто. Им с самого начала, с первых дней нужно было «соответствовать». На них пытались мы исправить ошибки первого набора, на них с иных позиций смотрел и зритель. Ведь всем был памятен первый выпуск, нельзя было сдавать позиции, опускаться ниже какого-то уже достигнутого уровня. Им, конечно же, больше повезло: попасть в столичный театр, да не на «выходы», да еще знать, что театр этот твой.

Кстати говоря, вот этого ощущения, без которого студия умирает быстро, выхолащивается, что ли, — ощущения, что все в этом театре тебя касается: и цехи, и бухгалтерия, и сценическое хозяйство, — нам пока не хватает. Кое-кому из актеров это предстоит понять. Ведь если считаешь, что ты в театре первый (а так, не секрет, считают все

Превосходный журнал. И особенно мне нравятся рассказы мистера Таллинна.

— Вы слышите?—не удержался Марми.

— Слышу. Марми говорит, что у вас, профессор, есть какая-то одаренная обезьяна.

— Да,—ответил Торгессон,—но, разумеется, это должно остаться между нами.

— Дальше редактора не пойдет, профессор.

— Хорошо, хорошо, садитесь, джентльмены, садитесь.—Он принялся вышагивать перед ними туда-сюда.—Что вы сказали мистру Хоскинсу о моей работе, Марми?

— Ничего, профессор.

— Так. Ну, мистер Хоскинс, поскольку вы редактор журнала научной фантастики, мне, я полагаю, не нужно спрашивать, имеете ли вы представление о кибернетике.

— Ну да. Счетные машины... Массачусетский технологический институт... Норберт Винер...—Он пробормотал что-то еще.

— Да. Да.—Торгессон зашагал быстрее.—Тогда вы должны знать, что на принципах кибернетики созданы компьютеры для игры в шахматы. Правила шахматных ходов и задачи игры встроены в их схемы. Возьмите любое положение на доске, и машина вычислит все возможные ходы с их последствиями и выберет тот единственный, который обеспечит наибольшую вероятность победы в партии. Машину даже можно настроить так, что она будет учитывать темперамент противника.

— Ну да,—согласился Хоскинс.

— Теперь представьте ситуацию, в которой вычислительной машине предложат отрывок из литературного произведения, к которому компьютер затем может добавлять слова из своего запаса. Из того словаря, который служит материалом для создания

величайших литературных ценностей. Естественно, эту машину пришлось бы научить, что означают различные клавиши на пишущей машинке.

Хоскинс беспокойно заерзал.

— А как же обезьяна, профессор? Марми упоминал какую-то обезьяну.

— Но ведь именно к этому я и подхожу,—сказал Торгессон.—Естественно, ни одна рукотворная машина не может быть достаточно сложной. Другое дело—человеческий мозг. Человеческий мозг. Он и сам по себе уже вычислительная машина. Разумеется, я не могу использовать мозг человека: этого мне, увы, не позволяет закон. Но даже и мозг обезьяны, если им умело манипулировать, в состоянии сделать гораздо больше, чем любая машина, когда-либо созданная человеком. Подождите! Пойду принесу крошку Ролло.

Он вышел из комнаты. Хоскинс подождал немного, потом с опаской посмотрел на Марми и сказал:

— Эх, братец!

— В чем дело?—спросил Марми.

— В чем дело?! Да ведь этот человек—самозванец. Скажите мне, где вы наняли этого жулика?

— Жулика?!—оскорбился Марми.—Ну, знаете! Мы находимся в кабинете настоящего профессора в Фейерузер Холл, Колумбийский университет. Надеюсь, хоть Колумбийский университет вы узнаете?

— Разумеется, но...
— А это кабинет доктора Торгессона. Взгляните на эту пыль.—Он дунул на какой-то учебник и поднял целое облако пыли.—Одна эта пыль уже говорит о том, что тут все самое настоящее. А взгляните-ка на заглавие: «Психодинамика человеческого поведения». Автор—профессор Арндт Ролф Торгессон.

— Допускаю, Марми, допускаю. Есть какой-то Торгессон, а это его кабинет. Как вы пронюхали, что

настоящий Торгессон в отпуске, и как вам удалось воспользоваться его кабинетом, я не знаю. Но неужели вы пытаетесь убедить меня, что этот шут с его обезьянами и компьютерами—настоящий ученый? X-xa!

— Судя по вашей природной подозрительности, можно сделать лишь один вывод: у вас было несчастливое и полное лишений детство.

— Подозрительность во мне развилась от постоянного общения с писателями, Марми. Ресторан я уже выбрал, и сводить меня туда вам обойдется в кругленькую сумму.

Марми фыркнул.

— Это не будет стоить мне даже того самого жалкого цента, который вы время от времени мне кидаете. Тс-сс! Он возвращается.

К шее профессора льнула обезьянка-капуцин, имевшая очень грустный вид.

— А это,—представил профессор,—крошка Ролло. Поздоровайся, Ролло.

Обезьянка дернула себя за вихор.

— Боюсь, он переутомился,—сказал профессор.—Ну, вот тут у меня как раз кусок его рукописи.

Он опустил обезьянку, позволив ей держать себя за палец, а сам тем временем выгнул из кармана пиджака два листка бумаги и протянул их Хоскинсу. Тот прочел:

«Быть или не быть, таков вопрос. Что благородней духом—покоряться пращам и стрелам яростной судьбы или, ополчась против рои смут, сразить их противоборством? Умереть, уснуть, и только; и сказать, что сном кончаешь...»¹

Он поднял глаза.

— Это напечатал крошка Ролло?

— Не совсем. Это копия с того, что напечатал он.

— Ах, копия. Ну, крошка Ролло не знает своего Шекспира. Здесь должно быть: «Иль ополчась на море смут».

Торгессон кивнул.

— Вы совершенно правы, мистер Хоскинс. Шекспир действительно написал «море». Но, видите ли, это смешанная метафора. На море с оружием не бросаются. С оружием бросаются на толпу или войско. Ролло выбрал односложное слово и отступал «рой». Это одна из редких ошибок Шекспира.

— Позвольте мне понаблюдать, как он печатает,—попросил Хоскинс.

— Пожалуйста.—Профессор выкатил столик с машинкой. За ней тянулся проводок. Он объяснил:—Приходится пользоваться электрической машинкой, поскольку иначе физическое напряжение оказывается слишком большим. Необходимо подсосединить крошку Ролло вот к этому трансформатору. Он сделал это, используя в качестве подводящих проводов два электрода, которые едва заметно торчали из шерсти на голове зверька.

— Ролло подвергся весьма тонкой операции на мозге, в результате которой несколько проводков были вживлены в различные участки коры. Мы можем блокировать свободную деятельность мозга и, по сути дела, использовать его как компьютер. Боюсь, подробности были бы...
— Давайте посмотрим, как он печатает,—повторил Хоскинс.

— Что бы вы хотели?

— Он знает «Лепанто» Честертона?—почти не раздумывая, спросил Хоскинс.

— Наизусть он ничего не знает. Его писательство—просто вычисления. Прочтите отрывок из этого произведения, чтобы он мог проникнуться настроением и высчитать последствия первых слов.

Хоскинс кивнул, набрал в грудь воздуха и громовым голосом принялся читать:

— «Бьет в Садах Солнца сто один фонтан, Усмехается фонтанам Византийский Султан, Смех его, знак радости, предвестник беды, Колеблет черный лес, лес его бороды, Изгибает полумесяцем кроваво-красный рот: Срединным морем мира завладел султанский флот...»²

— Достаточно,—сказал Торгессон.

Наступило молчание. Они ждали. Обезьяна церемонно разглядывала пишущую машинку.

— Этот процесс, само собой, требует времени,—сказал Торгессон.—Крошке Ролло надо принять во внимание романτικότητα этого стихотворения, несколько архаичный оттенок, четкий монотонный ритм и все такое прочее.

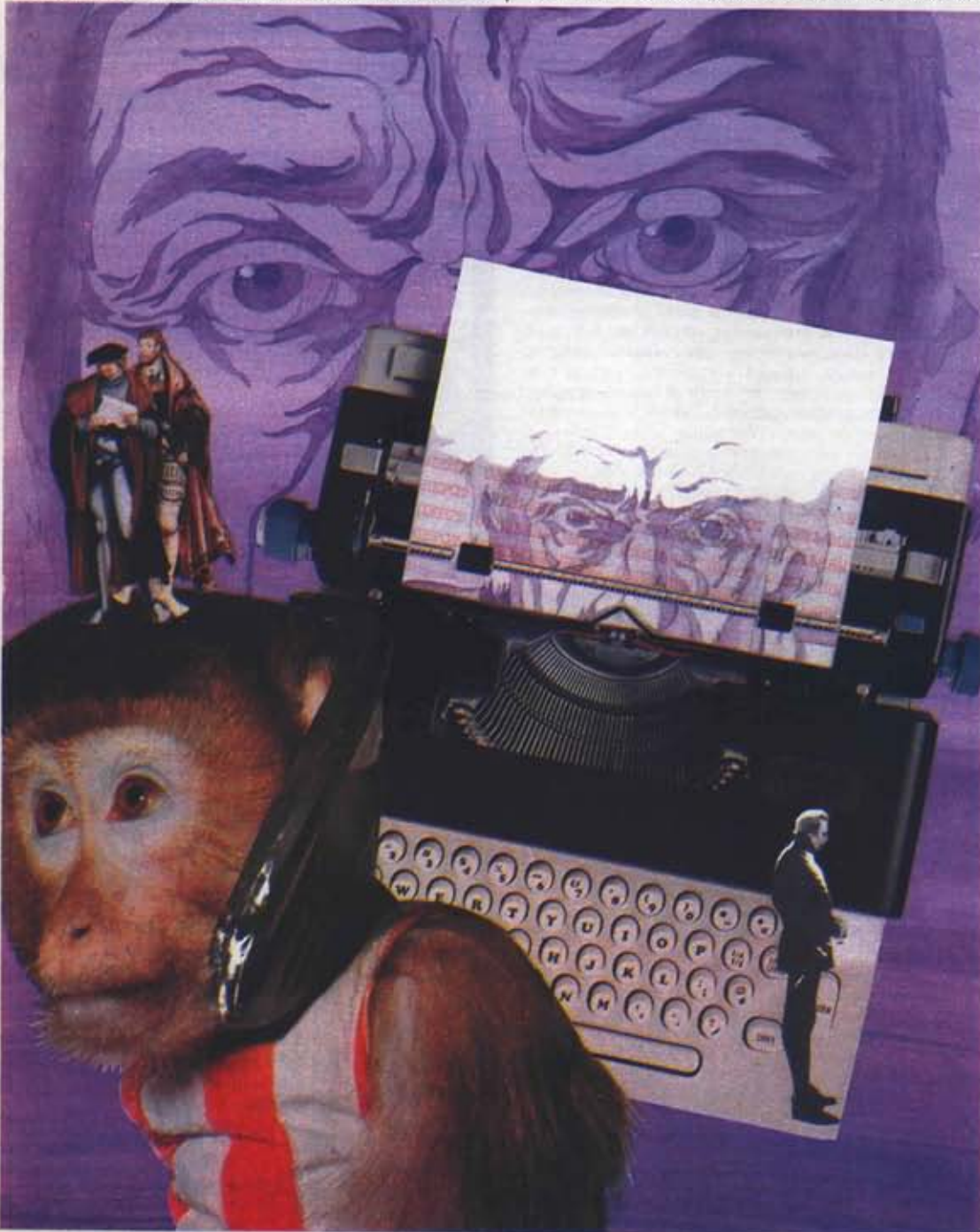
И вдруг черный пальчик потянулся и коснулся какой-то клавиши. Это была буква «б».

— Заглавных букв он не пишет,—объяснил ученый.—Не ставит и знаков препинания да и слова не всегда отделяет друг от друга. Вот почему я обычно перепечатаваю его работу, когда он заканчивает.

Крошка Ролло нажал «е», потом «л», потом «о», «с», «т», «е», «н», «н», «н», «а», «я». Потом, после продолжительной паузы, он стукнул по пробельной клавише.

¹ «Гамлет» Шекспира (перевод М. Лозинского). У Азимова сознательно искажено. (Здесь и далее прим. переводчиков.)

² «Лепанто» дается в переводе А. Сергеева.

— «Белостенная», — сказал Хоскинс. Слова печатались сами собой: «белостенная италия от страха чуть жива в адриатике ждет гибель венецийского льва у монархов христианских папа ради Христа молит войско для спасения святого креста».

— Боже мой! — воскликнул Хоскинс.

— Значит, у стихотворения такое именно продолжение? — спросил Торгессон.

— Видит бог! — отвечал Хоскинс.

— Если так, значит, Честертон, должно быть, поработал на славу. Тут все на своем месте.

— Видите? — проговорил Марми, сжимая Хоскинсу плечо. — Видите, видите, видите? — И еще раз добавил: — Видите?

— Черт меня подери! — не успокаивался Хоскинс.

— А теперь, — сказал Марми, взяв себе волосы так, что они стали похожи на хохолок какаду, — давайте перейдем к делу. Давайте проверим мой рассказ.

— Да, но...

— Не бойтесь. Крошке Ролло это по силам, — заверил Торгессон Хоскинса. — Я частенько читаю ему отрывки из лучших образцов научной фантастики, включая многие рассказы Марми. Просто поразительно, насколько он улучшил многие произведения.

— Не в этом дело, — сказал Хоскинс. — Любая обезьяна способна писать научную фантастику лучше иных наших литературных поденщиков. Но ведь в рассказе Таллинна тринадцать тысяч слов. Понадобится целая вечность, чтобы отстукать его.

— А вот и нет, мистер Хоскинс, а вот и нет. Я прочту ему рассказ, а в самом важном месте пусть продолжит он.

Хоскинс сложил руки.

— Валийте, я готов.

— А я и подавно, — заявил Марми и тоже скрестил руки на груди.

Крошка Ролло, пушистый комочек, похожий на несчастного каталептика, сидел и слушал, а мягкий голос доктора Торгессона мерно повышался и понижался, пока он читал о битве в космосе и о последующей борьбе пленников-землян, стремившихся вернуть себе потерянный корабль.

Один из героев выбрался на обшивку космического корабля, и доктор Торгессон передавал эти колоритные события с легким восхищением. Он читал:

— «Безмолвие вечных звезд повергло Стелли в оцепенение. Саднящее колено резко напомнило о себе, когда он ждал, что чудовища услышат звук удара и...»

Тут Марми неистово дернул доктора Торгессона за рукав, Торгессон поднял глаза и отключил Ролло.

— Ну вот, — сказал Марми. — Понимаете, профессор, именно здесь Хоскинс лезет своими липкими пальцами в мою работу. Я продолжаю этот эпизод за пределами космического корабля. Наконец Стелли побеждает, и корабль снова оказывается в руках землян. Затем я начинаю объяснять. Хоскинс хочет, чтобы я прервал эту сцену, вернулся на борт корабля, приостановил действие на целых пять страниц, затем снова вышел в космос... Вы когда-нибудь слышали такую муру?

— Может быть, пусть все-таки решает обезьяна? — предложил Хоскинс.

Доктор Торгессон включил крошку Ролло, и черный сморщенный пальчик неуверенно потянулся к машинке. Хоскинс и Марми одновременно подались вперед, их головы мягко соприкоснулись над тельцем размышляющего крошки Ролло. Машинка отстукала букву «н».

— «Н», — подбодрил Марми, кивая.

— «Н», — согласился Хоскинс.

Машинка пробила «а», затем продолжала в более быстром темпе: «начнут действовать стелли ждал в беспомощном ужасе что сейчас откроются шлюзовые

камеры и неумолимо появятся облаченные в скафандры ларусы».

— Слово в слово, — восхищенно проговорил Марми.

— Да, у него, безусловно, ваш слащавый стиль.

— Читателям он нравится.

— Только потому, что их среднее умственное развитие... — Хоскинс умолк.

— Продолжайте, продолжайте, — подбодрил Марми. — Говорите уж. Скажите, что коэффициент их умственного развития на уровне двенадцатилетнего ребенка, и я процитирую вас во всех научно-фантастических журналах нашей страны. Скажите, ну!

— Джентльмены, — встревожился Торгессон. — Джентльмены. Вы мешаете крошке Ролло.

Они повернулись к машинке, которая по-прежнему размеренно отстукивала: «...звезды кружили по своим орбитам а чувствительное нутро землянина упорно подсказывало стелли что корабль вращается стоя на одном месте».

Каретка откатилась назад, чтобы начать новую строку. Марми затаил дыхание. Если что-то и произойдет, то именно сейчас.

И обезьяна, протянув палец, отстукала: «*».

— Знак сноски! — завопил Хоскинс.

А Марми пробормотал:

— Звездочка...

— Звездочка?! — удивился Торгессон.

Последовала строчка еще из девяти звездочек.

— Все, братец, — сказал Хоскинс. Он быстро объяснил вытаращившему глаза Торгессону: — У Марми такая привычка — пробивать строчку из звездочек, когда он хочет указать на радикальное изменение места действия. А радикальное изменение места действия — именно то, чего я от него добивался.

Машинка начала новый абзац: «внутри корабля...»

— Отключите его, профессор, — попросил Марми. Хоскинс потирал руки от удовольствия.

— Когда я получу переработанный вариант?

— Какой вариант? — холодно спросил тот.

— Обезьяний. Сами же говорили...

— Да, говорил. Для этого я и привел вас сюда. Этот крошка Ролло, он машина, холодная, бесчувственная логическая машина.

— Ну и что?

— А то, что хороший писатель не машина. Он пишет не умом, а сердцем. Сердцем. — Марми несколько раз стукнул себя в грудь.

Хоскинс застонал.

— Что вы со мной делаете, Марми? Если вы опять заведете свою песню о душе и сердце писателя, я просто не выдержу, меня вырвет прямо здесь, сию же минуту. Давайте придерживаться обычной формулы: «Ради денег я напишу что угодно».

— Одну минуту, — сказал Марми. — Послушайте. Крошка Ролло поправил Шекспира. Вы сами указали на это. Крошка Ролло хотел, чтобы Шекспир сказал: «против роя смут». И он был прав с его машинной точки зрения. «На море смут» в данных обстоятельствах выступает как смешанная метафора. А вам не кажется, что Шекспир тоже это знал? Шекспир просто знал, когда нарушать правила, вот и все. Крошка Ролло — машина, которая правил нарушать не может. А хороший писатель может и должен. «Море смут» производит большее впечатление, в этом есть некая раскатистость и мощь. А то, что метафора смешанная, — пустяки, черт с ним.

Далее. Велев мне сменить место действия, вы руководствовались механическим правилом для поддержания напряженности повествования, поэтому, разумеется, крошка Ролло согласен с вами. Но я-то знаю, что обязан нарушать правила, чтобы не снизить глубокого эмоционального воздействия концовки, какой я ее вижу. В противном случае у меня получается механическая продукция, которую в состоянии выдать и компьютер.

— Но ведь... — начал было Хоскинс.

— Давайте голосуйте за механическое! Скажите еще, что мечтаете стать таким редактором, как крошка Ролло!

— Ладно, Марми, — с дрожью в голосе сказал Хоскинс, — я возьму рассказ в его нынешнем виде. Нет, не давайте его мне, пришлите почтой.

Он нахлобучил шляпу и повернулся, готовый уйти. Торгессон крикнул ему вслед:

— Пожалуйста, никому не рассказывайте о крошке Ролло!

Из-за хлопнувшей двери донеслось в ответ:

— Вы что, думаете, я сошел с ума?

Удостоверившись, что Хоскинс ушел, Марми довольно потер руки.

— Великая вещь мозг, — сказал он и до упора вдавил палец в висок. — С каким удовольствием я продал этот рассказ, профессор. Эта сделка стоит всех предыдущих, вместе взятых.

Он весело плюхнулся в ближайшее кресло. Торгессон посадил крошку Ролло себе на плечо.

— И все же, Мармадык, — мягко спросил он, — как бы вы поступили, если б крошка Ролло напечатал вместо своей версии вашу?

По лицу Марми пробежала грустная тень.

— Черт возьми, — сказал он, — как раз этого я и опасался!

Перевели с английского
Владимир ПОСТНИКОВ и Андрей ШАРОВ.

СМЕНА

Игорь ЖЕГЛОВ

Добро

Я знаю —
Счастье тех не обошло,
Кто в суть событий
Вглядывался пристально.
Насколько
Недовьявлено зло,
Настолько же
Не выявлена истина.
Вот обнажен,
Как нерв,
Перед тобой
Эпохи смысл,
Рождавшийся веками.
Добро — оно, понятно,
С кулаками,
Но главное, конечно, —
С головой.
Поэтому идет
По белу свету,
Напоминая мне
Погожим днем:
— Все лучшее,
Что сохранил планету,
Заложено
В отечестве твоём.

Минута

Когда тепло гречихи зрелой
Уходит в ночь,
Как в чью-то жизнь,
Я знаю —
Нет добру предела,
Лишь на кругах его
Держись.
Сорвешься —
Радости минута
Не повторится,
Но в душе
Слова
Надломятся как будто
И не расправятся уже.

Межа

Земля зимой,
Как тело под наркозом,
Но только выйдешь утром
За порог —
Идут
Нерукотворные березы
К обочинам
Нетронутых дорог.

И кажется —
Все в жизни под рукою,
Когда сойдутся в поле,
У межи,
Открытое величие покоя
И беспокойство вечное
Души.

И ты поймешь,
Свою приемля долю,
Каким бы ни был
Этот век лихой,
Что линия судьбы —
Не на ладони,
А в той меже —
Единственно родной.

Ночной разговор

Не говори,
Что узок путь и труден,
Кто не идет —
Тому еще трудней.
Порою для того,
Чтоб выйти в люди,
Уходит,
Хоть на время,
От людей.

Вот птица,
Что негромко до рассвета
Сама себе
По многу раз поет,

ПОЭЗИЯ НЕ ТЕРПИТ СЧЕТЫ

Стихи молодых поэтов

Не потому,
Что песня плохо спета,
А чтоб проверить
Искренность ее.

Ты говоришь,
Что все вокруг — чужие,
Не от твоих ли слов —
Для них чужих?
Кто в жизни
Для себя хоть раз
Сфальшивил,
Тому не трудно
Обмануть других,
Поэтому и путь с годами
Труден...

Идти не поздно,
Но решил — иди,
И помни,
Чтоб когда-то
Выйти в люди,
В одно хотя бы сердце
Путь найди.

Владимир ВИШНЕВСКИЙ

Москвой иду. Москвой...
Никто не узнает.
Не узнают, ну что ж,
как видно, быть богатым!..

А я уже богат —
хотя бы этим вот:
маршрутом по душе,
ответным кратким взглядом.

Не переоценю —
всего лишь взгляд в ответ...
Но, кажется, ответ
и впрямь подсказан каждым.

Не адрес, но судьба,
счастливый мой билет
быть здешним здесь —
среди сограждан, сограждан.

И нечего склонять:
судьба, судьбы, судьбе!..
И есть, чего терять —
столь зыбко, сколь — заветно:

Москвой идти, Москвой —
и чутя на себе
ответный взгляд Москвы.
И — жизни взгляд ответный.

Сутки прочь — и опять завертело...
Это время

тебя коротает!..
На дела распадается дело.
И на все, говоришь, не хватает.
Например, не хватает на нежность
в этих играх,

тобою ценимых...
Не на всех не хватает —
на тех же,
на любимых,
на незаменимых...
Да кому ж ты сулишь:

«До свиданья!..», —
и уже «до-сви-данью» обложен,
ты живешь, не страшась опоздания
к тем, кому без тебя —
невозможно.

Ты твердишь:
«Дорогой, обнимаю!» —
ты спешишь в деловых разговорах
тех обнять, кто не дорог нисколько.
И сыреет, сыреет твой порох.

Все бросаешь слова ты на ветер,
ну, а он сквознячком
оказался.

Просквозило, а ты не заметил:
не словами уже пробросался.

Снова лица мелькают, как спицы
в колесе, что тебя же прокатит...
И не хватит
лишь дня — спохватиться!..
И — не хватит.

В кухне угол свой у попугая.
Подоконник занят,

но — обжит.
...Слышу, мама,
с птицею играя,
нежное чего-то говорит.
То, что повторит, исполнит чисто,
подражая интонацией,
наш речистый,
даром что волнистый, —
тот, что с рук идет по семь рублей.
В форточку пожаловал однажды —
прилетел, увидел, подивил:
как свой выход — имя объявил!
Вскоре стал своим,
родным, домашним.
Говорят, что крупно повезло нам...
С той поры,

как выбран им наш дом, —
всем неговорящим, беспризорным
мама, что ни день, выносит корм.
«Домочадо» тягот их не знает —
знай летает, знай себе клюет...
Говорящий наш собою занят, —
словом, припеваючи живет.
Он блистает в жанре разговорном —
и гостей прилежно веселит.
Он бывает трогательно вздорным,
Ходит вперевалку, деловит.
Весь в делах своих,

весь день хлопочет,
Свив гнездо свое у нас и — в нас.
Пусть — что хочет делает, лопочет,
с маминого голоса учась!..
Форточки мы сеткою забрали.
Говорящий

мамин фаворит
неразумно вылетит едва ли!..
(Ничего, что певчий не влетит.)
Вспархивает, на руку садится.
Слышу, слышу слишком хорошо
то, что попугаем повторится.
И — не повторится ни за что.
Вот оно, вот это, только это:
вечер, мама с птицей на руке.
И глаза мне режет — не от света,
и знобит.

Да не на сквозняке.

Наталия ВЕСЕЛОВСКАЯ

Сквозняки

У нас в квартире сквозняки.
От них себя оберегаем.
Когда ломаются замки,
Мы в двери новые вставляем
И столяру даем «на чай».
Попеременно каждый платит
За укрепляемый свой рай —
Была б стена,
пространства хватит...
И там, дописывая лист,
Не понимаем,
Что в нем блёкло.
...В тот двор,
Где воздух прост и чист,
У каждого открыты окна.

Я хожу с этой песенкой.
Бьюсь в другие сердца.
Лишь усталая Сретенка
Откликается...
И не нужно упрашивать,
Если хочется — быть...

А минуты — донашивать,
Чтобы новые шить.

«Ателье». Все непрочное,
Но как будто к лицу
Новобрачное прошлое,
Что ломалось к венцу.

Продавалась черникою
Ночь. Лоток тот закрыт.

Подсудимые тикают,
Будто Бергман забыт!

А движение в сторону
Лишь одну — ночь идти!

Доверяю я городу
Направленье найти.
Для меня ли обратное
Остановит такси?
Возвращенье бесплатное,
«Все равно, по пути...»
Как оставлю я песенку,
Не дождавшись конца!..
«Приглашает Вас Сретенка.
Вечер. На 2 лица».

Из форточек земных,
Под дождь, такой постылый,
Душа взлетала ввысь
И помощи просила
У мокрого Кольца
И тихих Патриарших.
На башенных часах
Ей становилось страшно
Заглядываться вниз,
На школьниц, на мальчишек,
И узнавать в них жизнь —
Свою, в чужом пальтишке,
И тонкий видеть круг,
Что дети рисовали...
Казалось, тени рук
В асфальте застывали,
Но — стрелка в колесе
Мигающей минуты
Листала на лице
То вечное, что скупое.

Николай ЛУДЯКОВ

Рабочая юность

Вновь, как прежде,
у длинного склада
Высветляет до самых коней
Элегический фон снегопада
Чашу кленов, березу за ней.

Хоть, казалось бы,
что за красоты
У таких неизысканных мест,
Где сплошные земные заботы
Воплотились в пейзаже окрест?..

А ведь юность здесь шла —
не тужила,
Не спешила к дорогам иным.
Что со мной? Я шепчу через силу:
Я тут был молодым, молодым!..

На заре возвращался с завода,
Пахли руки отливкой стальной,
И катился гудок парохода
Над распахнутой волжской водой.

Снег...
Как будто над кручей оврага
Тачка грузчика мелом пылит,
Осыпая тропинку,
ограду
И следы лошадиных копыт.

Словно спешка у ветра какая —
Застелить поскорей, забелить
Спуск, обочины, стенку сарая,
Проходную от глаз заслонить.

Но отчетливы — не заслонимы
Ни пургой,
ни мельканием лет
Эти стены, столбы и за ними
Над литейкой негаснущий свет.

Кредо

«Добро должно быть
с кулаками...»
М. СВЕТЛОВ.

Гражданственность
должна быть с головою —
Не просто пыл
восторженной души
От вида мест
с дорожкой столбовою
В родной до слез
владимирской глуши.

Не просто вздох,
когда бесчинства видишь,
Не только боль и слезы по углам,
Хоть вздох гражданский —
он не вдох и выдох,
А вдох и выдох с кровью пополам.

И я, как все,
тогда лишь что-то стою,
Когда берусь за истину стоять...
Гражданственность
должна быть с головою —
Чтоб было чем
на свете рисковать.

Алла НЕМИЛОВА

Уж год, как мы с тобой
не виделись.

Февраль.
Я помню, как сейчас:
Прощанья грустная обыденность
И равнодушие в речах.

И вот опять с тобою рядом
Сидим за прибранным столом.
И вновь забытым этим взглядом
Травлюсь,
как горьким табаком.

Глаза мои тебе не скажут,
И руки тоже умолчат
О том,
как вечер этот важен,
Совсем как год тому назад...

Раздели со мной радость,
Боль со мной раздели.
Посиди со мной рядом,
Даже если вдали...

Скоро птицы, наверно,
Песню дня допоют.
Раздели со мной верность,
Путь обрывист и крут.

Раздели со мной горечь
От случайных обид.
Раздели со мной горе,
Если путь преградит...

Ты знаешь, очень не хватает
И среди ночи, и среди дня
Того, кто мне напоминает,
Что на перроне нет меня.

Еще мне писем не хватает
Твоих и ласковых, и злых,
Как маяку порой тумана,
Как кораблю ветров косых...

Станислав РОМАНОВСКИЙ

СЕРЕБРЯНАЯ РЕКА

К нему идешь по лесному болоту, каких нынче становится все меньше,— по живому упругому ягоднику; чавкает вода, жгут комары, синеют черничники на мало-мальски сухих местах, и не покидает тебя ощущение крепкого здоровья этого верхового болота, откуда берется одна из знаменитых рек России.

Дважды деревья расступаются, открывая зеленые чарусы в слабых березках, и, собравшись, как-то сразу приводят к самому истоку, так что и опомниться не успеваешь. Сердце сжимается от неожиданности встречи, от значимости и беззащитности увиденного.

В низинке, в затенении елей, сосен и берез, сруб в один венец, на земле. Из-под зеленых округлых мхов в него точатся два ключика, а выпадает один—Вятка... Вода в срубе темно-карая, прохладная и живительная. Пьешь—она вздраги-

вает; дно близко, бронзовая еловая шишка на нем.

Пьешь, и сила входит в тебя, достигая и малой жилочки, и жизнь, как река, и река, как жизнь, видятся вечными от истока до устья.

Жарко пахнет живицей, отчего вспоминаются детство и лепешки из живицы, или «серы», которые мы, дети и взрослые, жевали, чтобы заглушить голод... Сюда пропархивает солнышко, играет в срубе, в ручье, заплетая его в блестящую косичку, высвечивает три малые елочки у края сруба, у изголовья начального ключа.

Думаешь о том, что шесть тысяч вятчицей летом 1941 года легли в землю на Ельнинском выступе лицом к врагу и за этот родник, и за хрупкие эти елочки у его изголовья.

Неожиданно вспоминается писатель Х, что в конце пятидесятых годов звал к звездам и ходил во «властителях дум» у части читателей. А теперь вот на телеэкране

умиляется тем, что в Вашингтоне охотничьи сосиски можно достать без очереди... Как же звезды и думы? Неужели охотничьи сосиски все-все перевесили? С острой жалостью думаю о том, что у него никогда не было такого вот родника.

Я был у истоков трех великих рек: у резного терема Волги, у колодца с деревянной птицей под белой березой—у Камы и вот у вятского сруба.

Приходилось слышать:

— Бедноват сруб у Вятки.

— Надо что-нибудь посолиднее,— терем какой-нибудь!

А надо ли?

Вятка родилась в удмуртских лесах, под еловыми и сосновыми кореньями, среди мхов, искорей и зыбунов, среди синих черничников и желтых моршников, токов глухариных и тетеревиных, родилась потаенно и свято, и золотой сосновый

венец, не нарушая природы, очень ей к лицу.

Начальная Вятка не спешит показываться на люди. Она уходит под мхи и буреломы, мягко буравит торфяную плоть болота, скрывается в чаще, и не уследить, где, когда, на каком метре или километре принимает первый потаенный приток. Река словно предчувствует: как только она выйдет на открытое пространство, ей придется худо.

Не за один наезд, а за жизнь я прошел, проехал, проплыл всю Вятку, все тысячу триста четырнадцать километров и свидетельствую: от верховий и до низовий, от Нагорского и до Мамадышского района дно у реки деревянное из-за молевого сглава, захлавленное гниющим лесом. Даже в черте столицы вятского края—в городе Кирове—купаться в Вятке опасно. Забывает реку древесный хлам, топляки, из-за которых гибнут люди, глохнут родники, вырождается рыба.

А берега красавицы Вятки?

Корабельные рощи, которыми восхищается весь мир на шишкинских полотнах, в жизни сведены начисто. Такие районы, как, скажем, Белохолуницкий, что все еще числятся лесными, на самом деле превращены в районы кустарниковые.

Я веду речь о спасении не только единственной в Европе большой реки, по счастью, еще не перегороженной плотинами, не замученной насмерть отходами промышленных предприятий, но и о сохранении уникального природного и культурного региона, родины великих талантов и прославленных народных промыслов. Вятке грозит участь мертвой реки, на берегах которой новый Чайковский или Грин уже не родятся...

Что делать, чтобы спасти Вятку? Прежде всего сократить вырубку леса в здешних краях. Сегодня одна восьмая часть всей общесоюзной добычи леса уже не по плечу Кировской области, которая, кстати, по площади лесных массивов занимает в Союзе более чем скромное место.

Прекратить молевой сплав по всей Вятке-реке и провести необходимые работы по очистке ее ложа от затопленных деревьев. Природа благодарна и на заботу всегда отзовется добрыми дарами. Недавно был запрещен молевой сплав на притоке Вятки — на реке Белая Холуница. Я видел эту реку до и после запрета. Из черной она превратилась в чистоводную, действительно белую реку, чьи перекаты и омуты отливают серебром, и рыбы в ней стало больше.

Заботу по очистке ложа Вятки могут возглавить районные комитеты партии приречных районов. Первый секретарь Слободского райкома КПСС Анатолий Васильевич Шуремов поведал мне, что коммунисты его района заняты этой заботой, и если так пойдет дело по всей области, в комплексе других мер, Вятка выживет.

По площади вятский край — бассейн реки Вятки — огромен, близок, скажем, к площади всей Прибалтики. Но если в Прибалтике природу берегут как зеницу ока и в одной Эстонии площадь заповедников занимает четыре процента ее территории (причем этот процент имеет прекрасную тенденцию роста), то на вятской земле нет ни одного заповедника.

Писать об этом горько, а не писать нельзя.

Земля вятская нуждается и в срочной врачебной помощи, и в долгосрочной, в той, чтобы древний загадочный этот край планомерно исследовался и планомерно сохранялся.

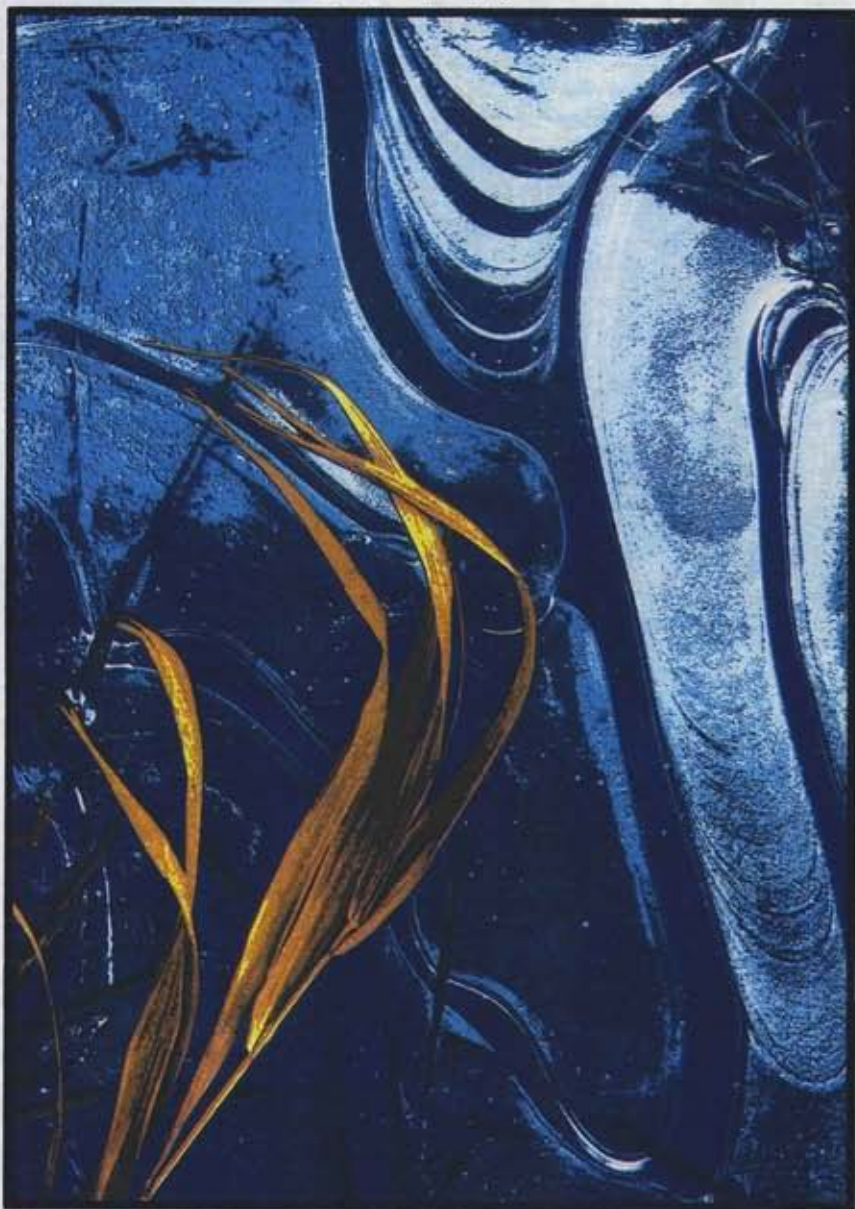
Мне представляется необходимым объявить заповедной зону истока Вятки, те лесные уголки, откуда она берет начало. Там гремят выстрелы; выбираются и вытаптываются ягодники; нежная ткань болота местами нарушена и загнивает. За начальным ключом смотрит семья путейцев Пагиных: начальник станции Перелом Валентина Алексеевна и ее муж Вячеслав Васильевич. Они выносят мусор из леса, принесенный неорганизованными туристами, расчищают родники, обихаживают сруб, как могут, все это делают безвозмездно, как лю-

бители и в силу занятости на основной работе от случая к случаю.

А в общем-то земля эта проходная и бесхозная!.. И достается ей, бедной, предостаточно.

Вот когда она станет заповедной, то отдохнет, отдышится, болото залечит раны, возобновятся глухаринные и тетеревиные тока, воспрянут другие обитатели леса, и вот она — земля обетованная для уче-

коньеров. Сравнительно недавно Иван Ильич ушел на пенсию, вынужден был по состоянию здоровья уехать из лесного кордона в поселок, где есть необходимая врачебная помощь... Мне приходят горькие письма о том, что заказник в запустении. Здесь самое время вмешаться кировским защитникам природы и спасти заповедную землю Нургуша.

ных-натуралистов. Какое счастье познавать, исследовать и оберегать этот святой уголок отечественной природы!

Верховья Вятки находятся в Ярском районе Удмуртии; большая часть реки — в Кировской области; низовья — Мамадышский район Татарии. Нужен единый координационный центр по сохранению здоровья реки на базе, скажем, общества по охране природы, и целесообразнее всего определить ему место в городе Кирове — в середине вятского края.

В самой же Кировской области заповедник можно и должно создать в Котельничском районе на основе Нургушского заказника. Заказник этот — царство пернатых, бобров, ондатр, лосей и даже хозяина леса — медведя, тихих лесных озер, вековых деревьев, иные из которых помнят времена Ивана Грозного, — переживал расцвет при моем друге, участнике Великой Отечественной войны егеря Иване Ильиче Андриянове. Я не единожды живал здесь подолгу и знаю не понаслышке, как надежно Иван Ильич охранял эту землю от бра-

кторостроитель сможет отдохнуть, не нарушая здоровья природы и укрепляя свое здоровье.

Будущие заповедные места названы мною не по воле случая, а по совету с учеными, краеведами, охотоведами, партийными работниками, егерями, лесниками, да и по опыту жизни моей. Здесь я родился, знаю в лицо и по имени-отчеству многих моих земляков, заступников родной природы. Помню поименно десятки, а то и сотни озер, родников, речек и речушек, лесных и луговых урочищ, и так получается, что я, еще не очень старый человек, многие из них уже пережил.

Пережить, скажем, живое озеро больно, и эта боль не моя единственная, а боль моей земли, матери-природы, которую человек, дитя ее строптивное, до сегодняшнего дня обижал, не понимая, что творит. И это озеро, что еще есть на карте, но не существует в жизни, могло бы жить да жить и украшать жизнь многим поколениям людей.

Земля вятская, зеленый плат с лазурными жилками рек на плечах России! Это по твоим просторам, по твоему бирюзовому небу в туманной Германии смертно тосковал богатырь русского пейзажа Шишкин, много раньше срока из «академической ссылки» вернулся к тебе, обнял тебя, сколько хватило рук, и запечатлел твою красу на своих полотнах.

«Неяркая краса...» Кто пустил по свету этот вкрадчивый штамп, колючий по страницам современной прозы и поэзии, словно не было и нет у нас великих стихов Пушкина о пылающей красками осени, словно не было и нет у нас золотой, алой, малиновой, синей, стозвонной природы Руси в стихах Есенина? Слово не такая она на самом деле?

Если смотреть на природу вятскую не предвзято, не заглушая ее истинных красок, и сравнить ее с дымковской игрушкой, то станет яснее ясного, что нарядная дымка — плоть от плоти наша природа.

Она бывает всякой, родимая наша сторона: и веселой, и сумеречной; только нет у нас такого права, лукава, обеднять ее ради красного словца или модного штампа.

Земля вятская! Родина Шишкина и Чайковского, братьев Васнецовых, Шаляпина и Грина, Кирова и Конева...

Земля эта пребудет землей талантов, если все мы не пожалеем сил и сбережем красавицу Вятку, нареченную в веках Нукрат — рекой серебряной, и наш общий народный долг — вернуть ей эту серебряную чистоту.

Хрупкий мир природы сегодня, как никогда, нуждается в защите человека. Экология становится категорией не только научной, но и нравственной, экономической. Интересен, заслуживает уважения и поддержки всякий опыт бережного отношения к природе. Так будем совместно продолжать этот столь необходимый всем нам разговор.

ЛЮДИ, РАСТУ

Подростки... Трудный, опасный и загадочный возраст. Что мы знаем о них? Всегда ли умеем правильно подойти к ним, понять, помочь? Кого из взрослых они уважают, кому доверяют? Диалог об этом ведет психолог Олег ЛИШИН и писатель-публицист Иван ЗЮЗЮКИН.

О. ЛИШИН. По образованию я зоолог. Свою научную деятельность начал в таежном заповеднике. Но потом потянуло в школу, и я, фигурально выражаясь, променял зверят на ребят. Поработав несколько лет учителем, наконец понял, что в жизни мне интереснее всего педагогическая психология... Впрочем, я в этом отношении не очень оригинален. Среди моих коллег-психологов можно встретить кого угодно — бывших журналистов, физиков, комсомольских работников.

И. ЗЮЗЮКИН. Я знаю и другие примеры, когда педагогика, точно любовь с первого взгляда, захватывает все существо человека и он забывает обо всем, что не имеет прямого отношения к воспитанию детей... А может быть, такими людьми руководит предчувствие, что в педагогике на пороге третьего тысячелетия зреют великие открытия наподобие теории относительности в физике?

— Вряд ли ими движет именно это. И в других науках простора для ученого не меньше, чем в педагогике. Иное дело, что человек, в особенности подрастающий, как предмет научного исследования необычайно притягателен. Кто-то сказал, что космос души человеческой шире, чем сам космос. Что же касается великих открытий в педагогике, я думаю, сейчас больше резона думать, как воплотить на деле то, что теорией и практикой воспитания уже накоплено, ведь связь нашей науки с практикой все еще слаба.

— Если говорить о всякого рода научных рекомендациях, методических разработках и т. п., то их школа получает в предостаточном количестве. Чтобы убедиться в этом, стоит лишь посмотреть, чем забиты шкафы в учительских и

пионерских комнатах. Но, насколько я знаю, на школьного учителя этот бумажный поток наводит лишь панику и уныние. Обычная жалоба классных руководителей и вожатых: «Голова кругом, не знаешь, за что братья в первую очередь!» И их можно понять: многие рекомендации обильны словами, но не мыслями и сухи по изложению...

— Это как раз тот случай, когда количество переходит в качество, но по преимуществу — в плохое. По-моему, педагогике настала пора быть точной наукой. Я сторонник того, чтобы ее выводы, тщательно выверенные и взвешенные, были одновременно простыми и лаконичными, как рецепт. Практик воспитания вправе знать, какие факторы влияют на поведение детей, какие «подводные камни» ожидают его в той или иной педагогической ситуации.

— Вы за инженерный подход к воспитанию?

— Если под словом «инженерный» подразумевать высокую научность, новаторство и практическую пользу, то да. И еще я за то, чтобы рекомендации науки, как иногда бывает, не противоречили одна другой. К примеру, у многих преподавателей нет четкого представления о том, в чем коренное отличие того или иного возраста, на что делать ставку в начальных классах и на что — в старших. Из-за такой неразберихи порой все ставится с ног на голову. Глядишь, первоклассники, от горшка два вершка, волокут пуды макулатуры и по этому показателю опережают богатырей акселератов из старших классов. Пионеры из 5 «Б», напругая лбы, ведут запланированный диспут о смысле жизни, а десятиклассники, взрослые в общем-то люди, смотришь, пошли в подшефный детский сад поиграть с малышами...

— Не совсем понимаю, Олег Всеволодович, куда направлены стрелы вашей иронии. В конце концов макулатура, которую сдают первоклассники, пойдет на новые книжки и тетрадки. И разве в пионерском возрасте лишне задуматься, кем быть и каким быть? А уж поиграть с детворой — святое дело. Неужели вы против деятельности, которая при всех своих издержках все же приносит несомненную пользу?

— Иван Иванович, вы, что называете, наступили на мою любимую мозоль. Общественно значимая деятельность и то, как она влияет на процесс становления школьников, — тема моего научного

поиска. Поэтому я вовсе не против ребячьих занятий, о которых вы говорили. Такая деятельность была, есть и останется самым результативным средством для целенаправленного формирования личности ребенка и детского коллектива. Я против бездумного отношения к ней. Это тем более важно сейчас, когда жизнь школы день ото дня насыщается разнообразными делами. На первом месте, само собой, стоят учеба и профессиональная ориентация. А сколько проводится «трудоустройств», рейдов, походов, соревнований!

Казалось бы, о чем тревожиться? Если ученики загружены полезными делами, значит, они набираются ума, взрослеют, растут деятельными, неравнодушными к чужой беде... Но почему же, будем откровенны, при таком обилии и разнообразии коллективных мероприятий последние годы отмечены ростом, если не взрывом, индивидуалистической психологии и потребительских настроений? Вспомните газетные статьи о дерзких выходках «трудных» подростков, о двойной морали иных школьных активистов, о распространении среди учащихся всякого рода торгашеских отношений и т. п. Не последнюю роль в этом, на мой взгляд, сыграла погоня за «валом», когда нарастание классовых и общеколлективных мероприятий велось в ущерб углубленной педагогической работе. Формализм, заорганизованность сделали непривлекательными для ребят многие виды общественной деятельности. Пассивное участие в ней для многих школьников стало нормой. Зато активизировались дворовые компании, участились случаи правонарушений среди подростков.

— Выходит, общественно значимая деятельность отнюдь не палочка-выручалочка?

— Все решает, угадаем мы или нет, в каком занятии ребенок в настоящий момент нуждается больше всего. Лишь в зависимости от этого ясно, как влиять на дело, которое ему предлагается. «Строит» ли оно или же «разрушает» еще не вполне сложившуюся личность.

Так, в некоторых детских садах, преследуя благие цели, приучают дошколят к труду «всерьез». Вручают малышу тряпку и говорят: «Убирай! Сегодня твоя очередь». Чего тем самым добиваются? В лучшем случае — малыш станет покорным исполнителем. В худшем — лодырем, который будет смотреть на любой труд как на тяжкое наказание. Ведь

дети в эту пору учатся всему необходимому в жизни главным образом в процессе игры.

Иное дело — подростковый возраст, когда растущий человек полон энергии, открыт добру и исполнен готовности проявить себя с лучшей стороны. Что сильнее всего влияет на его духовное и нравственное становление? Учеба? Занятия в научном кружке? Спорт? Общение со сверстниками? И то, и другое, и третье... Но роль «главного строителя» в это время играет деятельность, которую можно назвать общественно-трудоустройством.

— Не идеализируем ли мы этот возраст? Почти в каждой школе, каждом пионерском лагере можно встретить этаких баловней, выходцев из семей, где на одного ребенка приходится три-четыре взрослых опекуна, попросту ленивых мальчишек и девчонок. И вот эти эгоцентрики, мягко говоря, не рвутся творить добро, до других им нет никакого дела.

— Не справедливо и другое: именно такие перекосы в воспитании, как лень, эгоцентризм, потребительство, легче всего исправлять, вовлекая подростка в общественно-трудоустройство. Ведь ее смысл в том и состоит, чтобы человек мог научиться думать в первую очередь о других. В этом отношении с ней не могут соперничать ни учеба, ни кружковая работа, ни спорт — любой вид деятельности, в которой при всей ее значимости преобладает все же забота о себе, о своем успехе. Впрочем, надо заметить, что учеба тоже может стать «главным строителем» личности подростка, если в основу обучения положен принцип взаимной помощи и общей заинтересованности в успехе каждого. Точно такую же роль — и это в полной мере соответствует духу школьной реформы — в выпускных классах отводят производственной практике и кружковой работе. Ведь в это время самое необходимое для ребят — правильно избрать профессию, привести свои интересы в соответствие с общественными.

— Что же получается: одна и та же деятельность в зависимости от того, как мы ее повернем, помогает выработать в детях то одно, то другие качества?

— Вот именно! Даже такое сугубо индивидуальное занятие, как собирание марок, при умелом подходе можно превратить в средство интернационального воспитания. Или возьмите, к примеру,

футбол. Уж на что коллективная игра, но если тренер не установит в команде здоровый психологический климат, среди игроков появляются и «звездная болезнь», и групповщина, и т. п. Кстати говоря, таким опасностям особенно подвержены детские и юношеские команды.

— А как быть учителю, если третьеклассники, только-только принятые в пионеры, с большей охотой, порой в ущерб учебе, участвуют в коллективных делах, а учеников шестых-седьмых классов, пионеров «со стажем», приходится долго уговаривать хоть что-то сделать для школы? Наверняка он будет чаще опираться на энтузиазм третьеклассников...

— ...И наверняка просчитается! Конечно, давать навыки общественной работы надо уже в третьем классе и даже раньше. Но если на плечи нынешних малышей взваливать то, что им пока не по силам, вполне вероятно, к шестому-седьмому классу их тоже придется «уговаривать». Всякому овощу свое время. Так и в воспитании. Если что-то не заложить вовремя, то потом будет просто-напросто поздно. В этом я сам не раз убеждался, выезжая на лето с отрядами школьников в лагерь труда и отдыха. Самых ленивых и избалованных мальчишек и девчонок пусть не сразу, но все же удавалось вовлечь и даже увлечь работой в поле, научить разумному использованию свободного времени. У многих этот летний заряд активности оставался и в последующие годы... Иное дело — старшеклассники из числа «трудных». Всеми способами уклонялись они от труда, открыто демонстрируя свое презрение к общепринятым нормам поведения. Самых упорных нарушителей дисциплины пришлось даже выпроводить из лагеря. Можно утешать себя надеждой, что, попав в более опытные, чем наши, руки, эти юнцы исправятся. Но для чего обманывать самих себя? И более опытные руки уже мало что смогут сделать: время для пробуждения лучших человеческих чувств, увы, необратимо упущено.

Кстати сказать, фактор времени работает против нас и в том случае, когда в детях искусственно развивают одни задатки в ущерб другим. Так, в некоторых семьях ставку делают на репетиторов. Раз, мол, школа чего-то недодаст ребенку, будем восполнять это за счет своего кармана. Разве мало таких родителей, которые стремятся как можно раньше приобщить своих детей к какой-нибудь престижной профессии? Иного мальчишку прямо после уроков ведут (или везут) в изостудию или на занятия фигурным катанием, а бывает, сначала туда, потом сюда. Родителям кажется, что они стараются ради ребенка, а на деле...

— Но ведь известно: если заложенным в ребенке способностям не дать развернуться вовремя, они могут и вовсе усохнуть на корню.

— Да, так рассуждают многие родители. Но возникает вопрос: кого мы хотим вырастить — того, кто будет хорошо жить, или того, с кем будет хорошо жить?

Поверьте, вопрос этот не праздный. Повышается благосостояние семей, улучшаются жилищные условия, и в то же время растет число пожилых людей, которые проводят остаток своей жизни в домах для престарелых и инвалидов, хотя у многих из них есть и дети, и внуки. Конечно, у каждого такого случая своя причина. В целом же это печальный итог многолетней, подчас жертвенной заботы о том, чтобы ребенок поскорее раскрыл свои таланты и превзошел сверстников. Воспитанный по рецептам эгоистической морали, молодой человек может стать высококвалифицированным, высокооплачиваемым специалистом, но вместе с тем он бывает холодным, расчетливым себялюбцем. И кого же винить в этом, как не самих родителей!

Впрочем, сегодня редко кто, по крайней мере на словах, отрицает благотворное влияние общественной работы на духовное и нравственное становление подростка. И сами дети, как показы-

вают исследования, еще до того, как скажем, их примут в пионеры, настроены на активное участие в делах класса и школы. Спрашивается: почему же активность подростков, к 12—13 годам достигнув своего пика, во многих случаях начинает «расти» вниз? Отчего некоторые ребята, еще вчера с гордостью носившие пионерский галстук, сегодня, выходя из школы, торопливо прячут его в карман? И чем объяснить, что наиболее интересные формы работы с подростками в последние годы рождались, как правило, вне стен школы, хотя именно она должна быть центром воспитательной работы?

Причин тому много, о них сейчас остро говорится в нашей печати. Сейчас же хочется остановиться на одной — привычке переносить методику обучения и на воспитательный процесс. Это стремление свойственно многим учителям и пионерским работникам. И хотя отметок на классном часе или отрядном сборе никому не выставляют, но чем, собственно, отличается неумеренное восхваление исполнительных мальчиков и девочек от пятерок в дневнике и наоборот — критика пассивных от двойок. Причем атмосфера и тут, и там точь-в-точь такая же, как на уроке: взрослый сидит за учительским столом и по очереди «поднимает» учеников. И пусть кто-то из ребят попробует отказаться от поручения, которое ему не по душе. Это сразу же преподносится как позорный поступок, который подлечит общему осуждению. Иные школьные воспитатели, исчерпав все приемы авторитарной педагогики, вызывают в школу родителей: авось, после этого ученик захочет быть активным.

Но ведь нельзя заставить захотеть! Даже если дело, которое поручают подросткам, нужное, стоящее, но не отвечает их возрастным потребностям, они не станут заниматься им с охотой. Вот, к примеру, самообслуживание в школе. Более или менее исправно убирают ребята начальных классов. Степенные старшеклассники тоже не брезгают поработать шваброй. А вот ученики пятых — седьмых классов берутся за уборку только из-под палки. Но обратиться к ним с призывом принять участие в вечернем патрулировании улиц — все пойдут! Или предложим им сойти в поход за грибами, а потом, чтобы сбить высокие цены на рынке, уступить весь сбор за бесценно людям преклонного возраста — долго уговаривать не придется. Короче, подросток на все пойдет, все сделает, лишь бы его не считали «маленьким». И этим искусно пользуются разного рода темные личности.

— Что же мешает школьным воспитателям признать подростка «большим»? Кажется, они-то в первую очередь заинтересованы, чтобы ученик поскорее набирался жизненного опыта и обрел самостоятельность. Пока же положение во многих школах таково, что с учителей и вожатых спрашивают и за успеваемость, и за дисциплину, и за сбор макулатуры, и за выпуск стенгазет... Даже за то, что пионер Вася поссорился с пионером Петей.

— Хотите сказать, что взрослые в школах и без того перегружены?

— Да. А главное — возлагая ответственность за все на учителей, мы тем самым насаждаем иждивенчество среди учащихся.

— Верный способ — предоставить ученикам право самим управлять своими делами, в том числе и улаживать конфликты между собой. Школьное самоуправление разом решает множество застарелых проблем, отравляющих повседневную жизнь педагогов и воспитанников.

— Самоуправление? Разве это ново? Придите сегодня в любую школу, и вам с гордостью скажут: «У нас — самоуправление!» И назовут дела, за которые «от» и «до» отвечают ребята.

— Заметьте: о том, как дети управляют своими делами, рассказывают взрослые. Они же судят, что у ребят получилось, а что нет. Какое же это самоуправление? На мой взгляд, оно начинается с признания, что дети — вовсе не уменьшенная копия нас самих, а самосто-

ятельные люди. Со своим неповторимым мироощущением и ценностями, которые порой не совпадают с нашими, что называется, один к одному.

В связи с этим вспоминается такой случай. Московские школьники, приехав на зимние каникулы к своим сверстникам в Карелию, в числе других дел провели политинформацию о положении в странах Среднего Востока. Форму они избрали необычную: оделись в национальные костюмы и обращались друг к другу, соблюдая принятый на Востоке этикет. Сидевший рядом со мной местный педагог шепотом выражал свое неодобрение: много, дескать, этнографических неточностей и вообще, мол, примитив. Не знаю, как насчет примитива, а неточности, конечно, были. Но вот в ответах на анкету, где был и такой вопрос: «Что больше всего понравилось на сборе?» — на первое место ребята поставили ту самую политинформацию «в лицах».

Что и говорить, взрослому человеку, если он захочет, ничего не стоит придумать к результатам детского творчества. Но стоит ли нам быть столь придирчивыми? В свое время Н. К. Крупская на этот счет заметила: «Пусть они наделают ошибок, но зато пусть они сами научатся работать». К сожалению, в своей практике мы часто руководствуемся другим правилом: пусть они учатся работать, но чтобы никаких ошибок! А ведь известно, что излишняя опека опасна не столько сиюминутными, сколько отдаленными результатами. Многие социально-психологические исследования показывают: положительное отношение подростка к общественной работе, разрушенное в результате неправильного педагогического подхода, восстановить чрезвычайно трудно, а в некоторых случаях — невозможно.

Драма иных, казалось бы, бесспорных педагогических идей в том, что на практике от них остается нередко лишь одна видимость. Взять, к примеру, то же самоуправление. Вот как оно выглядит в одной из школ, где действует свой краеведческий музей. «Директором» тут ученик седьмого класса. Остальные ребята — «музейные работники». Все в их руках? Не тут-то было! При первом же разговоре выясняется, что в музее они ни за что не отвечают, а лишь «представляют» его, когда школу посещают делегации. И еще им разрешено вытирать пыль с экспонатов. А как работать музеем и даже то, кому его «представлять», решают взрослые.

— Что же лежит в основе этой неуемной страсти опекать подростков? Некоторые считают, что это результат феминизации нашей педагогики — резкого преобладания женщин среди учителей и пионерских работников. Дескать, им на роду написано беспокоиться за детей, даже тогда, когда детки на голову выше их ростом.

— По-моему, женщины не хуже мужчин справляются с педагогической работой. Но, согласен, опека — это всегда проявление открытого или затаенного страха. Родители опасаются за жизнь и здоровье ребенка, воспитатель — за поведение воспитанников, отвечать за которое придется ему, воспитателю. Правда, по иронии судьбы чаще всего подростки подводят именно тех, кто не доверяет им и боится отпустить от себя хотя бы на шаг.

— Выходит, надо передать всю власть подросткам и пусть они сами разбираются, что и как?.. Но ведь они действительно кое в чем еще дети и вряд ли смогут обойтись без помощи и советов взрослых.

— Я бы выразился еще определеннее: при всей тяге к самостоятельности подростки на полное самоуправление все же не способны. И не только из-за нехватки жизненного опыта. Целый ряд особенностей их возраста мешает им осуществить эту «власть» на деле. Подростки охотнее берутся за сиюминутные, «горячие» поручения, а дела, которые надо готовить исподволь, день за днем, как правило, «заваливают». И это не случайно. Данные физиологии и психологии говорят, что дети до 15 лет лучше всего чувствуют настоящее,

«сиюминутное» время, и результаты, достигнутые сегодня, ценят выше, чем те, которые можно достичь завтра.

Парадокс, но это одна из непреложных педагогических истин: самоуправление детей без взрослых невозможно. Но понимается эта истина по-разному. Иные полагают, что ученическое самоуправление не более чем уловка умного воспитателя. Ясно, что ни к чему хорошему это не приведет. Рано или поздно подростки увидят, что им отведена роль живых марионеток, и отвернутся от самого искусного «режиссера». Опыт лучших педагогов нашей страны показывает: подлинное самоуправление возникает там, где взрослые и подростки объединяются ради достижения единой цели, одинаково важной и одинаково привлекательной для тех и других. Первый среди равных. Любое иное положение воспитателя чревато неизбежным конфликтом.

— Подростки, насколько мне известно, весьма прихотливы в своих симпатиях и привязанностях. Непререкаемым авторитетом для них может стать и тот, кто, с точки зрения иных взрослых, далек от идеала. Чаще это угловатые, конфликтные и в то же время очень непосредственные по натуре люди. Они поразительно быстро находят общий язык с детьми. Может, потому, что сами во многом дети...

— Да, яркая индивидуальность в педагогике может многое. И все же, думается, на первый план следует поставить такие качества, как педагогическая прозорливость, высокие нравственные принципы воспитателя. В конце концов детям все равно, есть у него диплом педагога или нет. Они хотят видеть во взрослом пример для подражания, старшего друга, способного понять их интересы и мечты. Ради такого человека они сделают все. Ничем другим нельзя объяснить то, что иногда непрофессионал блестяще справляется с «трудными» подростками, которых иные дипломированные педагоги готовы препроводить в колонию.

В последние годы много говорится о так называемой противоречивости подростков, и эпитет «трудные» по отношению к ним часто пишут без кавычек. Истина же, на мой взгляд, заключается в том, что подросток необычайно зависим от обстоятельств, в которые попадает, легко поддается чужому мнению и копирует поведение других. Знаю случай, когда один и тот же мальчишка совершил два, казалось бы, взаимоисключающих поступка: с риском для своей жизни спас на море маленькую девочку, а через неделю участвовал в жестоком избиении сверстника. Кто же он, юный герой или несовершеннолетний правонарушитель? По-моему, ни то, ни другое. Просто, следуя по одной норме поведения, то другой, подросток может быть и альтруистом, и эгоистом, и безоглядно добрым, и поразительно черствым. Причем в любой роли он искренен, выкладывается, что называется, до конца и тем самым сбивает нас с толку, заставляя думать об изначальной противоречивости и даже аморальности переходного возраста.

Такая драматическая зависимость от жизненных обстоятельств делает подростка крайне уязвимым для дурного влияния. Но она же, эта зависимость, увеличивает и наши возможности влиять на него положительно. Вот почему надо приобщать подростков к осмысленной общественной работе, которая, повторяю, как ничто другое, способствует формированию здоровых потребностей и укреплению нравственных начал растущего человека.

— Опять возвращаемся на «круги своя». Теперь я сам вижу, что наступил на вашу «любимую мозоль». Мне кажется, вы убедительно обосновали право подростков на полнокровную, деятельную жизнь, на серьезные, самостоятельные решения. На XXVII съезде партии с новой силой прозвучали ленинские слова о том, что нельзя воспитать ответственность, не поручая ответственных дел. Слова, которые в полной мере относятся и к воспитанию подростков.

ТАЛЛИНСКИЕ ВАРИАНТЫ

На ярмарке в городе уже были? Впрочем, я и так вижу, что были: майки с таким рисунком, как у вас, можно сейчас купить только там.— С такого вопроса началась беседа с Антсом Капралом, генеральным директором таллинского производственного трикотажного объединения «Марат».— И что же вам понравилось больше всего?

— Мне, конечно же, изделия «Марата»,— говорю без капли лести.— И не только потому, что трикотаж— благодатный материал для модельеров, способный искупить любые огрехи. Из него можно создавать все что угодно: и праздничные туалеты, и повседневные комплекты, платья, блузки, юбки, и спортивные костюмы, и даже комплекты для летнего отдыха. В трикотаже уживаются изысканность и деловитость, спортивность и комфортность.

Но не только поэтому. Художники «Марата» пытаются сформировать у потребителей новый взгляд на моду. И, надо сказать, довольно успешно: новинки фирмы раскупаются мгновенно.

— Что же это за новый взгляд на моду?— спрашиваю директора объединения.

— Мы обращаем особое внимание на качество шитья, выбор аксессуаров,— продолжает рассказ Антс Капрал.— Наверное, это еще одна возможность научить молодежь отличать модное от уродливого, действительно красивое от простой поделки— воспитать в конечном счете вкус, о котором мы долгое время забывали.

Несколько человек, с которыми мне приходилось беседовать, на вопрос, каким словом они охарактеризовали бы продукцию фирмы «Марат», ответили: «современность». Ведь современны не только трикотажные полотна, которые ткнут на

объединении, но и фокрои, разработанные художниками фирмы. Для модельера важно все: и цвет, и рисунок, и возможности их сочетания, составления комплектов из предложенных изделий. Важен и адресат— молодой или средних лет, но непременно спортивного склада человек. И потому, наверное, большое место в продукции предприятия занимает одежда для спорта. А если учесть, что нейлоново-синтетическое изобилие уже несколько поднадоело, а трикотаж много легче и удобнее этих материалов плюс всегда в моде, то лучше выбрать трикотаж. И уж тогда непременно с маркой «Марат».

Валерий Леонтьев: КАК ТРУДНО БЫТЬ СОБОЙ

Беседу ведет
Леонид ПЛЕШАКОВ.

Вот уж никогда не думал, что популярность может порой становиться жестокой и обретать удивительно нелепые формы. Именно поэтому рассказ о встрече с Валерием Леонтьевым хочу начать с незатейливого эпизода, свидетелем которого мне довелось стать. ...Часа три мы разговаривали с Леонтьевым в люксе гостиницы «Россия», и когда, казалось, он ответил на все мои вопросы и можно было уже раскланяться, зазвонил телефон, кто-то сообщил, что к репетиции все готово и Валерию пора на сцену.

Мы спустились вниз и, продолжая только что прерванный разговор, направились через двор гостиницы к служебному входу Центрального концертного зала. Я просто не заметил, как перед нами неожиданно оказалась группа девушек. «Охотницы за автографами», — мелькнула мысль. Но тут одна из них, видно, самая смелая, шагнула вперед и заученно отчеканила:

— Валерий Яковлевич, нам нужно с вами серьезно поговорить о работе клуба «Верооко». Необходимо обсудить его дальнейшие планы в деле пропаганды и популяризации вашего искусства...

Только теперь я обратил внимание, что на груди у всех девушек был приколот круглый значок: в центре — фото-портрет Валерия Леонтьева, а по периметру — надпись: «Ленинградский музыкальный клуб «Верооко». В честь одной из его песен назван, что ли? Мне показалось, что не только я, но даже Валерий несколько оторопел от такого неожиданного предложения. А самая смелая, воспользовавшись паузой, пустилась торопливо развивать свою мысль:

— В прошлом месяце в двух районах Ленинграда мы провели выставки о вашем творчестве. На специальных стендах были вывешены фотографии различных этапов вашей жизни, снимки, сделанные во время гастролей по городам страны, афиши. Посетителям выставок мы прочли лекции о вас и ваших дальнейших творческих планах...

— Ну, если вы знаете все даже о моих дальнейших творческих планах, о которых у меня самого, честно говоря, довольно расплывчатые представления, то вряд ли вам нужны мои советы...

Решив, что такой ловкий словесный пассаж позволил ему удачно завершить импровизированную беседу, Леонтьев

хотел двинуться дальше. Но не тут-то было...

Из-за спин девушек вперед выступила женщина в возрасте, годившаяся ему не то что в матери, а, пожалуй, в бабушки.

— Валерий Яковлевич, — сказала она решительно, — как один из руководителей клуба «Верооко», — она назвала свой пост, который в данной ситуации звучал довольно-таки комично, — я хочу сказать, что мы ведем очень важную, серьезную и плодотворную работу. Разговор с вами поможет нам поднять ее на новую ступень...

— Хорошо. Что нужно для такого разговора?

— Главное — время, ну и, естественно, место...

— Сейчас у меня репетиция, вслед за нею почти сразу же концерт. Я освобожусь часов в одиннадцать, когда у меня не останется сил ни на какие разговоры. Чтобы посидеть, поговорить, нужна, видимо, мебель, я же ее с собой не ношу...

— Мы могли бы подняться к вам в номер...

Возразить против такого убийственно-го в своей простоте довода Леонтьеву было нечего.

— А-а-а-а... — как-то потерянно и без-

надежно протянул он и, рубанув по воздуху рукой, заторопился к двери с надписью «Служебный вход».

А я задержался...

— Неужели, — спрашиваю, — вы ехали из Ленинграда в Москву только для разговора с Леонтьевым?

— Конечно, ради него. Взгляните, ради чего приехали.

По тону ответа чувствовалось, что мой вопрос их удивил, тогда как собственный приезд казался предельно понятным и логичным.

— А вот те девушки, ваши подруги? — Я кивнул на другие группки, торчавшие тут же, во дворе, и с ревнивой внимательностью наблюдавшие за только что разыгравшейся сценкой.

— Нет, это не ленинградки. Они приехали из Одессы, Киева, Тулы, еще откуда-то. У них там свои клубы имени Валерия Леонтьева, но до нашего им далеко, — ответили мне с нескрываемой гордостью более удачливые конкуренты. — Кстати, не могли бы вы помочь нам встретиться с Леонтьевым?..

Я счел за благо ретироваться.

Позже, вспоминая эту встречу и другие занятные эпизоды подобного плана, рассказанные Валерием и его друзьями,

я понял, что это вовсе не набор каких-то анекдотических казусов, способных стать лишь поводом для смеха. Истеричное бескультурье, доведенное до экзальтации преклонение перед кумирами — какой бы области это ни касалось: спорта ли, искусства ли, — не такое уж безобидное явление. Вспомним разнужные выходы футбольных фанатов. Думаю, кликушество вокруг популярных артистов ничем не лучше.

Вот пример из самых безобидных. В одном из наших городов есть две соперничающие между собой группы поклонниц Леонтьева. Во время его гастролей в этом городе обе группы заключают между собой временное перемирие, материализованным олицетворением которого является торт объединенного производства, который они ежедневно пекут и по очереди преподносят своему любимцу. Небольшая деталь: одна группа поклонниц печет коржи, другая готовит крем. Когда торт вручают хозяйки коржей, Валерий, выразив восхищение всем изданием, обязательно подчеркнет, что на этот раз особенно удалась коржи, а крем несколько уступает. Зато на следующий день он хвалит, как понимаете, крем. Думаете, это маленькая хитрость галантного мужчины? Ошибаетесь — элементарное благоразумие: попробовал бы он сказать иначе! На войне как на войне.

А теперь о самой беседе с Леонтьевым.

— Если не возражаете, Валерий, наш разговор мне хотелось бы начать с двух любопытных, на мой взгляд, фактов.

Первый. На все ваши предстоящие концерты в «России» билеты давно распроданы, что уже само по себе убедительно подтверждает вашу популярность у любителей эстрады, о чем вы и сами достаточно осведомлены.

Второй. Когда, готовясь к сегодняшней встрече, я решил подробнее ознакомиться с вашей творческой биографией, оказалось, что сделать это совсем не просто. Публикаций о вас мало, а содержащаяся в них информация, мягко говоря, весьма скупа. Правда, о вас ходит масса слухов, одни глупее и невероятнее других. Однако строить на них представление об артисте, согласитесь, рискованно... Вот такой парадокс. С одной стороны, популярный артист Валерий Леонтьев, с другой — неизвестно откуда появившийся на нашей эстраде, неизвестно где и у кого учившийся, как формировавшийся певец Валерий Леонтьев.

— Вас это удивляет? Меня лично нисколько. То же самое можно сказать, пожалуй, о большинстве эстрадных артистов. О нас пишут редко. А если пишут — чаще всего ругают. И это мы делаем не так, и то, а как нужно делать, чтобы все было «так», где и у кого этому научиться, никто толком порекомендовать не может.

— Между прочим, при поиске ваших «корней» я сделал еще одно неожиданное для себя открытие: о многих артистах и даже целых коллективах не только неизвестно, откуда они пришли на нашу эстраду, но, что особенно удивительно, невозможно узнать, куда они с нее уходят. Были, пользовались успехом, иные довольно часто мелькали на телеэкране — и вдруг исчезли самым таинственным образом. Видимо, в этом есть своя логика. Скажите, Валерий, можно на примере вашего личного пути в искусстве понять эту логику, выявив некую общую закономерность в процессе становления эстрадного артиста, уяснить причины, по которым одни добиваются успеха, другие же, тоже вроде бы небесталанные, очень быстро сходят с небосклона, так и не засияв в полную силу?

— Думаю, можно. Потому что мой творческий путь во многом типичен. И трудности, которые приходилось преодолевать мне, пожалуй, в равной мере стояли перед каждым, кто решил посвятить себя эстраде...

— Тогда начнем с вашей биографии?

— Родился я в деревне Усть-Уда Коми АССР. И отец мой, Яков Степанович, потомственный помор, родом из Холмогор Архангельской области. А ма-

ма, Екатерина Ивановна, украинка из деревни Софиевки Запорожской области. Отец, ветеринарный врач по образованию, специализировался по северным оленям. А эти животные — постоянные кочевники. Вот и мы кочевали за ними следом. Помните, в свое время демонстрировался итальянский фильм «Они шли за солдатами»? Нам же все время приходилось идти за оленями.

— Вам в тундре приходилось бывать?

— Мы там жили. Тундра начиналась прямо от порога дома: карликовые деревца, мох, морошка. Прекрасный край — север Архангельской области. До сих пор любимое блюдо — строганина из мороженого оленьего мяса. Надо только мелко-мелко настрогать его, посолить и чуть-чуть уксусом... Короче, в мои детские годы ничто не провоцировало меня на то, чтобы избрать занятие, где нужно петь и танцевать. Весь уклад жизни нашей семьи нацеливал на другое: быть оленеводом.

Однако Север есть Север. В странах за своими любимыми оленями отец подорвал здоровье. Ему было всего пятьдесят два года, когда врачи рекомендовали сменить климат на более умеренный. Так мы оказались в волжском городе Юрьевце Ивановской области. Тут я пошел в шестой класс, тут и окончил среднюю школу. И тогда встал вопрос: кем быть?

Сейчас модно говорить о профориентации школьников. Тогда же, двадцать лет назад, эта тема как-то даже не возникала. Во всяком случае, у нас, в Юрьевце. Каждый ориентировался по своему вкусу. Я почему-то мечтал стать океанологом. Знаете, всякие там экзотические острова, коралловые рифы, пальмы. Все так далеко, причисто и очень романтично. Однако где готовят на непонятную и красивую профессию океанолога, я не знал, поэтому после десятилетки решил идти учиться на артиста: в этой профессии, как мне казалось, я разбирался лучше всего, тем более что для меня она была, опять-таки по моему убеждению, наиболее простой и доступной...

— Почему?

— В школе я занимался во всех кружках художественной самодеятельности, какие только были: вокальном, драматическом, акробатическом и так далее. Разумеется, выступал на вечерах, участвовал в различных конкурсах, так что сцена и зрители были для меня чем-то естественным и понятным.

К тому же я много лет собирал открытки с портретами артистов. В моей коллекции их было несколько сотен, а может быть, даже больше, сейчас уже и не помню. — Леонтьев весело рассмеялся, не то удивляясь своему давнему увлечению, не то иронизируя над ним. — Так вот это занятие, довольно типичное для провинциальных подростков, как бы приобщило меня к блистательному артистическому клану. И когда всеобщие кумиры каждый вечер приходили в мой дом с экрана телевизора, они и вовсе становились своими...

— Кто из них был самым любимым?

— Естественно, те, кого тогда показывали по «ящику», чьи голоса чаще других звучали по радио, чьи пластинки можно было купить в магазине: Магомаев, Пыха, Хиль, Марьянович.

— А «Битлз»? Ведь как раз в то время квартет из Ливерпуля достиг зенита своей популярности и был самой яркой звездой на эстрадном небосклоне мира...

— Я жил в таком глухом углу, что блистательный ореол «Битлз» до нас не «досветил». Мы довольствовались тем, что нам предлагали...

— Итак, вы решили учиться на артиста...

— Получив аттестат зрелости, мы на пару с моим одноклассником Сережей Трухиным отправились в Москву поступать в ГИТИС. Хотя я и был уверен в своем призвании, все равно, как говорится, ноги от страха дрожали. А когда во дворе института, в Собиновском переулке, увидел других абитуриентов актерского факультета, я вовсе пал духом...

— Почему?

— Представьте себе красивых парней и девушек. Прекрасно одеты! Великолепно держатся! На вид — состоявшиеся «звезды», в пору сниматься в Голливуде! Но самое убийственное — все правильно говорят...

— Правильно говорят? Я не совсем понял...

— Последние пять школьных лет, как помните, я учился в Юрьевце. А здесь — характерный волжский «окающий» выговор. «Окают» на улице, в школе, дома. «Окают» ученики, учителя, соседи, знакомые. Моя правильная манера говорить подвергалась осмеянию. Все это так навалилось на меня, что в конце концов я и сам «заокал», как прирожденный волжанин.

И вот когда во дворе ГИТИСа я увидел и услышал своих будущих соперников по вступительным экзаменам, то понял: тягаться с ними бессмысленно. Типичный комплекс неполноценности семнадцатилетнего провинциала, волею случая оказавшегося в столице. Короче, не дожидаясь экзаменов и стараясь произнести как можно меньше слов, я забрал в приемной комиссии свои документы и, вернувшись домой, сразу поступил рабочим на кирпичный завод: откатывал вагонетки с сырым кирпичом от пресса к сушильным стеллажам.

Через полгода родители переехали поближе к теплomu морю, в Анапу, куда их давно сманивали жившие там родственники. Как человека еще не совсем самостоятельного, они забрали меня с собой. На юге я не изменил своему профессиональному «кирпичному» профилю: работая на стройке, подносил кирпич тем, кто его укладывал.

В Анапе я долго не выдержал. Зимой в курортных городах скучно. А тут у меня ни друзей, ни знакомых — с тоски вить хочется. Короче, месяца через два я сбежал в Юрьевец и поступил тесемщиком-смазчиком на льнопрядильную фабрику. В прядильной машине есть такие ремни, которые вращают веретенные пары. Эти ремни постоянно рвутся, выходят из строя, и задача тесемщика-смазчика — устранять неполадки. Вот так я и «прокувыркался» в солидоле под станками целых два года...

— Выходит, с мечтой о сцене пришлось распрощаться?

— Напротив. Первое, что я сделал, поступив работать на фабрику, — записался в художественную самодеятельность. Пел, танцевал, участвовал в концертах.

— А что пели?

— Все самое модное, что предлагали в то время в легком жанре телевидение и радио.

Не знаю, сколько бы это продлилось, если бы не моя старшая сестра Майя. Она жила тогда в Воркуте. Человек деятельный и правильный, она просто «задолбила» меня своими наставлениями: сколько можно валяться в мазуте, нужно учиться, время уходит! Она действовала так методично и настойчиво и в конце концов так меня «достала», что я собрал свои пожитки и помчался к ней, на Север, будто меня палками гнали.

В Воркуте сестра устроила меня сначала лаборантом в научно-исследовательский институт оснований и подземных сооружений. Одновременно я готовился и затем поступил на вечернее отделение филиала Ленинградского горного института по специальности «технология подземных разработок». Потом из НИИ я перешел чертежником в проектный институт. В то время я уже довольно прилично рисовал, так что с профессией не было никаких проблем. И с учебой тоже: без осложнений добрался до третьего курса и, думаю, спокойно получил бы диплом инженера, если бы так серьезно не увлекся сценой.

— А вы и в Воркуте не бросали кружок художественной самодеятельности?

— Здесь у меня их было целых три: в проектном институте, где я работал, в филиале горного, где учился, и во Дворце культуры шахтера и строителя.

— А что делали?

— Все делал! Играл в драматических

спектаклях — мне давали даже большие роли, например, Мальша в «Затюканном апостоле» Макаенка. Принимал участие в опереттах «Цирк зажигает огни» и «Дон Ренальдо идет в бой», где исполнял ведущие партии. Естественно, пел с эстрадным оркестром и даже подготовил сольную программу, с которой выступал в концертах. Мои успехи были замечены и отмечены лауреатскими званиями на различных конкурсах в масштабах города и республики Коми. Скажу без преувеличения: в Воркуте я был в то время довольно популярным человеком.

— Извините, Валерий, но я опять хочу спросить о вашем репертуаре...

— Принцип отбора не изменился: исполнял песни, которые были модны. В то время много шума наделал фильм «Пусть говорят» с Рафаэлем в главной роли. Может, помните?

— Еще бы! Красивые девушки, красивые парни, красивые пейзажи, автомашины, а содержание так себе, пустячок...

— Пустячок... Но там была еще очень красивая музыка, красивые песни. Я включил их в свой репертуар вместе с другими «шлягерами» той поры.

Вспоминая теперь годы, прожитые в Воркуте, не могу понять, как у меня на все хватало сил и времени. С восьми до шести — работа. Вечером — занятия в институте. А потом еще репетиции, концерты, спектакли. Я страшно уставал, но это было прекрасное время. Тебе еще нет двадцати или двадцать с небольшим, вся жизнь впереди, а ты уже вроде бы достиг какого-то признания, и есть надежда, что это еще не предел.

Однако рано или поздно жизнь, которую я вел днем, должна была вступить в противоречие с тем увлекательным миром, где я обитал по вечерам. Их сосуществование не могло продолжаться бесконечно. Я не был выдающимся студентом, но учился в принципе неплохо. Чем «гуманитарнее» был предмет, тем лучше оценки, и чем точнее наука, тем они были хуже. Работа чертежника, честно говоря, довольно-таки мне опротивела. А вечером на занятиях в институте опять начинались все эти шахтные вентиляторы, штреки, квершлагги, проходки — все, что должно было стать моей будущей профессией. Но мои симпатии находились совсем в другой области.

Хочу быть правильно понятым. Я с уважением отношусь к профессии инженера, рабочего, как и к любой другой нужной и полезной людям. Работа на кирпичном заводе, стройке, льнопрядильной фабрике мне много дала в познании жизни, ее истинных и мнимых ценностей. И если в конце концов я все-таки выбрал для себя профессию эстрадного певца, то вовсе не потому, что она легче и престижнее профессии инженера или рабочего. Просто здесь, мне казалось, я смогу полнее реализовать свои возможности, природные данные, чувствовал: «Это — мое». В принципе каждый человек должен выбирать дело, которому он больше всего поддается.

Итак, нужно было на что-то решаться. Не хватало только толчка, повода. И вот в этот драматический момент моей жизни в городе Сыктывкаре, столице Коми АССР, был объявлен республиканский конкурс среди самодеятельной творческой молодежи с тем, чтобы определить наиболее способных, отправить их учиться, а выучив, организовать при филармонии эстрадный коллектив.

Понятой, я не мог упустить такой великолепный шанс... Правда, по глупой случайности все чуть было не сорвалось. Играя в последнем спектакле «Затюканый апостол», я, как обычно, много прыгал и каким-то образом сломал пятую кость. Мне наложили гипс. Но я все равно быстренько собрался, купил билет и с загибаванной ногой, с клюкой в руках отправился в Сыктывкар.

С клюкой я вышел там и на сцену. С нею же в руках я плясал и пел, и, возможно, она как раз и сыграла главную роль в моей дальнейшей судьбе: в числе пятнадцати лучших исполните-

лей, отобранных для учебы, был и я. Не знаю, что больше привлекло жюри: мои способности или упорство.

— Итак, вы поехали учиться...

— ...В Москву, во Всероссийскую творческую мастерскую эстрадного искусства, которая располагалась в Зеленом театре на ВДНХ. Положили нам шестидесятирублевые стипендии, а жить определили в самых дешевых гостиницах. Месяц — в «Заре», месяц — в «Алтае», месяц — в «Востоке», переезжая поочередно из одной в другую, чтобы за превышение месячного срока не платить двойную цену за койко-место. Нам полагался на жилье всего рубль в сутки. Так что номера всегда были четырехместные, постоянно кого-нибудь к нам подсаживали. Чаще всего соседями оказывались южане, торговцы фруктами. Все время кто-то привозил, увозил. Из-за ящиков, чемоданов в комнате не повернуться — просто склад.

Одновременно с нами, представителями Коми АССР, в мастерской учились еще якутская и марийская группы. Приходили сюда и московские артисты, которым ставили номера. Эти находились на привилегированном положении: столичные птицы. К нам же относились очень плохо. Эти два года учебы я всегда вспоминаю с содроганием.

— Кто, кроме вас, из того набора выбыл в известные артисты?

— Насколько знаю — никто. Одни, не выдержав мятарств, вернулись к своим прежним профессиям. Другие — приобрели новые специальности. Да, собственно говоря, было бы удивительно, если бы из этой затеи что-то получилось дельное... Можно было бы перетерпеть нашу бытовую неустроенность, то, что постоянно скакали из одной гостиницы в другую. Главная беда — мы никому в нашей мастерской не были нужны.

— Зачем же они вас набрали, взялись учить?

— За наше обучение Сыктывкарская филармония перечисляла мастерской приличные суммы. Дали нам тут что-нибудь, не дали — денежки все равно взяли...

Леонтьев задумался. Мне показалось, он хочет вспомнить что-то, а он вдруг выпалил с неожиданной горячностью:

— А может, я зря сейчас все это рассказываю? Дело прошлое, кому это теперь интересно?

— Многим интересно. Вашим поклонникам в первую очередь. Те, кто видит сегодняшнего Леонтьева, лауреата различных конкурсов и премий, популярного артиста, должны знать, какой ценой добывалось искусство, какого пота стоило признание.

— Лично я тоже так думаю. Но существует и другая точка зрения: зачем ворошить прошлое, ведь Леонтьев интересует зрителя в его нынешнем качестве, а не в период его ученичества и становления как артиста... Согласитесь, такое мнение тоже имеет право на существование...

— Нет, Валерий, не соглашусь. Да, мы беседуем сейчас об артисте Леонтьеве. Но не только и даже не столько о нем, сколько о пути эстрадного артиста вообще. Да, мы рассматриваем теперь вашу биографию, но ведь заранее договорились, что будем обращать особое внимание только на те ее эпизоды, которые характерны для многих ваших коллег по жанру. Ваш пример поучителен, показателен, хотя, как я понимаю, все-таки по-своему и исключителен. Вы прорвались к вершине, когда большинство из тех, кто начинал вместе с вами (уверен, среди них были и талантливые), не выдержали подъема, отступили на дальних подступах...

— Дошел не я один — многие.

— Но большинство все-таки не прорвалось. Я хочу понять почему.

— Не хватало фанатизма. В нашем жанре, по-моему, это самое главное качество. Талант — хорошо, везение — отлично, встретился на твоём пути хороший учитель или разбирающийся в нашем деле и умеющий подсказать специалист — вообще великолепно. Но для настоящего успеха этого все равно мало. Надо быть фанатиком. Не отступать

ни перед какими обстоятельствами. Держать себя в узде, не расслабляться и не падать духом, даже когда ситуация кажется безвыходной...

— И это «легкий» жанр?

Вместо ответа Леонтьев глубоко вздохнул и, помолчав, предложил:

— Продолжим? Вы хотите, чтобы я еще рассказывал о мастерской? Самое трудное было потом.

— И все-таки давайте вернемся к мастерской. Ведь чему-то вас там учили? Чему, кто?

— Фактически никаких профессиональных навыков мастерская не дала. Правда, были у нас уроки пантомимы, танцев, сценического движения, вокального мастерства. Но все это почему-то не оставило никакого следа. Все-таки, что я сейчас умею, я научился не там.

Преподавали у нас известные в прошлом артисты, ушедшие на пенсию. Исполнителями они были замечательными. Учителями же... Понимаете, они работали на эстраде совсем в другую, если так можно выразиться, эпоху, когда и музыкальная мода была иной, и манеры исполнения... Моим педагогом по вокалу был Георгий Павлович Виноградов...

— Популярный еще в довоенное время эстрадный тенор?

— Да, он. В годы моей учебы Георгию Павловичу было уже за семьдесят. Он приходил в класс с кулечком семечек, садился в углу и не торопясь принимался щелкать их. Концертмейстер барабанил на пианино какой-то оговоренный со мной мотив, я стоял рядом, пел. Иногда Георгий Павлович отвлекался от семечек и бросал сердито: «Что ты орешь, как...»

Но он все-таки был хорошим, добрым человеком, искренне переживал нашу бытовую неустроенность, постоянно ругался с руководством, требуя, чтобы нас селили в гостиницах только со своими и не по четыре, а хотя бы по два человека в номере. Любили нас и, как могли, помогали нам концертмейстеры Тамара Захаровская и Людмила Николаева.

— А какую цель в мастерской преследовали лично вы?

— С иллюзией, что сумею здесь освоить профессиональное мастерство, пришлось расстаться довольно быстро, поэтому я спешил выполнить программу-минимум: набрать репертуар, то есть разучить, довести до кондиций какое-то количество ходовых песен, с которыми можно было бы выступать на профессиональной площадке. А это время было не за горами.

— Что вы тогда пели?

— Теперь не смогу точно вспомнить. Если коротко: всякую дребедень.

— Были среди этого оригинальные песни, написанные специально для вас?

— Разумеется, нет! Брал из того, что уже пелось другими, популярными в то время артистами. Хочу объяснить механику взаимоотношений в тандеме «композитор — исполнитель». Здесь все основано на взаимозависимости и взаимозаинтересованности. Допустим, написал композитор новую песню. Естественно, он хочет, чтобы она стала популярной. А это во многом определит ее премьера, то есть как, где, когда и в чьем исполнении она зазвучит в первый раз. Лучше всего по первой программе телевидения в какой-нибудь популярной передаче да еще в такое время, когда у экрана собирается наибольшее число зрителей.

А еще, чтобы «показал» эту песню артист, который наиболее подходит к ней по своим голосовым данным, темпераменту, манере исполнения и, наконец, уже достаточно популярный, знакомый зрителю. Последнее обстоятельство весьма важно. Если что-то новое, оригинальное предлагает певец малоизвестный, зритель склонен к колебаниям при оценке новинки. Когда же эту песню исполнит признанный авторитет, то само его имя оказывает психологическое давление: такая знаменитость, мол, плохую петь не согласится, значит, вещь хорошая, заслуживающая внимания.

— Но ведь и у хорошего исполнителя есть свои критерии в оценке песни...

— Естественно. Свое имя он зарабо-

тал огромным трудом, поэтому не хочет тратить его на что попало и облегчать рождение всяких халтурных поделок... Артист хочет, чтобы у песни была и хорошая мелодия, и осмысленный текст, и классная аранжировка. И еще чтобы «изюминка» была, которую можно «подать»...

— Короче, автор хорошей новой песни старается отдать ее премьеру только уже состоявшемуся и достаточно известному исполнителю, а с другой стороны, молодой певец может громко заявить о себе лишь в том случае, если станет первым исполнителем популярной в будущем песни. Какой-то заколдованный круг получается...

— Конечно. Случающиеся иной раз исключения не опровергают общего правила. Не зря же они и воспринимаются как сенсации. Неизвестный или, скажем, малоизвестный исполнитель находит вдруг такую яркую подачу для неприметной песни, что и он сам, и эта песня становятся знаменитыми. Вспомните Владимира Трошина и «Подмосковные вечера», Аллу Пугачеву и «Арлекино». Примеры можно продолжить...

— Если я правильно вас понял, композиторы не баловали учащихся эстрадной мастерской своими новинками...

— Почему же? Новинки были: к нам сметали всякий мусор, отвергнутый именитыми артистами. Только петь эту муру не хотелось.

— Чем закончилась для вашей группы эпопея в Зеленом театре?

— Блестящим скандалом. Наше сыктывкарское начальство периодически наезжало в Москву посмотреть, как идут у нас дела. И вот однажды прилетел сам директор филармонии Анатолий Иванович Стрельченко. Послушал он нас, посмотрел и понял, что за год, истекший с его прошлого посещения, мы не продвинулись ни на шаг, топчемся на месте. Он страшно возмутился и увез нас домой. Позже, говорили, он обратился в арбитраж и даже сумел взыскать с эстрадной мастерской перечисленные филармонией за наше обучение деньги.

Так в 1973 году мы, недоученные, вернулись в Сыктывкар, где нас уже ждали музыканты — будущий оркестр нашего вокально-инструментального ансамбля. С ними мы организовали эстрадную группу «Эхо».

— Это название она сохранила до сих пор?

— Правильнее сказать: сохранилось одно название, а той группы давно уже нет. Читайте: из Москвы нас приехало, если не ошибаюсь, двенадцать артистов, да музыкантов было человек, кажется, шесть. В нынешнем «Эхо» из тех ветеранов остались всего два музыканта и один артист.

— Почему такой большой отсев? Даже для ансамбля с тринадцатилетним стажем это убийственные цифры: ушли пятеро из каждых шести...

— Трудно было — люди и не выдержали.

— Объясните: в чем заключалось это «трудно»?

— Представьте, в 1973 году нас объявили артистами-профессионалами, хотя таковыми мы, откровенно говоря, еще не были. Программа не готова, и бог знает, когда будет сделана. Ставки нищенские. Заработок зависит от количества концертов. А количество концертов ничтожное, потому что на нас не ходят. А не ходят потому, что нас никто не знает. А не знают, потому что нет рекламы и хорошей программы... В конце концов людям это надоело, и они побежали. Музыканты в основном подались в ресторанные оркестры. Тут хотя бы верный кусок хлеба, хотя, правда, в моральном и профессиональном плане жизнь не сахар. У артистов еще сложнее: этим приходилось менять профессию. Согласитесь, не от хорошей жизни девчонка, мечтавшая о СЦЕНЕ, имевшая неплохие данные, вдруг становилась телефонисткой на «межгороде»...

— Это было самое страшное время в жизни нашего коллектива.

Окончание следует.

29-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

В этом году наш журнал наряду с шахматной олимпиадой по решению задач и этюдов проводит и конкурс составления шахматных задач-миниатюр.

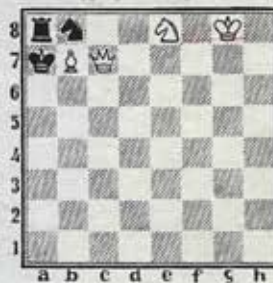
Задания 29-й олимпиады мы будем сопровождать разного рода сведениями, которые необходимо знать начинающим составителям.

В процессе длительного развития шахматной композиции сформировались определенные обязательные требования к задачам и этюдам. Одним из них является требование **легальности начальной позиции**. Это означает, что должна существовать серия формально возможных ходов, которые из начальной позиции шахматной партии приведут к позиции данной задачи, то есть должна существовать **доказательная партия**. Правда, к помощи доказательной партии приходится прибегать только в сложных, многофигурных задачах. Обычно невозможность позиции обнаруживается легко. Например, положение белых слона a1 и пешки b2 делает любую позицию нелегальной (слон не мог попасть на a1). Или положение белых пешек на a2, a3 и b2 нелегально, так как пешке a3 неоткуда попасть на это поле.

Нарушение требования легальности начальной позиции **уничтожает** задачу.

Тур второй

I
Белые: Kpg8, Фс7, Ке8, п. b7 (4)
Черные: Кра7, Ла8, Кb8 (3)
Мат в 2 хода (1 балл)

II
Белые: Kpf8, Фb4, Ла5, п. e5 (4)
Черные: Kpd7, Со8, п. c7 (3)
Мат в 2 хода (1 балл)

III
Белые: Кра3, Фс6, Фf5 (3)
Черные: Кра1, пп. b3, c4, d5 (4)
Мат в 2 хода (1 балл)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «29-я шахматная олимпиада. 2-й тур». Последний срок отсылки писем (по почтовому штемпелю) — 1 апреля.

ГАЛИНА БЕЛОГЛАЗОВА
ХЕЙНО ЭНДЕН

ВАИВОЕМ

Сергей МИКУЛИК

Хейно Энден, заслуженный мастер спорта СССР. Чемпион мира и Европы по баскетболу, двукратный чемпион страны. Студент Таллинского института физкультуры.

Хрупкая зыбкость семейных устоев ныне никого не удивляет — стремительность не в ладу с постоянством. И получается, что наша среднестатистическая семья может быть счастлива уже потому, что она есть. Рушатся и так называемые ранние браки, и прочные, основательные при взгляде со стороны союзы. Что же все они, словно сговорившись, делают не так и о чем думали в начале пути?

Сегодня мы рассказываем о любви двух совсем молодых еще людей. История их знакомства неординарна, как неповторима и каждая история любви. В путь они только-только тронулись, и свою мелодию на два голоса сложить им еще предстоит.

...Ансамбль играл задорную эстонскую мелодию, гости, съехавшиеся в Таллин из разных концов страны, кричали молодым традиционное: «Горько!». Родители украдкой смахивали слезу, а я сидел и вспоминал тот день, когда впервые понял, насколько у Гали с Хейно все серьезно.

Мы вышли тогда из зала ЦСКА на Ленинградском проспекте и окунулись в мягкий зимний вечер.

— Новый год скоро. Знаешь, где я буду его встречать? — задумчиво произнес Хейно Энден.

— Опять в Париже или Мадриде, где же еще. (Наша баскетбольная сборная традиционно выезжала туда на новогодние турниры.) Никакого разнообразия.

— Ошибаешься. В Астрахани. Галя пригласила, представляешь, сама!

— Погоди, а сборная?

— Что сборная... Не баскетбол сейчас главное. Через три недели я познакомлюсь с ее родителями, ты понимаешь, что это для меня значит, — говорил он, ловя ладонью легкие снежинки и мечтательно улыбаясь.

Я если и понимал, то не до конца. Впервые в жизни я видел перед собой спортсмена, довольного тем, что его не включили в сборную страны!

— В Париж я еще поеду. И сыграю, если на что-то годен... Сейчас Астрахань для меня во много раз важнее. Будем считать, что в этом сезоне Галя все выиграла за нас двоих.

Для Галины Белоглазовой тот год действительно выдался на редкость успешным. За единственным, пожалуй, исключением — поздней осенью попала абсолютная чемпионка Европы по художественной гимнастике в московский лечебно-физкультурный диспансер из-за травмы ноги.

Впрочем, не было бы счастья, да несчастье помогло...

— Хейно тогда каждый день меня навещал, наконец-то мы хоть так могли побыть вместе, — вспоминает Галя. — До этого ведь между нашими встречами были месяцы разлуки. Ну, между первой и второй — это объяснимо, он просто тогда долго собирался с духом, чтобы мне позвонить. А познакомились мы в Сухуми — так, перекинулись парой ничего не значащих фраз, как соседи по сборам. К тому же мне на следующий день нужно было улетать на соревнования. Через несколько месяцев, на подмосковной базе в Новогорске, он мне из соседнего корпуса позвонил, и я почему-то очень обрадовалась...

После того дня мы стали более или менее регулярно встречаться. Хейно по возможности старался бывать на моих тренировках, встречал из турне в аэропорту. Но возможности эти выпадали, прямо скажем, нечасто. А вот там, в диспансере, мы были каждый день вместе. Только его посещениями и жила. Сезон у нас закончился, девчата разъехались кто куда, а мне вот такой «отдых» выпал. Когда меня выписывать собрались, подумала: как же теперь без него? Тогда сама смелости набралась и пригласила его на Новый год к нам домой. Ждала его и очень волновалась — ведь в Астрахани Хейно должен был еще кое-кому, кроме меня, понравиться...

Галина мама, Мира Васильевна, медицинская сестра по профессии, волновалась не меньше, если не больше дочери. И кто сказал, будто Новый год — самый беззаботный из всех праздников?!

— Но все тревожения почти сразу и улеглись, стоило только ему заговорить, — рассказывала Мира Васильевна. — От Хейно, знаете, какой-то уверенностью веяло. Очень он мне основательным показался.

— Как раз «показываться» я никому и не собиралась, — обижается Хейно. — Приехал таким, какой есть, — хотите — принимайте, хотите — нет. Фальшь в отношениях между людьми даже ради достижения цели оправдывать, по-моему, нельзя.

— Но все же, сознайся, понравиться родителям хотелось?

— Хотелось, чтоб они поверили, что Галя меня интересуется не как «звезда», а как человек, как будущая жена.

Павел Иванович Белоглазов заметил коротко:

— Это все самому пережить нужно. Вот будет у вас взрослая дочь, тогда вы меня, возможно, и поймете.

— Итак, Хейно, наступил новый, 1985 год, а потом?

— Да, наступил, как мы ни старались продлить бой курантов в ту ночь. Потом все было как обычно — наша беспокойная спортивно-студенческая жизнь вновь пошла своим чередом. С Галиной виделись нечасто, но каждая встреча оставалась в памяти. Правда, тогда, в Астрахани, мы все для себя и решили.

Они решили... В устах 27-летнего Эндена эта фраза звучит достаточно веско. Но Гале-то в пору такого решения едва исполнилось семнадцать. В загс они, правда, собирались не завтра, но ведь и ждать долго не хотели.

— На помосте я взрослая, дома —

ребенок. Так у нас было. Родителям, конечно, хотелось, чтобы я еще выступала, а в идеале — и институт закончила. Мама, так та вообще категорически против раннего брака была. Но так они в основном говорили, пока моего Хейно не видели. Посмотрели, что он за человек, и во всем с нами согласились. В спорте семья, я считаю, только подспорье, в учебе тоже будем помогать друг другу. Я, например, сначала на факультет иностранных языков Астраханского пединститута поступила. Но английский как-то не очень пошел, хотя вроде бы неплохо его знала, да и с преподавателями отношения не заладились. Посоветовалась с Хейно и родителями и после года учебы перевелась на исторический. Вновь на первый курс, хотелось все начать сначала и основательно. Сейчас учеба — в радость. Тем более что рядом есть такой умудренный студент, как Хейно, который скоро Таллинский инфизкульт заканчивает. Человек, которого я люблю.

— Все решали действительно они сами, — говорит Рейн Фердинандович Энден, инженер по профессии. — Сын у нас взрослый, во всех отношениях самостоятельный, в жизненных вопросах давно уже на самого себя привык рассчитывать и нам, родителям, о своем выборе сказал, когда счел нужным. Мы не в претензии. Одно просим — пусть молодые живут в

Галина Белоглазова, заслуженный мастер спорта СССР по художественной гимнастике. Абсолютная чемпионка Европы, победительница первенств мира в отдельных упражнениях, многократная чемпионка СССР, «Мисс Игр доброй воли». Студентка исторического факультета Астраханского пединститута.

Таллине: Хейно ведь последние годы играет в Москве, в ЦСКА, и мы так редко его видим.

Пока в Таллине была сыграна свадьба — шумная, веселая, озорная. Сроки были выбраны с единственно возможным расчетом: у Гали выпал небольшой перерыв между турнирами, а у Хейно выдалась две свободные недели между сессией и началом подготовки к очередному игровому сезону. Такой вот короткий медовый месяц...

— Хейно, ты помнишь новоселье в своей московской квартире?

— Такое не забывается. Ключи мне вручили меньше чем за сутки до Галиного приезда в Москву. Успеть бы хоть обоим поклониться! Помнишь, у нас поначалу ни клея, ни кисточек, ни даже света в комнате не было. Но мы все это нашли, от соседней сорокаваттной лампочки протянули и к полудню деревянными уже руками последний лист приладили. А утром я

цветов накупил, во всех вазах, банках и чашках расставил и помчался на вокзал.

— Теперь тебе придется дарить Галя цветы в новом качестве...

— Намекаешь на прозу, которая должна наступить в наших отношениях? А это что — неизбежность? Тут же все зависит от нас самих.

— И все же, когда ты распрощаешься с баскетболом и будешь получать довольно скромную зарплату начинающего тренера, а Галя, возможно, останется к тому времени просто студенткой, что изменится вокруг вас и в вас самих, как ты думал?

— В моем изложении это смахивает на вариант «все или ничего». Да, ведущие спортсмены получают определенное денежное вознаграждение, играя и тренируясь, отстаивая честь страны на аренах мира. И, по-моему, это вполне оправданная компенсация за тот труд, который мы затрачиваем. Но если со временем я стану хорошим тренером, а дома будет ждать любимая жена, разве это так мало?

— Галя, а ты задумывалась когда-нибудь об этом?

— Естественно, в чем-то придется себя ограничить. Но многие наши друзья, молодые семейные пары, живут, и очень дружно, на две свои небольшие зарплаты. Не думаю, чтобы мы когда-нибудь стали ссориться из-за денег.

Спортивная семья необычна уже потому, что находится на виду не только у друзей по институту или соседней по подъезду. Их имена на слуху у миллионов людей. И то, что Галина сама предложила взять фамилию мужа, говорит, по-моему, о многом. Это ведь как залог, как продолжение любви...

...Прибалтика манит нас к себе в любое время года. Туристы, наверное, утраивают ее население. Нескончаем поток восторгов, которым всегда готовы поделиться с собеседником люди, посетившие в свое время Сигулду, Тракай или Тарту. Прибалтика, конечно, прекрасна — культура, традиции. Но, если хотите, и амбиции тоже.

— Рейн Фердинандович, — спрашиваю, — вас никогда не смущало, что Галина родилась не в Эстонии и ей будет непросто усвоить традиции классической эстонской семьи?

— Думал об этом. Хейно будет рядом, мы поможем. Но только поможем — думать за них или решать мы с матерью не собираемся.

— Галя, приезжать в Таллин погостить ненадолго и жить там постоянно не одно и то же, верно?

— От одного слова «постоянно» уже веет, по-моему, домашним уютом. Ведь номер в гостинице или на базе, как бы долго там ни жил, трудно считать своим домом. Так иногда хочется в комнате прибраться, у плиты постоять. А приходишь после тренировки, и все уже кем-то убрано, и обед в столовой готов. Я и в Астрахани-то бываю наездами, заскакиваю на несколько дней порядок в институтских делах навести — и вновь на сборы. А в Таллине у меня будет самый настоящий свой дом. Да и весь город такой спокойный, приветливый, красивый — прямо как мой муж.

— Но пока ты продолжаешь высту-

пать, мечты о домашнем уюте придутся, видимо, вам с мужем отложить до лучших времен?

— Это те лучшие времена, которые, как говорил Остап Бендер, скоро наступят? И вправду скоро — едва ли я останусь в большом спорте до Олимпиады. Устала, честно говоря, от бесконечных сборов и переездов. Без многих из них вполне можно было бы и обойтись. Когда я дома к соревнованиям готовилась, то выигрывала. Всегда. Но руководство разрешило это мне крайне редко и неохотно. Тренерам спокойнее, если мы у них на виду. Наверное, будут уговаривать меня продолжать, да и самой бросать жалко — как-никак 14 лет отдано художественной гимнастике. И достигла многого, и могла, пожалуй, еще большего достичь, но что сделано, то сделано. Спорт дал мне возможность увидеть мир, познакомиться с массой интересных людей. Спорт, наконец, помог мне обрести семью, о которой мечтает каждая девушка.

— Но которой надо все же пройти проверку временем?

— Три года, что мы знакомы, — срок уже сам по себе немалый. И в дальнейшем все будет зависеть только от нас самих, от отношения друг к другу. Хейно — очень цельная и сильная натура, во мне больше неорганизованности. Правда, я считаю, что и мужчина имеет право на слабости.

— Давай представим ситуацию: у Хейно неудачно сложилась игра, а ты сидишь дома и ждешь его к ужину, расстроенного, свирепого. И вот в дверном замке проворачивается ключ и...

— Если эту ситуацию надо обострить, то лучше уж представить меня после не слишком успешного выступления. Это я тогда вся киплю, и окружающим от меня, честно говоря, иногда достается. Но мой спокойный и уравновешенный Хейно всегда очень хладнокровно гасит конфликты. С ним поссориться, по-моему, вообще невозможно, если даже очень этого захочешь.

— Поссориться-то со мной можно, как, наверное, и со всяким человеком. Просто в любом спорном вопросе я взял за правило встать на место оппонента. Очень помогает. А резкости наговорить друг другу — тут большого ума не надо. Крик в ответ порождает только крик, несдержанность — сопротивление.

— Хорошо, считайте, что я вас все же поссорил. Кто сделает шаг к примирению первым?

— Я заранее готова его сделать. Как только остыну.

— Виновник ссоры и должен первым стремиться к примирению.

— Кстати, Хейно, в нашем первом воображаемом варианте тебя ждали к ужину. Что на него приготовит твоя жена?

— Что-нибудь приготовит. Немного, правда, было у нее времени научиться готовить, но кое-что она постигла. Да и сам я не последний кулинар Эстонии, долгая хозяйская жизнь научила. Так что с голоду не умрем. Кстати, со стиркой и уборкой я тоже неплохо управляюсь. И теперь, когда мы наконец вместе, не собираюсь все это целиком перекладывать на плечи жены.

— Кроме того, что твоя жена умеет готовить и не собирается в ближайшем будущем с тобой сорваться, она «звезда», спортсменка, известная всему миру. Это для тебя что-нибудь значит?

— Конечно. Муж знаменитости. Она у меня письма со всего света получает. В них не только советы и поздравления, но предложения руки и сердца. В основном от людей, которые ее по телевизору видели. Так что я, как видишь, далеко не единственный жених — было из кого выбирать. А если серьезно говорить, то свою основную задачу я вижу в том, чтобы дома помогать ей забыть, какая она замечательная гимнастка. По себе

знаю, как трудно и как необходимо порой бывает отвлечься от спорта.

— Галя, как ты справляешься со своей личной корреспонденцией?

— Сначала сама пыталась отвечать, потом мама взялась помогать. Но ей стали писать, что вы, мол, прячете свою дочь, лишаете ее личного счастья, и тому подобное. Нет, не все послания, к счастью, были такими по тону, но все же должна сказать, что среди так называемых болельщиков немало людей бесцеремонных.

— А какими, по-твоему, качествами должен обладать настоящий болельщик?

— Прежде всего объективностью и соблюдать, так сказать, принцип невмешательства в личную жизнь спортсмена.

— Ну уж вы-то особой объективностью не грешите. вспомните, как вы болеете друг за друга. С Хейно вообще соревнования невозможно смотреть было. Если вдруг выигрывала не ты, Галя, что, правда, случалось редко, он сразу надувался и говорил, будто судьи ничего в художественной гимнастике не смыслят. Подумаешь, у кого-то там лента не запуталась или булава из рук не выскользнула. А стиль, а композиция?!

А ты, Галя, появляясь на баскетбольных матчах, сначала раздавала автографов больше, чем обе команды, вместе взятые, а когда садилась наконец на свое место, то болела так шумно, что вызывала недоумение кое-кого из зрителей. Они просто не предполагали, что так может себя вести мировая и европейская чемпионка.

— Я, честно говоря, Галю в зале не слышу, но всегда чувствую. Это уже биотоки.

— Кстати, помнишь тот разговор о баскетболе, который не на первом месте?..

— Да он никогда и не был на первом. Может, и крамольную выскажу мысль, но спортсмен-аскет никогда не был для меня идеалом. Возможно, при ином отношении к спорту я бы чаще надевал майку сборной страны. Но ни о чем не жалею. Есть у меня настоящие друзья, готовые прийти на помощь в трудную минуту, есть знакомые художники, врачи, преподаватели вузов, музыканты, актеры. Удалось бы мне сблизиться с ними, уйдя я с головой в спорт, ограничившись в жизни лишь им одним? Не уверен. А долг баскетболу я постараюсь вернуть, когда стану тренером.

...Хрупкое ли оно, семейное счастье? Безусловно. И сохранить его, пожалуй, еще труднее, чем найти. Автор этих заметок был, возможно, в чем-то субъективен, его симпатии уже несколько лет отданы Галине с Хейно не только на помосте или площадке. Успехам друзей часто радуешься как своим собственным. Но не будем забывать, что семья эта спортивная.

Прошли первые месяцы совместной жизни...

— Видимся по-прежнему урывками, хотя винить здесь, конечно, некогда, — грустновато улыбнулась Галя при встрече. — Снова в разных городах... А если и в одном, то дни, свободные от тренировок, как правило, не совпадают. Или, может, он просто еще больше стал мне нужен и потому так мучительно одиночество?

А еще через несколько месяцев, когда Москва вновь стала для них центром Вселенной и в той самой служебной квартире собрались их друзья, просто так, без повода, мне подумалось: вот пройдет пять, десять лет, оба они давно закончат выступать, отдохнут уже от своей бывлой популярности, будут, наверное, потихоньку завидовать новым спортивным кумирам. Они смогут, наконец, принадлежать друг другу безраздельно. А изменятся ли к тому времени их отношения?

Загадывать тут, конечно, трудно, но кто, признайтесь себе, не отдал бы очень многого за такое, как у них, начало...

СМЕНА

«Дворец культуры был похож со стороны на глыбу горного хрусталя. Он сверкал радиусами белого света и раздвигал ночь... В потолках сиял невидимый свет. Казалось, что обширное здание не имеет веса и опирается не на стены и колонны, а на простые геометрические линии...»

О каком необыкновенном, почти сказочном дворце написал так Константин Паустовский в 1933 году в газете «Правда»?

Такое романтическое впечатление произвел на писателя Дворец культуры Пролетарского района в Москве — здание, построенное в стиле вполне реалистическом. Предназначался этот дворец для рабочих, совершивших в 1917 году величайший переворот в истории России и завоевавших полное право на дворцы. И даже на необыкновенные, совсем непохожие на те — роскошные, пышные, которыми владели цари и вельможи. Нет в этом дворце ни колонн, ни пилястров, ни капителей, зато сколько в нем воздуха, света, простора, радости! Открытые лестницы словно «втекают» с двух сторон в фойе, большие и малые прозрачные эркеры смягчают грань между помещением и улицей, сквозные галереи-балконы — свободное, «переливающееся» пространство, не замкнутое стенами. Сверкающие струи фонтанов в ротонде зимнего сада, а за стеклянным ее витражом — парк, деревья, заснеженные, или зеленые, или желто-оранжевые, и огни Москвы, уходящие в бесконечность. Праздничный дворец. В начале 30-х годов создали его замечательные советские зодчие — братья Веснины.

...На крутом берегу Волги, в густой зелени садов приютился старинный городок Юрьеvec с тихими улочками, древними белыми церквями и высокими колокольнями. Здесь в конце прошлого века поселился купец из Старой Ладogi Александр Веснин, из рода большого, патриархального. В начале 80-х годов родились у него три сына: Леонид, Виктор и Александр. Были они и лицом друг на друга похожи, и склонностью своей к рисованию. Целые дни проводили они на Волге, запечатлевая на бумаге красоту, окружавшую их. Не знали в то время три мальчика, что чудесные эти часы были началом их серьезного творческого содружества, которое пройдет через всю жизнь. Когда стали чуть постарше, начала их привлекать архитектура. Кремль и соборы в Нижнем Новгороде, древние памятники Старой Ладogi, где жили братья и сестры отца, силуэты старинных церквей на берегах реки Волхов, куда дети ездили в гости к дедушке. — все это западало в душу. Дивная красота земли русской! Шли годы... Родители решили послать сыновей в Москву для обучения в Практической академии коммерческих наук, дающей среднее специальное образова-

30

Лилия
ВОЛОХОНСКАЯБРАТЯ ВЕСНИНЫ
ЧИЕ

ние. Однако торговых людей из братьев не получилось. Искусство влекло их непреодолимо. Занимаясь в художественном кружке, организованном учителем рисования, они много времени отдавали музеям, выставкам, частным собраниям коллекционеров.

Студенческая жизнь братьев Весниных проходила в Петербурге. Старший, Леонид, поступил в Академию художеств, а Виктор и Александр — в Институт гражданских инженеров. Шел 1905 год. Они принимали участие в сходках, митингах, демонстрациях, во всех революционных выступлениях студентов. В это же время братья Веснины начинают работать в архитектурно-строительных конторах. Кто из москвичей и многочисленных гостей нашей столицы не знает Главный почтамт на улице Кирова? Наверное, многие обращали внимание и на элегантный пятиэтажный дом на противоположной стороне улицы с величавой аркой ворот посередине — бывший дом Кузнецова. Эти здания построены по проектам Весниных. В то дореволюционное время в Москве и других городах строилось много частных доходных домов в разных стилях, нередко в манере русского классицизма. В их создании принимали участие и братья Веснины, хотя ни «старые» стили, ни эклектика с ее соединением различных художественных элементов и подражанием всевозможным историческим стилям, ни «модерн» не удовлетворяли их. Уже тогда им очень хотелось попытаться найти иной архитектурный язык, однако, писали Веснины: «В реакционной царской России не было почвы, не было социальных условий, которые могли бы дать толчок исканиям новой формы в архитектуре».

И неизвестно, как сложилась бы творческая биография братьев Весниных, если бы не Великая Октябрьская социалистическая революция. Все три брата приняли ее сразу и восторженно. Наступила новая эра. Впервые полноправным хозяином страны становился рабочий класс, и для него надо было создавать новую художественную культуру. Поиски начались во всех ее сферах, бурные поиски, смелые (порой и чрезмерно!). Говорить с народом первого на планете социалистического государства языком прежних истин и форм было невозможно, а новое рождается нелегко — поначалу оно, как правило, вызывает и споры, и недоумения, и восторги, и протесты. В то яркое, интересное, напряженное время, не имеющее себе аналогов в мировой истории, время, которое, по выражению Маяковского, «гудит телеграфной струной», рождалась новая, молодая культура. Новый театр создали Таиров и Мейерхольд, могучий талант Маяковского ломает старые представления о поэзии, непривычно звучит музыка Прокофьева, полотно некоторых художников удивляют посетителей выставок.

«С первых дней Октября нам стало ясно, что так работать, как работали раньше, нельзя... перед архитектурой возникла задача — идти в ногу со строителями новой жизни... разрешать новые проблемы, выдвигаемые жизнью», — писали братья Веснины в своей творческой декларации.

Архитектура — искусство синтетическое. В отличие от других видов искусства она всегда и непосредственно связана с экономикой общества, с уровнем развития науки и техники. В ее произведениях функциональное, утилитарное назначение должно сочетаться с эстетикой. И если эпоха и социальная среда влияют на архитектуру, то существует и обратная связь: архитектура воздействует на настроение, формирование вкуса и даже на психику человека. Не случайно же героев Достоевского сводили с ума мрачные петербургские дворы-колодцы. Для горожанина архитектура, окружающая его, является естественной средой обитания. Можно не смотреть картины, не слушать музыку, но от улиц и домов утомлять не деться. Они могут угнетать, нудить, давить или, наоборот, радовать, возвышать, вселять энергию. Значит, архитектор несет особую ответственность перед людьми, причем не только перед современниками, но и перед потомками.

И вот в процессе пересмотра, переоценки вековых штампов рождается новое направление — конструктивизм. В самых общих чертах этот стиль можно охарактеризовать так: он отличается простотой архитектурных форм. Большие остекленные поверхности, нередко контрастирующие с глухими стенами; плоские крыши; вместо нижнего этажа у некоторых зданий открытые опоры. Новая форма повлекла за собой и новые материалы. На смену традиционному кирпичу, камню пришли железобетон, сталь, стекло, марбит. Случалось, называли это явление преходящей модой, однако не мода, а дух времени, жизнь породили конструктивные идеи рационализма, простоты, целесообразности, экономичности. На Западе родиной конструктивизма считают Москву, а знаменитый Ле Корбюзье, глава западноевропейского функционализма, назвал Александра Веснина «основателем конструктивизма».

Братья Веснины творили для пролетариата Страны Советов. География их многообразных работ широка и масштабна. Отдельные дома и проекты целых городов, рабочих поселков. Театры, клубы, санатории, правительственные здания и фабрики, заводы. Страна вступала на путь индустриализации, «планов громадь» требовало реального воплощения. Братья много работали вместе, но самая большая заслуга в проектировании и строительстве предприятий принадлежит Виктору Веснину. Архитектуру промышленных сооружений он поднял до уровня высокого ис-

кусства. Комплекс большой кинешемской мануфактуры «Томна», серноокислотный завод в Саратове, канифольно-скипидарный — в Вахтане Костромской губернии, первый в стране Чернореченский суперфосфатный завод в Растяпине (Дзержинске) Нижегородской губернии, Днепрогэс — грандиозный, величественный памятник эпохи...

В дореволюционное время архитекторы мало внимания уделяли промышленности. Фабрика, завод обычно являли собой унылое зрелище: безликие корпуса за глухим забором да трубы тянутся к дымному небу. Виктор Веснин сумел увидеть эстетическую ценность техники. Он создал удивительные заводы. Они и на заводы-то не похожи! Вот, к примеру, Чернореченский суперфосфатный. Если говорят «город-сад», то отчего бы не сказать «завод-замок»? Если бы в 20-х годах XX столетия в Советской России воздвигали замки, то наверняка они были бы именно такими. Вдоль строгого фасада — окна. Сначала прямоугольные, затем по всей длине здания — огромные, высотой в два этажа с изящными закруглениями наверху. Целая гамма окон. И, словно перекликаясь с ними, под плоской крышей башни, расчлененной четкими вертикалями, — точно такие же окна с полукруглыми, только небольшие. Завод, построенный: для радостного труда.

...Перед архитекторами, участвовавшими в конкурсе проектов Днепрогэса, стояли сложнейшие технические проблемы. Не вдаваясь в подробности, скажем лишь, что здание электростанции длиной в четверть километра, высотой с двенадцатитажный дом должно было вместить 9 гигантских турбогенераторов. В конкурсе принимали участие академики И. В. Жолтовский и В. А. Щуко. Был представлен и американский проект, выполненный под руководством инженера Купера.

Утвердили проект Виктора Веснина с соавторами. И появилось на Днепре невиданное чудо. Невиданное в буквальном смысле слова, ибо никто в этих краях (и не только в этих!) ничего подобного не видел. Здание Днепровской ГЭС, так же как Дворец культуры ЗИЛА, построено по принципу «перетекающего» пространства. Большой машинный зал. Полное господство техники, и казалось бы, до красоты ли тут? Да и как увязать ее с этими мощными турбинами? И вот что придумал Виктор Веснин — он раскрыв пространство! Сквозь длинный горизонтальный эркер открывается широкая панорама на просторы Днепра, на небо, а оно часто бывает ярко-голубое в этих краях. Текуч воды Днепра, солнечные блики играют на них... И лишь прозрачная стена отделяет прекрасную природу от тех, кто управляет тяжелой техникой. Стекло, сталь, бетон, здание ГЭС облицовано туфом теплого розового цвета. Ажурные мачты электропередач и легкие, воз-

душные силуэты мостов как бы противопоставляют мощности плотины, станции и шлюза. Техника, архитектура, природа — все гармонично связано между собой. Утилитарная рациональность и художественная форма обрели органическое единство.

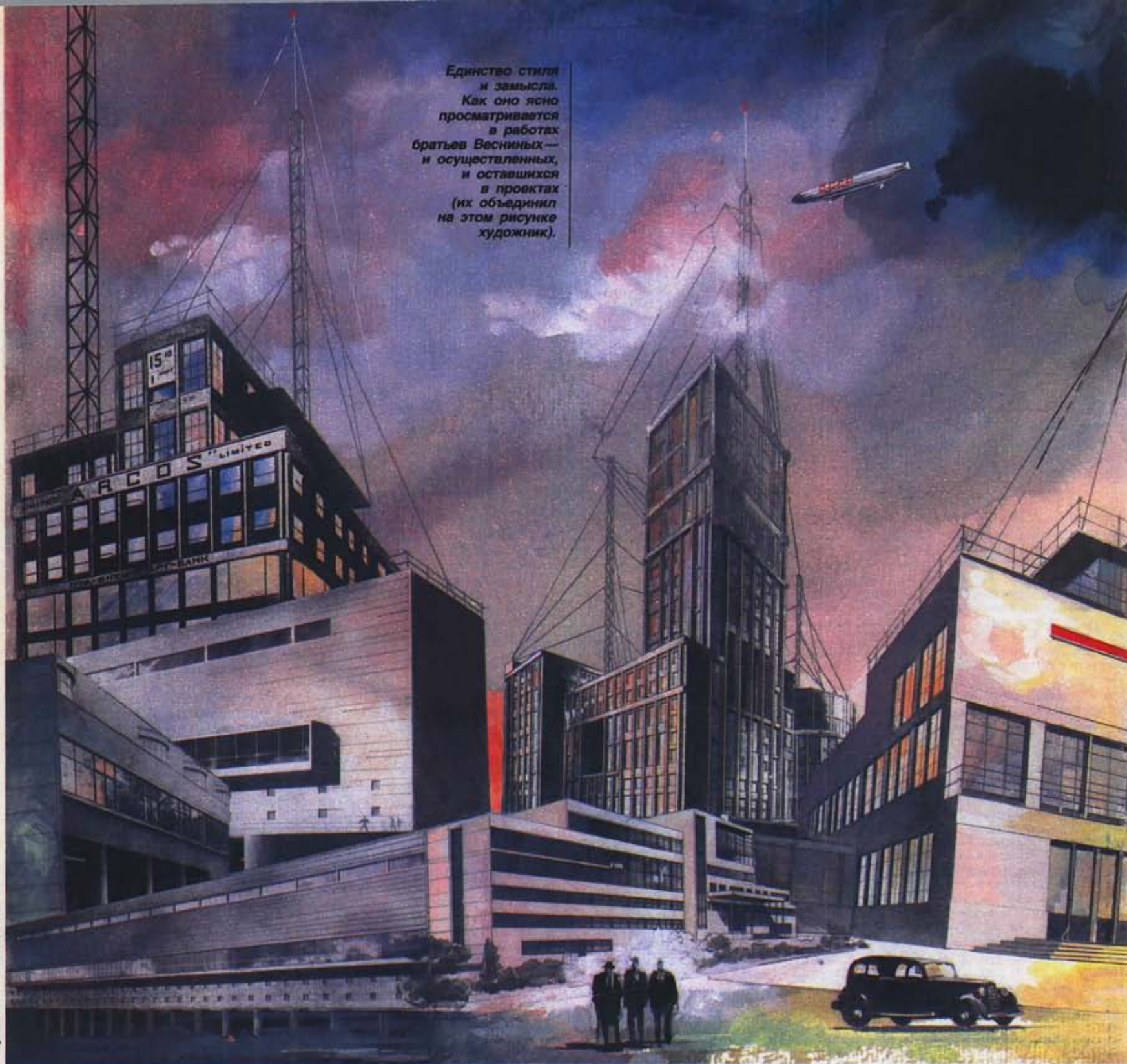
Разносторонним дарованием обладали братья Веснины. Они были еще и художниками, принимали участие в оформлении «массовых действий» — демонстраций и т. д. Театральные работы Александра Веснина в московском Камерном театре А. Я. Таирова вошли в золотой фонд мировой сценографии. Вот уже несколько десятилетий экспонируются они на крупных международных выставках.

Начало 20-х годов. Борьба за новые формы архитектуры, наиболее ярко выражавшие социальные идеи. Конкурс, объявленный на проектирование Дворца труда, был новый по форме. Согласно его условиям, сооружение должно было быть уникальным по содержанию, не похожим ни на какое другое, известное ранее в истории архитектуры. В центре нашей столицы предполагалось построить грандиозное каменное здание, которому надо «иметь богатый, соответствующий своей идее вид». 47 проектов рассматривало жюри, возглавляемое академиком А. В. Щусевым. Самым необычным, совершенно неожиданным оказался проект братьев Весниных. Камню предпочли они железобетон, «богатому» декоративному убранству — гармоничное сочетание призматических и цилиндрических архитектурных объемов, объединяемых четким ритмом вертикалей и горизонтальной карниза. Проект Весниных с его выраженными геометрическими формами был не просто оригинален, он был интересен. Так, большой овальный зал замышлялся наподобие античного амфитеатра без общепринятых балконов, ярусом, поджий. Благодаря подвижной стене этот зал в любой момент становился громадным, соединившись с залом соседним, он мог вместить десять с половиной тысяч человек! Много еще всяких (и притом вполне реальных!) «чудес» предполагалось во Дворце труда Весниных, густо «населенном» всевозможными помещениями: зал заседаний и рабочие кабинеты Моссовета, библиотека, музей социальных знаний, огромная столовая и т. д. А в высотной части здания — мощная центральная радиостанция.

Проект Весниных был настолько нетрадиционен и смел, что не на шутку взбудоражил представителей академической школы жюри, вызвав споры и разногласия. А архитектурная молодежь восхищенно приветствовала этот проект.

Дворец труда не был построен. Проект братьев Весниных остался на бумаге. Однако он сыграл значительную роль в развитии архитектуры и стал

Единство стиля
и замысла.
Как оно ясно
просматривается
в работах
братьев Весниных —
и осуществленных,
и оставшихся
в проектах
(их объединил
на этом рисунке
художник).

Рисунки Ильи Айдарова

одним из первых манифестов конструктивизма. Это была попытка создать совершенно новый тип сооружения, новый архитектурный образ, исполненный глубокого идейного содержания.

Не все проекты братьев Весниных были осуществлены. Среди них встречаются и очень интересные конструктивные идеи, архитектурные образы, заложенные в них, до сих пор стимулируют творческую мысль зодчих. По разным причинам не претворились они в жизнь. В начале 20-х годов страна, восстанавливавшая разрушенное хозяйство, имела еще недостаточно средств, ресурсов, материалов. Основные из них шли на строительство индустриальных предприятий, немало внимания уделялось и рабочим поселкам. Когда наступили 30-е годы, в архитектуре усилились тенденции к помпезности, столь чуждой Весниным с их лаконичным архитектурным языком, лишенным всяких вычурностей и излишеств.

Демократизм братьев Весниных пронизывает не только их творчество, но и мировоззрение. Зачинатели новаторской архитектуры, они и сами были зодчими нового типа. Кто из архитекторов прошлого, воздвигавших дворцы, строил жилища для рабочих? Вряд ли мы припомним таких. Веснины, как упо-

миналось выше, строили здания самого разнообразного назначения для трудового народа. Их рабочие поселки раскинулись по всей стране. Архитектор, по убеждению Александра Веснина, должен «входить в самую жизнь, работать над организацией жизни, помнить, что архитектор — организатор жизни, сознательный строитель социализма». И Веснины входили в жизнь. Активно входили, преображая ее, делая лучше.

Все три брата в течение многих лет преподавали в московских вузах. С 1938 по 1949 год академик Виктор Веснин был президентом Академии архитектуры СССР. Рано, в 1933 году, ушел из жизни старший брат, Леонид Александрович, один из ведущих авторов и строителей очень важного в первые послереволюционные годы промышленного объекта — Шатурской электростанции. В 30-х годах братья Веснины возглавляли одну из архитектурно-проектных мастерских при Моссовете, выполнявшую крупные работы в индустриальном строительстве первых пятилеток. Среди них реконструкция Московского автозавода (ЗИЛ), проектирование и строительство Камской ГЭС и еще много других.

Во время Великой Отечественной войны Академия архитектуры сразу переклонила на военные рельсы. Опе-

ративно организуются маскировочные мастерские, проектируются упрощенные жилища и коммунальные предприятия для эвакуированных. А уже с 1943 года, в разгар военных сражений, ведущее место в деятельности Академии архитектуры начинают занимать вопросы восстановления городов, разрушенных фашистами. Война еще не кончилась, а мастерские академии вели проектирование Сталинграда, Смоленска, Новгорода, Истры, Ростова-на-Дону, Новороссийска, Калинин, Севастополя. Виктор Веснин проектировал Запорожье. (Надо заметить, что осуществлению некоторых проектов Весниных 30-х годов помешала война.)

В истории отечественной и мировой архитектуры известны династии зодчих. Но творческое содружество братьев Весниных уникально. Долгие годы, десятилетия работали они вместе — всю жизнь. И никогда не нарушалось их редкостное взаимопонимание, дружба. Разумеется, каждый из братьев обладал своими индивидуальными особенностями. Леонид Александрович прошел серьезную академическую школу. Виктор Александрович отличался точным, аналитическим складом ума. Александр Александрович — незаурядным художественным дарованием. Все эти качества отлично дополняли друг друга в их

вдохновенном тройственном союзе.

Жизнь братьев Весниных можно назвать счастливой, несмотря на всякие трудности, без которых не проходит ни одна человеческая жизнь, тем более жизнь людей творческих. Но какое же это безмерное, ни с чем не сравнимое счастье, если человек жил на земле не зря, если после себя оставил он людям дома, города, заводы... Для мирного труда оставил и на долгие годы.

Во многих городах Советского Союза стоят интересные, не совсем обычные здания — без украшательства, но красивые благородством простых архитектурных форм и линий. Здания эти вовсе не похожи друг на друга. Достаточно сравнить хотя бы Театр-студию киноактера (бывший Дом политкаторжан) на улице Воровского в Москве с его тщательно организованным сочетанием прямоугольных блоков разной высоты, с открытыми опорами, с наружной лестницей перед входом, и универмаг на Красной Пресне: четкий ритм широких квадратов зеркального стекла огромного эркера витрины, раскинувшегося по всему фасаду, на все три этажа.

На радость людям стоят творения братьев Весниных, своими громадными остекленными поверхностями щедро вбирая свет. И столь же щедро отдают они его обратно — в пространство.

Завещание

КОЛУМБА

Братья ВАЙНЕРЫ

Ты и с Салтыковой, оказывается, уже знакома,— заметил я.— Быстро ты вошла в местную жизнь...

— А что такого?— возмутилась Галя.— Я что-то не понимаю твоего тона! В чем дело?

— Да нет, ничего нового, ничего особенного. Просто я еще только собираюсь познакомиться с Салтыковой, а ты уже с ней в близких отношениях...

— Что ты несешь?— разозлилась Галя.— В каких отношениях? Человек проявил любезность, внимание приезжим, а у тебя с твоими навязчивыми идеями уже бог весть что в голове...

— Ну да, это ты правильно говоришь,— серьезно сказал я.— Обычно Салтыкова прямо с утра стоит на автовокзале, высматривает симпатичных приезжих, чтобы всучить дефицитный импорт из-под прилавка...

— Почему из-под прилавка? Почему ты изо всех сил стараешься придать этому какой-то грязный налет, нечистый привкус? Почему у тебя на все в жизни такая извращенная реакция?

— Потому что ты встретила Екатерину Сергеевну, вы побалакали маленько, обсудили вчерашние печальные события, немного пожаловались друг другу, потом она тебя привела в кабинет Салтыковой, познакомила, и вы сразу взаимно понравились, после чего из подсобки принесли на выбор тебе несколько вещей, и ты, счастливая, выбрала брусничный костюм из настоящей «ангорки», чистую фирму, первый класс. Так ведь было дело?

— Так или почти так!— с вызовом, упрямо бросилась Галя в бой.— Но почему ты говоришь об этом с таким озлоблением? Я уже давно замечаю в тебе потребность отравить мне любой ценой всякую радость! Ты так взбешен, будто я украла этот костюм...

— Лучше бы ты его украла,— сказал я.

— Я ничего не понимаю,— растерялась Галя.

— Да, я знаю, что ты мало чего понимаешь. В частности, ты не понимаешь, что Салтыкова лучше всего напялила бы этот костюм не на тебя, а на меня и по возможности всучила бы его мне бесплатно, только бы я не совался к ней. Ты можешь сообразить своей куриной головой, что мне дали— через тебя— взятку услугой?! Ты это понять способна?

— Не смей так со мной разговаривать,— тихо сказала Галя, и слезы струйками побежали по ее щекам.

Владик подошел ко мне и успокаивающе похлопал по плечу:

— Перестань, Стас, перестань, не расходишь, ну, не преувеличивай... Галя не подумала просто, она ведь ничего плохого и в мыслях не держала.

— Да мне и думать нечего было!— закричала Галя.— Откуда я могу знать о здешней тараканьей борьбе, обо всех этих ничтожных, гадких интригах...

Я чувствовал, как клубится, постепенно затопляя меня, черная бесплодная ярость, желание заорать звериным воплем, исчезнуть.

Но не закричал. Продышался, будто вынырнул с огромной глубины, и сдавленно-тихо сказал:

— Я тебя прошу костюм снять, упаковать и отнести обратно в магазин...

— Как?— поразилась Галя.

— Очень просто. Отнеси и скажи Салтыковой, что костюм тебе мал, что я не разрешаю брать вещей из-под прилавка, что ты терпеть не можешь фирменную «ангорку»! Говори, что хочешь, но костюма чтобы я этого не видел!

— Ты из меня делаешь совершенную дуру! Тебе

нужно, чтобы надо мной смеялись?— закричала Галя. — Нет. Мне нужно, чтобы я тебя не стыдился. Иди в магазин и сдай костюм...

— Стас, ты меня извини, конечно, что я вмешиваюсь, но мне кажется, ты не прав сейчас,— сочувственно-мягко сказал Владик.— Не только Галя, но и я не улавливаю смысл некоторых твоих действий... А возникновение твоих симпатий и антипатий иногда просто непостижимо для меня...

В тишине раздавались только судорожные всхлипывания Галя.

— Скажи, Владик, ты ведь опытный человек, житейско-бытовой мудрец... Может быть, действительно мне надо завязывать со всей этой суетой и нервотрепкой?

Он скорчил гримасу совершеннейшего недоумения:

— Я тебе, Стас, в таких вопросах не советчик... Это твоя профессия, тебе и карты в руки. Но если сказать по-честному— не верю я, что ты чего-нибудь добьешься. И особого практического смысла не вижу...

— Понятно,— кивнул я.— Ты когда должен уезжать за границу?

— Недели через три-четыре, сейчас документы оформляют. А что?

— Да так, ничего. Мне показалось, что ты не исключаешь возможности, что эти молодцы, которые телеграмму прислали, могут и тебе анонимочку в управление кадров подкинуть. В случае, если я их и дальше тормозить буду...

Владик сухо усмехнулся, медленно сказал:

— Грубовато намекаешь на мою душевную чер-

ствость.— Покачал головой и спокойно добавил:— Вообще-то я не заходил так далеко в своих размышлениях на эту тему, но готов согласиться с тобой. Те, кто послал телеграмму, могут прислать и пакостную анонимку на меня и прямой донос на тебя. Эти люди много могут чего.

— И что, ты их опасаться?— прямо спросил я.

— Ну, не так уж они страшны и анонимки легко проверяются, а мне бояться нечего, весь я на виду. Но сейчас, перед самым отъездом, это было бы довольно неуместно— ходить оправдываться и доказывать, что мой тесть был честный человек, а они жулики и что он никого не убивал, а это его убили телеграммой. Знаешь сам, кадровики— люди дотошные, в личных делах любят точность и ясность и доказательство твоей положительности начинают от противного...

— Я тебя понял,— снова кивнул я. Мы помолчали, и Владик чуть погодя сказал:

— Я не знаю, о чем ты сейчас думаешь, но, боюсь, ты меня неправильно понимаешь...

— Я тебя совсем не понимаю. А думаю я о штуке необъяснимой— где, когда, почему размылась грань между понятиями «честь» и «бесчестье»...

— Погоди...— поднял руку Владик.

— Нет, это ты погоди. Дослушай, может быть, объяснишь мне, бестолковому. Почему человека, пришедшего в гости и укравшего ложку, больше никто на порог не пустит? А всем очевидного государственного вора, взяточника, лихоимца все привечают, кланяются, дружат, в гости ходят, в сахарные уста целуют. До тех пор, пока мы его в тюрьму не посадим.

И тогда все выкатывают огромные голубые глаза: «Боже мой, кто бы мог подумать?»

— Мне странно объяснять тебе, служителю закона, презумпцию невиновности. Тысячелетняя мудрость: не пойман — не вор.

— Я не про ловлю говорю. Их и ловить-то нечего, не скрываются давным-давно они ни от кого. На «Жигулях», в дубленках, в «ангорках», с «сейками», с «панасониками», во всех кабаках, на всех курортах, на премьерах и вернисажах — они себя на всеобщий погляд выставляют, они настаивают на внимании к ним, им теперь сытости мало и достаток не радует — им кураж требуется...

— Ну, и что ты хочешь — сажать без суда и следствия? Революционного террора? Тебе этого хочется? — посмотрел на меня в упор Владик.

— Нет, мне не хочется никого сажать без суда и следствия, — грустно ответил я. — Мне никого сажать в тюрьму не хочется. Ты ведь понаслышке знаешь, что это такое. А я знаю это хорошо...

— И что?

— А то, что я им куражиться над памятью твоего тестя Кольяныча не дам. Они его при жизни опасались, как черт крестного знамения. Пусть и после его смерти боятся.

— Может быть, ты и прав, — пожал плечами Владик.

— Ладно, что нам с тобой об этом говорить, — махнул я рукой. — У меня к тебе есть просьба...

— Пожалуйста, — готовно согласился Владик, но весь напрягся в ожидании чего-то неприятного.

— В пять часов от автовокзала уходит на Москву автобус, проводи, пожалуйста, Галю, ей надо ехать в Москву. — Повернулся к Гале и твердо сказал: — Тебе, Галя, сегодня надо ехать домой...

Костя Салтыков ремонтировал мотоцикл. Длинный дощатый стол посреди густо заросшего жасминовыми кустами двора был накрыт для странного технического пиршества — в строгом, понятном только хозяйину порядке стол был уставлен деталями разобранной на винтики машины. Какие-то узлы мариновались в жестяной банке с керосином, другие обильно смазались солидолом, третьи аппетитно светились на солнце блестящими металлическими бочками.

— Я так и думал, что вы зайдете ко мне поговорить, мне Алеша Сухов рассказывал о вашем разговоре, — сказал Салтыков. — Или к себе вызовете...

— Никого я не могу вызывать, я здесь лицо неофициальное. У меня в этой истории прав не больше, чем у вас или у того же Сухова, — заметил я.

Салтыков продул жиклер карбюратора, усмехнулся:

— Раньше я думал, что права тем полагаются, кто на себя обязанности нахлобучивает. А теперь, как посмотрю, с правами стало вроде детской игры «на шарал» — кто больше нахвалал, тот и молодец, тот и умник, уважение тебе и почтение наше...

Мне не хотелось с ним темнить и вымудриваться, и спросил я его напрямик:

— Это вы по своей жене бывшей судите?

— А что? — Он положил железку на стол и посмотрел мне в лицо. — Нешто мало мы уважаем Клавдию Сергеевну? Или недодаем чутко почета и внимания? Так вы не спешите — она еще женщина молодая совсем, она растущий кадр, резерв на выдвижение,

так сказать. Она еще в большие люди выйдет, далеко пойдет! Если все-таки не остановят...

— Что вы имеете в виду?

— Ничего. Ну, подумайте сами — глупо ведь выглядит, когда здоровый, нестарый еще мужик жалуется на бросающую его жену. Совестно это мне и глупо.

Мы помолчали, и я, глядя, как сновисто точно, ловко и хватисто снуют его пальцы среди лабиринта мотоциклетных частей, сказал:

— Жаловаться ведь — не обязательно плакаться. А на жену вашу бывшую мне уже несколько человек жаловались. Видать, набрала она здесь злую силу...

Салтыков махнул рукой:

— Уехал бы я отсюда, ничего меня здесь не держит... Но как-то перед людьми совестно — совсем ничемушным человекишкой выглядеть неохота...

— А в чем она — ничемушность-то?

— Ну как там ни верти, ни крути, а получается одно — бросила баба мужа, из дома вышибла, ребенка отняла, а теперь совсем из города вон прогнала, чтобы у нее с новым мужиком под ногами не путался. Не хочется мне в глупой ее вседозволенности поощрять. А главное — дочке, Насте, пока я здесь проживаю, все-таки напоминание, что не во всем права маманька ее боевая...

— А вы регулярно видите с девочкой?

— Каждый день. Как идет на танцы в Дом культуры — так видимся... — Салтыков грустно ухмыльнулся.

— Почему на танцах? — удивился я.

— Потому что перед Домом культуры городская Доска почета. Смотрю я на Настю с Доски и напоминаю — можно, девочка, человеком быть, и от людей уважение иметь не только жульничеством и подношениями... — Он вроде бы немного подсмеивался над собой, но я видел, что его снедает душевная боль.

Из банки с керосином он вынул какую-то шестеренку и стал протирать ее ветошью с таким тщанием, будто занимала его чистота этой железки больше всего на свете. Потер, потер, потом с остервенением бросил тряпку на стол и сказал:

— Девчонку жалко! Про Клавдию говорит нечего — пропащая она, а девушку жалко, станет таким же уродом, как мать... Загубит она ее...

— Вообще-то, судя по отзывам о Клавдии, не похожа она на пропащую, — осторожно сказал я. — Наоборот, все ее называют всеильной. И всемогущей...

— Да уж мне-то не рассказывайте! Я ее, слава богу, восемнадцать лет знаю... В чем всемогущество-то? Все достать может, все по благу устроит? А то, что ее все не любят, не уважают потихоньку, завидуют в открытую — это тоже сила ее? Пройдет времени маленько — и по всем этим счетам Насте надо будет рассчитываться. И тут маманькины бластные дружбы не помогут, хищные добра-то не помнят, им память не сердце, а пузо сохраняет...

Салтыков насадил шестеренку на вал, проверил прочность соединения, и я с удовольствием смотрел, как набухают силой жилы на его огромных, перепачканных маслом руках.

— Странное дело, — сказал он задумчиво. — Живут люди, будто завтра не наступит. Нет вчера, позабыли о нем и про завтра не думают. Словно сегодня последний день. Жрут, пьют, безобразничают... Глупо очень. И обидно...

И словно самого себя проверяя, закинул голову и взгляделся в высокую голубую солнечную верхолазку...

Он потянул из банки с керосином звякающую, вспыхивающую искрами цепь, а я спросил:

— А девочка вас не слушает?

— Слушает. Но ничего не выполняет. Ей Клавдия внушила ко мне огромное неуважение. Не враз, конечно, исподлобье объяснила она Насте, что нечего смотреть на отца — я ведь, с их точки зрения, тихий, блеклый работяга. По нынешним представлениям, человек вполне никчемный. А мать может все — и одежду модную, и жратву лакомую, и магнитофон японский, и «Три мушкетера» макулатурные, и пуговку на море. Вот и вырастает девочка, твердо зная, что ничего важнее этого дерьма в жизни не существует...

— Скажите, Костя, а с чего началась вражда Клавдии с Коростылевым?

— Да это давно было, мы еще вместе жили. Она ведь не враждовала с ним, просто искренне не уважала. Она про него говорила — оборванец нищий, черт однорукий, он своей одной рукой никак жирный кусок ухватить не может, другим старается не дать... А что, Коростылев не давал ей ухватить? Какое он мог иметь к ней вообще отношение?

— Так она в те поры командовала в общепите. И всегда первой лозунг полезный выкопает и начинает им, как фомкой, орудовать. Вот тогда она придумала, что надо шире доносить услуги общепита до населения, одновременно повышая рентабельность предприятий. В школьной столовой, например...

— Это каким образом? — не понял я.

— Открыть при школьной столовой цех полуфабрикатов. Это они вместе с завстоловой — старой заворушкой — удумали. Мол, кормим детей, а потом обеспечиваем полуфабрикатами всех учителей и обслуживающий персонал, а все нереализованное продаем с уличных киосков...

— И что?

— А вы посчитайте — в школе почти тысяча детей.

Тысяча завтраков, тысяча обедов, да еще вся проделка! От каждого рациона если отщипнуть кусочек — сколько за день на круг выйдет? Вот Коростылев и поднял скандал, когда сообразил, что это начинание воровством у детей обернулось...

— А официально это как-то рассматривалось?

— Да ведь Коростылев был сам, как ребенок! Ничего доказать толком про этих жонхлых торгашек не смог, его еще самого в сутяжничестве обвинили, но новаторский почин Клавдии пришлось свернуть, а завстоловой — ее компаньоншу — Коростылеву все-таки вышиб. Вот с тех пор и познакомились они...

Я встал, хотел попрощаться и все-таки не выдержал, спросил:

— Скажите, Костя, а вы всегда так относились к своей бывшей жене? Я хочу спросить, всегда ли вы так ее оценивали?

Он медленно помотал головой, через силу ответил: — Нет, я ее так не оценивал раньше... Она и не была такой... И относился я к ней совсем по-другому... Когда-то была она замечательной девочкой... Попаля она в это торгашеское болото, и засосала ее трясина — макушки не видать... А-а, чего толковать теперь об этом! Все прошло...

О многом хотел бы я его поспросить, да не набрался духа. Потому что понял, ничего не прошло. Длится пожизненная необъяснимая мука большой любви к женщине, которую не уважаешь, презираешь, должен ненавидеть, а лучше всего — позабыть, да только чувствам своим мы не хозяева, и живут они, нас не спрашивая, как покинувшие нас любимые...

На лестничной клетке было четыре двери, но, даже не вглядываясь в номера квартир, я сразу понял, куда мне надо звонить — кожано-коричневая, пухло-набивная, узорно обитая желтыми фигурными шляпками гвоздей, с немигающим зрачком смотрового глазка в центре, дверь в жилище Клавдии Салтыковой. Не дверь, а современные городские ворота в маленькую крепость на третьем этаже панельного дома.

Нажал на кнопку звонка, но не услышал ни дребезга, ни шума шагов. Тишина. Или никого нет дома, или изоляция хорошая. Еще раз, на всякий случай, позвонил и уже собрался уходить, как дверь вдруг распахнулась и женский голос выкрикнул:

— Да не трезвонь ты, слышу я, слышу!..

Клавдия Салтыкова посмотрела на меня в упор и, видно, сразу догадалась, кто я, точно так же, как я опознал ее, хоть и не приходилось мне видеть ее.

— Ах, это вы, оказывается... Что ж, заходите, коль пришли... — Посторонилась, пропуская меня в прихожую, и на лице ее было неприязненное выражение.

— Здравствуйте, Клавдия Сергеевна. Моя фамилия Тихонов. Прошу прощения за то, что пришел без приглашения, но очень уж мне хотелось поговорить с вами...

— Да знаю я... — сердито кинула она.

Я обернулся в поисках вешалки — оставить куртку, и увидел, что дверь изнутри стальная. И рама дверная, вся коробка — стальная. Аккуратно проклятая обоями под дуб.

Не замечая ее информированности о желании повидаться, я сказал:

— Дверь у вас хорошая... Надежная...

— А у меня все хорошее, — серьезно ответила она. — Я вообще люблю так — чтобы получше и надежнее... По доходам по нашим по скромным...

Я засмеялся:

— Насчет получше — это понятно. А как подешевле выходит?

— Калькулировать надо уметь, — туманно сказала она, а потом великодушно пояснила: — В Москве зажиточные люди такие двери за полтыщи ставят, некоторые из-за границы везут. А мне на ремзаводе нашем по наряду за полсотни сварили. И две бутылки за установку. Если вам понадобится, могу помочь...

Сказала и засмеялась издевательски, и во всем ее снисходительном тоне, в манере говорить со мной проступала нескрываемая мысль, что такой нищей гультепе, как мне с покойным моим дружкой и учителем Кольянычем, не то что стальная дверь не нужна, а на дверную задвижку тратиться глупо.

— Спасибо, Клавдия Сергеевна, за любезное обещание. Накоплю добра на стоимость такой замечательной двери и сразу вас попрошу.

Она осуждающе покачала головой:

— Вот так во всем! Простых людей милиция призывает надежнее обеспечивать сохранность жилищ, чтобы ворах потачки не давать, а как самим на копейку разориться для укрепления общей законности — так вас нету...

Она проводила меня в большую комнату — гостиную, столовую, да и кабинет, наверное, ее домашний.

— Ко мне в дом, Клавдия Сергеевна, воров не ползут. Вы не волнуйтесь — я им потачки не дам...

— Что так — уважают они вас? Или красть нечего?

— Уважают, наверное. Может быть, как раз потому, что красть нечего. А общую законность, как вы говорите, я другим способом укрепляю.

Она показала на зеленую плюшевую заводь югославского дивана:

— Вы садитесь, в ногах правды нету. Да и меня уж ноги не держат. С утра — отоваривание ветеранов, вчера учет замучили, в четверг снятие остатков...

Она мягко выговаривала — «четыреверг».

Богатое жилье. Обиталище человека, еще вчера бывшего бедным. И вдруг оказалось сразу много денег. И вещей. И все это надо было быстро собрать, притащить в эту квартиру, расставить, разложить, распахать по местам. Или без места. Некогда было раздумывать — место искать. Надо было вещи унести оттуда, где они были раньше, и собрать здесь.

Я оглядывался по сторонам и со стыдом вспоминал свой давний сон: вхожу к себе во двор, а навстречу ветер деньги несет. Кружатся на ветру, мчатся на меня купюры — нежно-сиреневые, как весенний вечер, четвертаки. И сочно-зеленые полсотни, похожие на молодую тополиную листву, хрусткую и клейкую. Я хватаю эти деньги и рассовываю их по карманам, за пазуху, тороплюсь изо всех сил — ясно ведь, что сейчас этот поток иссякнет, когда еще такая благодать повторится. И жалею в своем сумасшедшем стыдном сне, что бедна этих денегат мимо меня пролетает, пропадает на улице...

Проснулся, как в тяжелом похмелье, — с испугом за себя. А Салтыкова не проснулась, ей все еще снится наяву мой глупый сон. Сидит напротив меня в глубоком мягком кресле, запахнув поглубже красивый белый халат со строгой этикеткой «Пума», смотрит мне прямо в лицо и строго спрашивает:

— Так о чем это вы со мной поговорить-то хотели?

— Я вас о многом хотел расспросить...

— Хотеть никому не запрещено, — сурово усмехнулась она. Лицо у нее было тяжело-красивое, и существовал в нем трудноуловимый перелив, как на цветных календариках, где рисунок меняется в зависимости от освещенности и угла зрения. Вот так же ее лицо ежесекундно меняло свой возраст — только что это была двадцатилетняя красавица девушка, и вдруг безо всякого перехода смотрела на меня немолодая баба с запечатанным жестокоостью сердцем.

— Так чего вам там про меня нарассказали? — спросила она равнодушно.

— А почему вы решили, что про вас должны были мне нарассказать? — поинтересовался я.

— Да городишко у нас такой, языки без костей. Им главная радость в жизни — о других посудачить, чужое бельешко переменить...

— А вы не любите о других говорить, Клавдия Сергеевна?

— Я? — удивилась она. — Да по мне пропади они пропадом, мое какое дело. Я вообще о других говорю только то, что меня просили передать...

Она сказала это серьезно, и я понял, что это правда. Клавдия Салтыкова была непохожа на человека, тратящего время на сплетни.

Из спальни, оттолкнув неплотно прикрытую дверь, вышла маленькая кривоногая собачонка, пучеглазая, с лохматым хвостом, похожая на декоративную аквариумную рыбку. Деликатно процокав когтями по паркету, собака подошла к Салтыковой и троганно вспрыгнула к ней на колени. Клавдия потрепала ее ласково по спине и душевно поведала мне:

— Людям бы у нее поучиться не помешало. Это собачка «ши-пу», ей тыщи лет несчетные. А выжила такая мелкая тварь благодаря характеру — жадная, умная, трусливая и злая...

— А на кой вам, Клавдия Сергеевна, злая собачонка? — спросил я, вспомнив огромного Барса.

— Так это она с чужими злая. А со мной она ласковая. — Салтыкова сбросила ее с колен, и собачонка, отряхнувшись, покосилась на меня своими выпученными коричнево-красными глазами и недольно зарычала густым нутряным хрипом.

Салтыкова встала и пошла на кухню, а я принялся рассматривать небольшую картину в старой раме, висевшую на стене над сервантом. Хозяйка принесла кувшин и два стакана, налила в них сок, и стекло миглом вспотело холодной испариной.

Перехватив мой взгляд, Клавдия заметила:

— Это хорошая картина. «Деревенский праздник» называется. Художник Кустодиев. Слыхали небось?

— Кустодиев? — удивился я.

— Может, Кустодиев. Вроде бабка эта говорила — Кустодиев. В прошлом году у старухи тут одной купила. Из «бывших» бабка. Сохранились у ней кой-какие вещички...

Зазвонил телефон. Салтыкова сняла трубку, недольно ответила:

— Слушаю... Ну, я... Я, говорю... И что?.. Нет... Ничем тебе помочь не могу... Не могу... У меня и так проверка за проверкой... Не знаю... Она неожиданно усмехнулась, сказала зло-весело: — А у меня и сейчас такой проверяющий сидит... Да, дома. А что такого — у меня время безразмерное, как гадзэровские колготки... Да ладно тебе!.. Если можешь — прости, а не можешь — не надо... Пока...

Бросила на рычаг трубку, походя ткнула кнопку выключателя телевизора, и в комнату влетел с экрана дельтаплан — лохматый стройный парень, гибкий и нежный, высоким страстным голосом пел о любви к своему дельтаплану, с которым они где-то под облаками летают.

Салтыкова сердито хмыкнула:

— Вот, елки-палки, времена настали — жены мужей кормят, мужики поют бабскими голосами. Странные дела... Так чего вы хотели спросить?

— Я знаю, что у вас были с покойным Николаем Ивановичем Коростылевым неважные отношения. Вот я и хотел у вас выяснить — почему?

Она выключила телевизор, нажала на крышку блестящей сигаретницы, стоящей посреди журнального столика рядом с большой хрустальной пепельницей, ловко ухватила выскользнувшую сигарету, чиркнула не спеша зажигалкой, затянулась со вкусом, щуря левый глаз от тоненькой струйки дыма, и я обратил внимание на то, какие у нее маленькие руки — короткие пухлые пальчики с длинными полированными ногтями. Странно было видеть у такой крупной женщины эти жирные когтистые лапки.

— Я вам все охотно расскажу. Но перед тем, как ответить на все ваши вопросы, хотела бы и вам задать всего один...

— Прошу вас.

— А вы кто такой? Вы откуда взялись?

— Взялся я из Москвы, сюда приехал на похороны своего старого учителя, зовут меня Станислав Павлович Тихонов, работаю я в Московском уголовном розыске, по званию я майор милиции. И все это вы, Клавдия Сергеевна, прекрасно знаете...

— Это-то я все знаю, — махнула она рукой. — Неведомо мне только — в каком вы-то значении здесь сидите и вопросы мне задаете? У вас задание есть? Или самоуправничаете?

Молодец, Клавдия Сергеевна! Бой-баба. Большую жизнь прожила в торговле! Я засмеялся и ответил: — У меня есть задание. Я его сам себе дал. Самоуправно...

— Да-а? — зловеще протянула Клавдия. — Очень интересно! Думаю, что правильно будет к вам письмом официальное на работу прислать — начальству вашему и в парторганизацию! Пусть они поинтересуются, как вы тут своими правами и красной книжечкой фигурируете, выгораживаете дружков своих. Или родственников, точно не знаю...

Я жалобно перебил ее:

— Окститесь, Клавдия Сергеевна! Мой дружок и родственник, которого я выгораживаю, на кладбище лежит. Поздно мне его выгораживать...

— Его-то поздно! А меня срамить — по городу ходить с вопросами — не поздно! Я-то еще не умерла! Да вам меня не очернить — меня здесь знают, слава богу, не один год! Я завтра вам такое письмо организую и от властей, и от городской общественности. Вам разобьют, как себе самому давать задания по личным делам на государственной службе...

Ну, что же, пожалуй, пора дать этой зарвавшейся девушке укорот, она и так далеко забралась от сознания своей безнаказанности.

Усмехнулся и сказал ласково:

— Мне кажется, что у вас, Клавдия Сергеевна, это становится хобби — загружать работой службы Министерства связи...

Она поблуднела, желваки на щеках зачугунели:

— Вы что хотите этим сказать?

— Что вы ошибочно полагаете, будто мои расспросы — это мое частное дело. Мне кажется, что оно уже стало и вашим делом. А поскольку вы со мной говорить не желаете, то завтра я пойду к городскому прокурору, и завтра же, кстати, возвращается начальник управления внутренних дел. Вызовут вас официальной повесткой и будут допрашивать. Вы меня понимаете — допрашивать, а не разговаривать...

— О чем же это вы хотите меня допрашивать, интересно знать? — подбоченилась Салтыкова.

— Обо всем, что вы можете знать по поводу такого из ряда вон выходящего случая. О несчастье, вызванном вашим весь город! Каждый честный человек, которому хоть крупичка малая известна, должен был бы не «права качать», а постараться помочь разобраться со всей этой печальной историей...

— Так, по-вашему, выходит, что я не честный человек? — с вызовом спросила она.

— Я ничего подобного не говорил, — твердо отрезал я. — Я пришел к вам за ответом на несколько вопросов, а вы решили меня пугануть. Вы напрягитесь, подумайте маленько — вам ли меня стращать?

— Ну, и вы меня не напугаете, — поехала она потихоньку на попятную.

— А я вас и не собирался пугать. Я задал вам ясный вопрос — что произошло между вами и покойным Коростылевым?

— Да ничего не произошло! Вздорный, завистливый старик был, прости господи! Вы-то думаете — вам тут все вздыхать горько, слезы рукавами натирают, — что все в трауре глубоком! А я человек прямой и врать не стану — всем он тут надоел, во все дела лез, как клещ липучий. Все ему — и не честные, и не совестливые, и не такие, и не сякие! Один он праведник, добрым словом съят! Тыфу, надоел...

Я сидел, опустив глаза, и испытывал боль, будто била она меня с размаху по щекам своими маленькими когтистыми лапками. Боялся взглянуть ей в лицо, закричать, ударить. Только крепче сжимал ладони, одну в другой, чтобы не так заметно тряслись руки. И спросил ее негромко:

— Что вам лично плохого сделал Коростылев? — Мне? Да мне он и не мог ничего сделать — руки коротки! На ребенке хотел отыграться! Нашел, старый пен, с кем счеты сводить!

— За что же он с Настей мог счеты сводить?

— А за все! Что молода, да хороша, да красива одета! И его не боится, плевала она на его глупые придирки! Он ей поперек жизни хотел стать, отомстить за свою песью старость!

— А может быть, Клавдия Сергеевна, не хотел Коростылев, чтобы выросла ваша девочка похожей на собачку «ши-пу»? Может, он ей настоящей жизни желал? Может, хотел, чтобы стала Настя большая, щедрая, смелая и умная? Тогда и тыщи лет не нужно, а хватит нормального человеческого века?

— Ага! Конечно! Он хотел ей добра, а я зла! Это правильно вы все рассмотрели! Да я жизнь на нее свою положила! Одна, без отца воспитываю! Легко, думаете? Как волчок кручусь — за уроки на пианине четвертак подай, по-французски отстаёт — учительшу держу, одеть, обусть девуку надо? Копейкой никто не поможет, а нотации читать — каждый горазд! Да ребенка баламутить разговорами...

— Чего ж ее баламутить — она ведь не маленькая уже, думать начинает сама...

— Как же — думает она! Вчера уселась реветь: если не дашь пятнадцать рублей на духи, буду сидеть реветь! Мне же надо бы за тройки ремнем пороть, а все сердце щемит, мне-то не у кого было на духи просить! Дала, конечно, что ж мне — деньги ее слез дороже! Для нее только и стараюсь, и она уже знает — к отцу-то не пойдет деньги требовать...

— А почему к отцу не пойдет?

— Да чего с него спрашивать! Серый дурень, городской колхозан, село неумытое.

— Простите, Настя какого мнения о своем отце?

— Не знаю, не спрашивала я ее. Так ведь не без глаз она, видит это сокровище. Я и так скрипя сердцем соглашаюсь на их свидания...

— А чем же вам так не нравятся их встречи?

— А тем, что незачем это! Не хочу, чтобы дочка выросла небесной козой. Скрипя сердцем позволяю...

Она так и говорила — «скрипя сердцем». Она правильно говорила — я слышал пронзительный душе-раздирающий скрип этого ожесточенного сердца. Оно не было смазано ни одним добрым чувством.

— А где сейчас Настя?

— На танцы убежала. У них это быстро, с понтом под зонтом, и помчались на танцуйки. А зачем она вам?

— Хотел познакомиться, поговорить, спросить...

— О чем?

— О многом. Например, жалко ей Коростылева?

— А я вам за нее отвечу — ей жалко. Так себе и пометьте, где это нужно. Очень жалко. Вообще всех жалко. А себя — особенно.

Перегородив дорогу между домами Кольяныча и учительницы Нади Воронцовой, стоял «Запорожец». На крышу маленькой трескучей машинки облокотился высокий красивый парень в спортивном костюме с яркими эмблемами «Адидас». Уперев руки в боки, с ним разговаривала Надина мать. Пока я ставил на обочину автомобиль и вылезал из кабины, не было слышно из-за шума мотора их голосов, но я видел, что говорит она с парнем сердито, а потом весело смеется. Я направился к ним, но парень в это время махнул рукой, распахнул дверцу, лихо нырнул в тесное гнездо за рулем, «Запорожец» пулеметно-резко затрещал и помчался вниз по скату дороги.

— Чего сердитесь, Евдокия Романовна? — спросил я Дусю. Она утерла лицо кончиком платка, сказала с досадой и злостью:

— Ну и люди стали — ни стыда, ни совести! Сраму не знают. Ведь сказано было сто раз: «Не ходи ты к нам, не хочет тебя Надя видеть». А все претса, ничем его не проймешь! Слов людских не понимает, ржет, как жеребец, и все тут...

— А кто это, Евдокия Романовна?

— Да ну его! Говорить о нем неохота. Петька Есаков, дармоед и пустоляк! Второй год ходит за Надей. Она его на порог пускать не хочет, а он все надоедничает: «Будешь все равно моей женой».

Я заметил осторожно:

— Парень-то он красивый, видный...

— А что толку? Пустобрех, бездельник. Срамота, а не мужик, — и от досады она сплюнула. — Это ведь надо, молодой парень к Клавке Салтыковой на ночную смену работать ходит! Нахлебник!

— А днем-то он что делает?

— Что делает? — от негодования Дуся всплеснула руками. — Физкультурник он. Здоровый мужик, руками-ногами дрыгает. Да, правда, за работу и зарплату такую получает — сорок рублей. Это же ведь надо, взрослый молодой парень сорок рублей получает!

— А где он сорок рублей получает? — спросил я.

— Тренирует при школе футбольную команду. Ему предлагали разные места, но он не хочет. Сейчас, говорит, ценность основная — свобода, а не рублишки. Ну, ясно, рублишки не ценность, если ему Клавка дает, сколько хочет. Вон купила своему обормоту автомобиль. Не бо весть какой, маленький, таратаистый, а все ж таки ездит.

Я присел на лавочку у забора, закурил сигарету и спросил с интересом:

— А что — Наде он совсем не нравится?

Дуся от возмущения подалась вся ко мне:

— Да что же вы такое говорите? Как же Наде он может нравиться? Надя девушка серьезная, а этот — тунеядец, оболтус, бездельник. Я ему говорю давеча: «Как же ты можешь жить-то на сорок рублей?» А он речот: я, говорит, бережливо живу... Дуся печально покачала головой:

— Сбился с панталыку парень. Его несколько лет назад Николай Иванович, царствие ему небесное, выгнал из школы. Он ведь раньше учителем физкультуры там был.

— А за что выгнал?

— Парнишчу от какого-то поколотил. Ну, а для Николая Ивановича такие вещи были как нож вострый. Выгнал его из школы, сказал: «Тебя к детям на версту подпускать нельзя». Ну, и подобрала его Клавка Салтыкова. Тоже баба срамная. Дочка — невеста скоро, муж — приличный человек, здесь же, в городе, живет, а она валандается с парнем на десять лет ее моложе. Ничего не стыдится, никого не боится, для нее людская молва — тыфу...

Дуся прервала на миг свое гневное повествование, посмотрела на меня и неожиданно спросила:

— А вы сегодня ели чего-нибудь?

— Сегодня? — стал вспоминать я. — Честно говоря, не помню, да и не хочу.

— Нельзя так, — уверенно заявила Дуся. — Идемте, я вас угощу диковинкой. Вы, наверное, в Москве и забыли, что это такое.

Я взглянул на часы — половина десятого. Солнце заходило в конце улицы, как запрещающий автодорожный знак — желтый диск с раскаленными алыми краями.

— А Надя дома? — спросил я. — Мне надо с ней посоветоваться.

— Дома! Она на задней терраске читает, — обрадовалась Дуся. — Идемте, мы еще не ужинали.

— Спасибо, Евдокия Романовна, мне вообще-то рассиживаться некогда. У меня еще дел много.

— А мы и не станем рассиживаться, мы на бегу чего-нибудь перекусим...

Я открыл калитку, по кирпичной дорожке обошел дом и увидел Надю, сидящую с книжкой в шезлонге. На столике перед ней лежала стопка тетрадей. Она приветливо замахала мне рукой и встала навстречу.

— Устраивайтесь, вам здесь будет удобно, — показала она мне на шезлонг. — Новостей у вас нет?

— Да кое-какие сообщения появились, хочу с вами обсудить...

Из боковой пристройки вышла Дуся и на протянутых ко мне ладонях показала два огромных овально-круглых, белоснежных, тяжелых даже на вид яйца — каждое размером с хороший кулак.

— Вы такое давно пробовали? — спросила Дуся.

— Я такого никогда даже не видел! Что это? Она засмеялась:

— И неудивительно! Это гусиные яйца. Сейчас гусей-то почти не стало, а уж яиц их никто и не видит в городах. У нас-то здесь редкость...

— Я действительно не видел таких, — честно признался я.

Дуся с сожалением покачала головой:

— Я, наверное, последняя, кто гусей держит. Помру — забудут, как гусыня выглядела. Птица, ей-богу, замечательная, а благодарной памяти ей нет. Людям, конечно, сказка нужна. Правда, она ведь так не

тешит. Гусь-то ведь любит свою гусыню и заботливей и вернее, чем лебедь, а все песни про любовь только о лебедях сложены...

Надя засмеялась:

— Гусю для легенды длины шеи не хватило...

Справедливости ради я заметил:

— Гусь все-таки почаще встречается, чем лебедь. А в легенду попадает то, что режет видим...

— Ну да, — согласилась Надя. — Поэтому легенды о лебедях написаны гусиными перьями...

Помолчала и усмехнулась грустно:

— Боюсь, что скоро гуси тоже станут редкими, как лебеди. Когда-то Россия занимала первое место по вывозу гусей. Из наших мест гуси на экспорт пешком отправлялись. Знаете, как это делали?

— Нет, никогда не слышал...

Надя засмеялась:

— Гуся осеннего, откормленного брали под крылья и опускали ногами в бочку с расплавленным варом. Окунут и пустят по песку, по пыли бегать. На вар пыль налипнет, засохнет, тут ему снова ноги окунают в бочку. И так несколько раз, пока не нарастут у него толстые черные салоги. После этого собирают тысячное стадо и пешим ходом — в Германию. Пока дойдут до Пруссии, обколотят смоляные салоги, их фермеры по мешкам на откорм рассадят и к рождеству на всю Европу продают неслыханного вкуса и жирности гусей. Так и хвастались ими — мол, «пруссские гуси».

— А вы это откуда знаете? — удивился я.

— А мне Николай Иванович рассказывал. Ему ведь до всего было дело, он написал статью в «Известия» о том, что гусьями надо заниматься — скоро попадут в Красную книгу. Собрал массу литературы, выступал с лекциями, местным жителям объяснял, какое это дело выгодное, всем полезное и приятное.

Да, удивительно жил Кольяныч. Странный, непонятный человек. Ну, что может быть общего у преподавания литературы с разведением гусей в Рузаеве? Какое ему дело до гусей? Как просто и незаметно он перемешал в своей жизни обыденность и мечту. А может быть, он целую жизнь писал лебедиными перьями легенду о красоте гусей? Да нет — это и звучит как-то смешно.

Надя задумчиво смотрела на меня, будто хотела угадать, о чем я думаю, потом спросила:

— Вы мечтать умеете?

Я засмеялся:

— Да вообще-то говоря, времени для этого не остается. Но иногда пытаюсь...

— А о чем вы мечтаете? — спросила она.

Мне не хотелось говорить об этом, и я усмехнулся: — У меня всегда одна мечта — ложиться спать не позднее десяти...

— Боюсь, что сегодня вашей мечте не суждено осуществиться, — сказала Надя.

— Я в этом просто уверен, — подтвердил я. — Я хочу с вами поделиться своими соображениями. А вы, как сторонний слушатель, будете оценивать, в чем я прав, а что от лукавого...

Надя охотно включилась в игру.

— Я запросил через Москву Мамоново, откуда пришла телеграмма Коростылеву. Никто из опрошенных местных отправителей телеграммы не знает. Он наверняка чужак. У меня есть два предположения: или он проезжал мимо, направляясь на юг, или он где-то живет не очень далеко. А в Мамоново приехал, чтобы отправить телеграмму. Где он может жить?

Надя растерянно развела руками:

— Ну как это можно определить?

— Я думаю, что отправитель телеграммы имел связь с заказчиком этой депеши в Рузаеве. И уверен, что договаривались они по междугородному телефону.

Письмами такое дело не организуешь — долго, да и заказчик телеграммы наверняка не рискнул бы оставлять такое вещественное доказательство...

— И что? Что вам дает это предположение?

— Надо попробовать вычислить, где может жить отправитель телеграммы. Откуда он говорил по телефону с рузаевским заказчиком...

Надя растерянно посмотрела на меня:

— Я, кажется, догадываюсь... Вы хотите сказать, что в Рузаеве, кроме московского, нет междугородного автомата?

— Вот именно! Телефонные переговоры осуществлялись по предварительному заказу...

— Да, но если мамоновский отправитель телеграммы звонил сюда, в Рузаеве, вы не сможете это проверить, — сказала Надя.

— Конечно! Входящие звонки на местной междугородке не регистрируются. Но я уверен, что звонили из Рузаева...

— Почему?

— Ну, это же ясно! Отправитель телеграммы ждал сигнала, команды из Рузаева — «можно!», «телеграфируй!». Я в этом просто уверен!

— А отчего вы так уверены в этом? — настойчиво допрашивала меня Надя.

Я усмехнулся:

— Потому что иначе вся придуманная мной логическая конструкция рассыпается...

— А вы уже придумали конструкцию?

— Да так — набросок, эскиз, предположение... — И деловито спросил: — А вы географию не забыли еще?

— Более менее помню. И представляю, что Мамоново находится в Воронежской области...

— А какие области граничат с Воронежской?

Надя напряглась, стала по памяти перечислять: — Липецкая, Курская, Белгородская, Тамбовская и, кажется, Волгоградская... Но лучше по карте посмотреть.

— Вот этим мы сейчас займемся, — пообещал я.

— Принести карту? — готовно спросила Надя.

— Да. Если найдется — карту Европейской части СССР. И у меня будет к вам просьба.

Надя сказала:

— Охотно.

— Если хотите, давайте вместе сходим на междугородную. Попробуем разузнать, кто звонил в населенные пункты одной из этих областей...

Людей, ожидающих в Доме связи телефонных переговоров, в это время было совсем мало, и телефонистка Рая Гаврилова, оказавшаяся бывшей Надиной одноклассницей, охотно помогла нам раздобыться с бланками заказов. Я объяснил ей, что нам нужны вызовы, сделанные из Рузаева в середине мая в пять сопредельных с Воронежем областей. И четверти часа не прошло, — просматривая пачку талонов, Рая сказала:

— Надя, глянь — вызов в Волгоградскую область, город Урюпино. Звонили четырнадцатого мая.

От почтения ко мне она разговаривала только с Надей, адресуясь ко мне через нее.

— А можно узнать, с какого звонили телефона? — спросил я.

— Конечно! — сказала Рая. — У нас здесь в книге обратных заказов обязательно указывается...

Она полистала журнал, снова взяла в руки отобранный талон, что-то сверила и твердо сообщила:

— Урюпино вызывали в двадцать один час пятнадцать минут с номера 22-18...

Надя стала быстро перебирать своими гибкими тонкими пальцами оставшуюся пачку отрывных талонов, я видел, что она сильно нервничает, и через минуту Надя вытащила листок:

— Вот еще один вызов в Урюпино. От девятнадцатого мая, двадцать часов десять минут...

— А номер? — быстро спросил я.

— Тот же абонент — 22-18...

— Вы не можете узнать, кому принадлежит номер 22-18? — попросил я телефонистку.

— Минуточку, — она стала набирать справочную, но Надя махнула ей рукой:

— Не надо узнавать. Я и так знаю. Телефон 22-18 установлен у нас в школе. В канцелярии...

Не спеша возвращались мы домой. Пахло жимолостью, ночной свежестью. Не хотелось ни о чем говорить. Да и сил не было. Все-таки круг замкнулся, и телефонный вызов сделали из школы. Из школы позвонили и дали команду на смертельный выстрел в Кольяныча. Такие вот дела...

Совсем стемнело. С неба сорвалась и, косо чертя синий купол, полетела к земле звезда. И, вспыхнув сиреневой серебристой искрой над лесом, погасла.

Надя сказала:

— Загадайте желание...

— Не верю я в приметы.

— А я верю, — упрямо покачала она головой.

— Я тоже верил когда-то... — сообщил я доверительно. — Пока был молодой...

— Вы и сейчас молодой! А почему верить перестали?

— В самом начале службы, чуть не с первого дежурства, выехал я на происшествие — самоубийца. Повесился на кладовой на ремне. А существует поверье, будто кусок веревки или ремня, на котором повесился самоубийца, приносит удачу. Ну, оформили протокол, как полагается, выполнили все процедуры, труп увезли в морг, а я потихоньку отрезал кусок ремешка и спрятал. Как талисман...

Надя спросила:

— И что, не принес он вам счастья?

— В тот же вечер стоял в магазине за колбасой, и у меня карманник вытащил всю полочку...

Надя засмеялась. Мы уже подошли к дому, она взглянула на часы:

— Сегодня исполнение вашей мечты задержалось всего на два часа. Сможете лечь в полночь...

— Боюсь, что нет. Раз моя конструкция не развалилась, надо сейчас кое-что написать — завтра наверняка понадобится...

Ночью пал туман. Городок будто по пояс провалился в фиолетово-серое море, подсвеченное розовыми всполохами утреннего солнца. Размытые, нерезкие белые кубики домов, плывущие в перламутроводымчатых клубах тумана, вдруг вспыхивали нестерпимо алым светом, когда в стекла попадали прямые солнечные лучи.

Около дверей «Жигулей» уже сидел в напряженно-выжидательной позе Барс, совершенно мокрый от росы, встрепанный, похожий на размокший валенок. Увидел меня, взвизгнул, забил хвостом, закрутил головой, толкнул плечом, уперся крутым лбом мне в колени, а потом, не в силах сдержать радости, встал

на дыбы, а передние лапы положил мне на плечи и в упор уставился своими близорукими собачьими глазами. И я вдруг понял, что Барс — еще одна нерешенная проблема. Что делать с ним? Как дальше быть с собакой? Здесь ему не с кем оставаться. А Владилен вряд ли готов спуститься по трапу самолета в столице Уругвая с этой лохматой дворнягой.

Тебе, Барс, не повезло. Если бы ты родился не дворнягой, а длинношерстным пучеглазым мопсом «ши-пу» с тысячелетней родословной, может быть, взял бы тебя Владилен под мышку, и объехал ты с ним мир, увидел заокеанские города и страны.

Но тебе это не суждено, поскольку ты по рождению был бы маленький, злой и жадный, и наверняка Колянич не подружился бы с тобой и не взял к себе на весь остаток дней с честным уговором — неведомо, кто кого переживет...

Открыл дверцу, запустил Барса и поехал в милицию.

— А я вас ждал, если честно сказать... — сказал мне вместо приветствия капитан Зацаренный.

Он встал мне навстречу в сиянии своих значков, звездочек и петлиц, голубоглазый, утренне-ясный, но у него было выражение лица человека, приготовившегося сделать важное заявление.

— Для начала — здравствуйте, — заметил я сухо, сбив его с заготовленной позиции.

— Здравствуйте, конечно... — растерялся он.

— Вы меня ждали, поскольку у вас наверняка полным-полно новостей? — спросил я.

— Нет, с новостями у меня не густо, но поговорить с вами хотел бы, — задумчиво-многозначительно сообщил Зацаренный, и от утробного рокотания его голос звучал угрожающе. — Я получаю сигналы, будто вы ведете некое самостоятельное расследование...

— А вы возражаете? — поинтересовался я.

— Что значит возражаете? — гулко удивился Зацаренный. — Существует порядок. Вы разве не понимаете, что закон не предусматривает никакой самостоятельности? Если компетентные органы считают нужными какие-то действия, то надлежащим лицам даются указания, и все осуществляется в надлежащем порядке. У нас ведь частного сыска, слава богу, нет.

Я уселся против него и тихо начал объясняться:

— Не знаю, можно ли расценивать мои действия как работу частного сыщика. Но хочу вас заверить, что формально никакого следствия я не веду. Я просто разговариваю с людьми, хорошо знавшими Николая Ивановича Коростылева. Во время разговоров они отвечают или спрашивают меня не как должностное лицо, а просто как старого друга и ученика покойного.

Зацаренный сердито вскинулся:

— Но это неправильно! И вы знаете, что вам так вести себя не полагается. Вы не просто знакомый Коростылева, но и офицер милиции...

Я пожал плечами:

— Я вынужден так поступать, поскольку не нашел с вами общего языка. А разговоры мои не противоречат ни букве, ни смыслу закона.

— А вам не приходит в голову, что это смахивает на злоупотребление служебным положением? — осведомился официальным басом Зацаренный.

Меня пугал его раскатистый, нутряной голос, слова его удручающе впечатляли. Я откинулся на спинке стула, положил ногу на ногу и покачал головой:

— Ну-ну-ну! Не страшает меня, пожалуйста, какими категорическими формулировками. Вам, как юристу, не надлежит путать понятия «использование должностного положения» и «злоупотребление» оным. Это вещи весьма разные...

— А мне кажется, что это софистические игры, — сказал Зацаренный. — Смысл не меняется...

— Еще как меняется! Если бы я был не сыщиком, а химиком и в этой ситуации проанализировал состав клея с телеграммы — было бы это злоупотребление служебным положением научного сотрудника?

— Но вам никто ничего не поручал анализировать! — пер на меня грохочущим танком Зацаренный. — Вам никто не поручал расследовать это дело!

Я на него не сердился. По-своему мне даже стали интересны причины его такого служебного энтузиазма. Но ссориться с ним я не хотел. И по возможности мирно сказал:

— Я еще раз повторяю вам: я не веду служебного расследования. А запретить мне интересоваться этой историей нельзя. Вспомните, как сказано в слове Владимира Ивановича Дала: «Расследовать — значит исследовать, разыскать, разузнать хорошо, верно, разобрав следы зверя, распутать их и выследить его». Согласитесь, что, если я, не нарушая законных норм, интересуюсь обстоятельствами смерти моего друга, никто не может помешать мне в моем занятии...

— Ваш человеческий интерес к этой истории может быть неправильно понят и истолкован другими людьми, — быстро ответил Зацаренный. — Они могут быть недовольны бестактными вопросами, которые вы задаете как частное лицо...

— Ага! Вот это понятно. Я бы только хотел узнать: а кто же вам жалуется на меня? Кому мои вопросы кажутся бестактными? Кого они оскорбляют? И как их понимают? Не можете мне сказать?

Зацаренный уселся за стол, сухо кинул мне:

— Это не имеет никакого отношения к нашему спору о разнице между злоупотреблением и использованием вашего положения.

— Господи, да о каком злоупотреблении вы говорите? Если я использую что-либо, то не свое положение, а использую свое профессиональное умение. Я профессионал в расследовании человеческих горестей. И не только у меня, у вас у всех случилось большое горе — умер хороший человек! И мне непонятно, что дурного вы находите в моих хождениях и разговорах с людьми? Какой вред от этого? Разве я подрываю ваш авторитет? Разве я о ком-нибудь сказал хоть одно дурное слово?

Глядя в сторону, Зацаренный обронил:

— Необязательно говорить о нас плохо, но уже сам факт... Не делайте это! Сейчас люди грамотные пошли, все знают, что вы сыщик и что вопросы вы задаете не частные, а сыщические, а следовательно, подменяете нас в повседневной деятельности.

— Ну и что из этого-то? — спросил я.

— Значит, вы автоматически подрываете веру населения в наши возможности. Вы хотите показать, что мы не способны решить наши задачи.

— Да не хочу я ничего показывать, — сказал я досадливо. — Не бездействуйте, тогда и разговоров не будет! Беда не в моих вопросах, а в том, что я не могу поколебать вашей убежденности в бесполезности моих действий...

В этот момент распахнулась дверь, и в кабинет вошел коренастый смуглый подполковник. И по тому, как вскочил Зацаренный, как упруго-хозяйски шагал подполковник, я понял, что это вернулся из отъезда начальник управления. Я видел, что Зацаренный действительно рад, во всем его порыве навстречу начальнику был вздох огромного облегчения, нескрываемого удовольствия оттого, что всю эту неприятную и не очень понятную ситуацию со мной будет уже решать не он.

— Здравствуйте, Павел Лукьянович. Заждался вас! — выкрикнул он, как мальчишка.

— Здравствуй, Зацаренный, — поздоровался подполковник и тепло похлопал его по плечу. Потом повернулся ко мне, протянул молостастую широкую ладонь: — Воробьев.

— Тихонов, — представился я, — старший оперуполномоченный МУРа.

Воробьев удивленно поднял брови:

— По службе, проездом или в гости?

— Да и то, и другое, и третье. Я, к сожалению, здесь по печальному поводу — приехал на похороны Николая Ивановича Коростылева.

— А! Знаю уже, — сказал Воробьев, — я ночью приехал, мне жена все рассказала. Ну, это, конечно, из тех разговоров, что по городу ходят. А что у вас здесь происходит? — повернулся он к заместителю.

Зацаренный поморгал своими выпуклыми голубыми глазами, и голос его стал на две октавы выше:

— Да вот, дебатировал этот вопрос с Тихоновым. Он ведь ученик и друг Коростылева и развел здесь работу — ну, прямо комиссар Мерз...

Воробьев посмотрел на него и спросил:

— А ты вроде бы недоволен этим?

— Да почему недоволен? — взвился Зацаренный. — Это дело само по себе достаточно туманное и бесперспективное...

Я счел необходимым вмешаться:

— Павел Лукьянович, я не хочу вас вовлекать в наш спор, а подготовил вам, как начальнику территориального органа внутренних дел, справку. Прочтите, пожалуйста, — достал из кармана пиджака сложенные листы и протянул Воробьеву.

Он уселся сбоку от командирского стола Зацаренного, закурил сигарету и углубился в чтение.

Зацаренный сильно нервничал, потому что вынырнувшая из моего кармана стопка листов была для него совершенной неожиданностью. Воробьев, не отрывая глаз от листов, взял из стоящего на столе стакана красный карандаш и по ходу чтения стал отчеркивать какие-то строчки. Читал он быстро, перелистывал страницы, иногда возвращался назад и отмечал на полях вопросы, ставил галочки. Он читал тем особым профессиональным чтением, которым обладают опытные сыскные работники, умеющие лущить зерно интересного из всей описательной шелухи жизни. Я еще не докурив свою сигарету, когда Воробьев спросил:

— Значит, телефон 22-18 установлен в школе?

— Да, это спаренный аппарат. Один стоит у директора школы Бутова, а второй — в канцелярии. Туда имеют доступ все сотрудники школы, — сказал я.

— Интересно, — покачал головой Воробьев, потом повернулся ко мне: — Какие просьбы, предложения?

— Я уже подключил дежурную часть Московского уголовного розыска. Мне нужно для быстроты, чтобы вы служебными каналами через МУР запросили Урюпино: кто хозяин телефона 3-13-26? Этот номер по талонам дважды вызывали из школы...

Воробьев кивнул, бросил стопку листов на стол Зацаренному.

— Незамедлительно займись этим вопросом, — пожевал губами и сказал ему вроде бы доброжелательно, но со льдом и кислотой в голосе: — Я тебя люблю, ценю и уважаю. Ты у нас человек умный, образован-

ный и очень энергичный, только уж больно ты, сынок, не любишь портить отношения ни с кем. Ты это брось, не к лицу это тебе. Я ведь понимаю, чего ты крутишь.

И махнул рукой, а Зацаренный обиженно задудел: — Это вы не правы, Павел Лукьянович! Ничего я не кручу, не в этом дело. Я подхожу с точки зрения закона. Даже если найдем виновника, не сможем мы доказать в суде ничего...

Воробьев засмеялся и сказал:

— Конечно, ты у нас парень университетский, но и я кое-что в этом смекаю. Позволю себе напомнить тебе, что есть две формы умысла: прямой и звентуальный. Зацаренный оскорбленно пожал плечами:

— Почему же это я не помню? И как мы можем доказывать звентуальность умысла?

— Сможем! Преступник, отправляя подобную телеграмму старому человеку с большим сердцем, с двумя инфарктами, инвалиду войны, мог и обязан был предвидеть возможные тяжкие последствия... Он надеялся и хотел скопировать его этой телеграммой. И если поймем его и докажем, то будем выходить с этим делом в суд.

— Павел Лукьянович, вы здесь нарисовали законченную картину умышленного убийства, — насмешливо ухмыльнулся Зацаренный.

— Это и есть убийство, — не обратил внимания на его иронию Воробьев. — Хотя, пока его не поймали, мы не знаем, чего он достигал, что ему нужно было. Ладно, давайте получим сообщение из Урюпино, тогда будем решать, что делать...

За дверью со стеклянной табличкой «Заведующая учебной частью Екатерина Сергеевна Вихоть» раздавались шумные, возбудженные голоса. Тонкие деревянные филленки вибрировали, впадая постепенно в истерический резонанс назревающему скандалу.

Я задумался — стучать или лучше подождать, но дверь неожиданно распахнулась, и из кабинета пулей вылетели две молоденькие учительницы, красные, сердито-обиженные и несчастные. Одна из них торопливо смахивала слезу. Я посмотрел им вслед и подумал, что напрасно так глубоко раздумывала географичка Маргарита Петровна — в этой школе власть завуча, безусловно, велика.

Переступил порог и без количественной сообщил: — Я пришел к вам, Екатерина Сергеевна, для обстоятельного и серьезного разговора...

— А вы уверены, конечно, что сейчас, перед экзаменами, у меня как раз полно времени для обстоятельных разговоров? — спросила она саркастично и всем своим видом демонстрируя безусловную несерьезность моих намерений.

— Да, я уверен, что вы найдете время для этого разговора. Несмотря ни на какую занятость...

— Забавно, что вы уже распоряжаетесь моим временем, — ядовито ответила она.

— Я не распоряжаюсь вашим временем, — сказал я кротко, — но я убежден, что предмет нашего разговора заставит вас охотно отложить любые ваши дела.

— Интересно, что мы с вами становимся неразлучной парой, — сказала она, нервно переключившись на столе какие-то книги, журналы, тетради. — Мы вместе гуляем по вечерам, встречаемся на работе, а во все остальное время вы говорите обо мне с массой людей в городе...

— Да-да-да! — согласно кивнул я. — Я надеюсь, что нас объединяет с вами скорбь о смерти вашего сотрудника и моего учителя...

Она не приняла мой тон и сказала легко:

— Ну, конечно, горько, что Николай Иванович умер, но когда-то мы все умрем. Да и в вашем горе слишком много поэмы. Бесконечно горевать о смерти других может только бессмертный. Все там будем...

— Но пока мы с вами еще не дошли до этого философического рубежа, я бы хотел задать вам ряд вопросов. И обязательно получить правдивые ответы, которые помогут нам узнать, кто именно отправил Коростылева задолго до нас туда, где мы все будем...

— Во-первых, у вас нет оснований сомневаться в моей правдивости. А во-вторых, чем же это, интересно, я могу вам помочь?

— Передо мной стоит ряд вопросов, которые не дают мне покоя. Я попробую логически рассуждать, а вы — в случае несогласия со мной — будете меня поправлять. Хорошо?

— Хорошо, я попробую.

— Кто-то отправил Коростылеву лживую телеграмму со страшной вестью, от которой он умер. Отправитель этой телеграммы мог иметь несколько целей, из которых я предвижу по крайней мере две. Первая: хулиганская шутка с локальной задачей — как можно сильнее достать, наказать Коростылева, причинить жуткую боль. В этом случае шутка исчерпала свое назначение, замысел реализован, сверхзадача выполнена, поскольку достигнут результат по максимуму. Как вы считаете, я правильно рассуждаю?

— Ну, наверное. Не знаю, — осторожно сказала Вихоть.

— Ладно. Пойдем дальше, второй вариант. Эта телеграмма была инспирирована, заказана из Рузаева вовсе безо всякого умысла убить или наказать Коростылева.

— А зачем же тогда ее послали? — спросила напряженно Вихоть.

— А для того чтобы Коростылева вывести из каких-то предстоящих событий. В телеграмме предлагают Коростылеву срочно вые-хать! Значит, цель была в том, чтобы Коростылева удалить из Рузаева! Ему надо было помешать совершить какие-то действия. Давайте подумаем, какие предстояли в Рузаеве события, в которые мог вмешаться Коростылев.

Вихоть привстала из-за стола и злобно сказала: — Что вы с умным видом ставите передо мной дурацкие вопросы! Откуда я знаю, какие могли быть у Коростылева дела? Откуда мне знать, кому он мог помешать? Он сто раз на дню вмешивался в дела, которые его совершенно не касались!

Я наклонил голову и сказал: — Нет, Екатерина Сергеевна, вы знаете, какие события должны были произойти. Например, годовой педсовет, который должен был состояться через день после получения Коростылевым телеграммы...

— При чем здесь педсовет?—спросила враз обмякшая Вихоть. — Как это при чем? Давайте вспомним, что там должно было решаться...

— Итоговый годовой педсовет решает очень много вопросов,—развела руками завуч.

— Да, я об этом догадываюсь, но в ряду многочисленных обычных вопросов был один конфликтный. Помните? Вопрос об аттестации Насти Салтыковой...

— Ну и что? Каждый год возникают спорные вопросы.

— Такие, как с Настей, не возникают. Вам была известна позиция Коростылева в этом вопросе.

— Что вы хотите этим сказать?—набычилась, побагровела, выкатила на меня глаза Вихоть.

— Я хочу сказать, что если бы не позиция Коростылева, то вопрос об аттестации Салтыковой решался бы почти автоматически. А вот присутствие Коростылева, наоборот, почти наверняка гарантировало девочке итоговую годовую двойку, и—мимо института...

— Вы намекаете на мою заинтересованность?—спросила Вихоть.

— Я не намекаю, я прямо говорю о том, что вашей приятельнице Клавдии Сергеевне Салтыковой было бы лучше всего, если б Коростылев отсутствовал на этом педсовете...

— Я отказываюсь с вами разговаривать,—почти закричала Вихоть.—Это наглость...

— Нет,—спокойно ответил я.—Это не наглость. Это факт. И очень прошу вас не воздыматься так грозно над столом, не выкатывать на меня глаза и не ломать мебель кулаками. Я ведь не выйду отсюда в слезах, как давеча молоденькая учительница...

— Я буду на вас жаловаться вашему руководству,—сказала она.

— И это я уже слышал. Но когда вы будете жаловаться моему руководству, не забудьте указать в жалобе, что с телефонного аппарата в соседней комнате дважды, четырнадцатого и пятнадцатого мая, говорили по междугородке с городом Урюпино, откуда впоследствии послали телеграмму Коростылеву о смерти его семьи.

Вихоть тяжело осела на стуле. Ее грозная решимость иссякала на глазах. Она медленно угасала, будто из нее реостатом выводили ток жизни.

Я сказал ей: — Екатерина Сергеевна, пока не расставлены все точки над «i», я прошу вас подумать и сообщить мне

все, что вы знаете об этой истории. Лично я не верю, что вы непосредственно участвовали в организации этой телеграммы. Но вы знаете, как, при каких обстоятельствах она возникла. Пока не поздно, прошу вас рассказать мне все...

— Я не желаю с вами разговаривать,—закричала она, выскочила из-за стола и своей тяжелой ломовой рысью выбежала из кабинета.

В коридоре постепенно стихал дробный стук тяжелой походки удаляющейся Вихоть. А я сидел в задумчивости, не понимая, что сейчас мне надо предпринять. То есть я знал, что мне надо делать, но не мог решить, в какой последовательности.

Я уже встал и направился к двери, когда в отгороженной канцелярскими шкафами половине кабинета вдруг раздался негромкий жестяной стук. Я подошел к шкафу и увидел, что за его фанерной спиной на стуле сидит посреди комнаты Дуся Воронцова в своем синем сатиновом халате уборщицы. У ног ее—пустое ведро, в руках она судорожно сжимала швабру. У Дуси было напуганное и растерянное лицо—еще больше, чем обычно.

— Евдокия Романовна, вы чего так перепугались? Молящим голосом она ответила:

— Честное слово, Станислав Павлович, я не подслушивала! Я не хотела, я просто здесь прибиралась, когда вы вошли! И весь ваш разговор я услышала с Екатериной Сергеевной. А я не хотела подслушивать, кланюсь чем хотите...

— Да нечего извиняться,—улыбнулся я.—Никаких особых секретов у нас с Вихоть нет. Во всяком случае, у меня точно секретов нет...

— Я... я... я слышала, о чем вы говорили,—заикаясь от волнения, сказала Дуся.

— Ну и что? Ничего страшного.

— Дело в том, что девятнадцатого, суббота это была, я здесь задержалась с приборкой—консультации перед экзаменами, учителя поздно работали, а здесь ребята делали стенгазету, и я задержалась...

— И что? Я не понимаю, почему вы так волнуетесь?

— Так видела я! В субботу, девятнадцатого, вечером Петька Есаков из канцелярии звонил! Я слышала—он набирал номер, я его еще спросила, чего он тут делает. А он говорит—звонка дожидаться, мол, с товарищем договорились. И потом позвонили, мне еще показалось, что чудной звонок, долгий такой. Мне ведь не пришло в голову, что это междугородка. Петька звонил в субботу, это я сама своими глазами видела,—повторяла испуганная Дуся.

Выцветшее бело-голубое небо, как эмалированный таз, висело над городком. Из телефонной будки против Дома связи я набрал номер Нади. Не дожидаясь моих вопросов, она быстро сказала:

— Я позвонила ему... Он скоро придет...

— Вы не сказали, о чем хотите с ним говорить?

— Конечно, нет.—В голосе ее звенела тревога.

— Да не волнуйтесь вы так, Надя,—постарался я ее успокоить.—Вам бояться его нечего...

— Я и не боюсь его нисколько. Я ведь его давно знаю, этаким странным гибридом—помесь ласковой свиньи с наглой собакой. А не волноваться не могу...

— Я минут через десять буду у вас...

И все равно я опоздал. Когда я притормозил у голубой изгороди вокруг Надиного дома, там уже стоял знакомый «Запорожец», а Петр Есаков разговаривал с Надей у калитки. На ее лице было написано затруднение—пускать ли его во двор или задержать до моего приезда на дальних подступах.

Я подошел и окликнул его: — Здравствуйте, Есаков...

Он обернулся, удивленно приподнял брови, вежливо усмехнулся:

— Чего-то не припоминаю я вас...

— Ладно дурака валять,—махнул я на него рукой.—Вы эти гримасы, ужимки и прыжки приберегите до другого раза—может, понадобятся. А меня вы хорошо помните и прекрасно знаете, кто я такой и что я тут делаю...

— А-а!—обрадовался Есаков.—Никак вы тот самый Тихонов, что по всем домам шастает, из всех душ вытрясает—как так случилось, что дедушка наш Коростылев хвост откинул? Такой был бравый боевой дедуган, здоровяк, молодец и спортсмен—ему бы сто лет жить, а он вдруг погубил в расцвете лет от предательского обреза затаившегося кулака! Не ошибся я? Вы и есть оно?

Он откровенно и радостно смеялся надо мной. Совершенно искренне, и не опасался он меня нисколько, потому что знал наверняка—ничего, кроме жалобных подозрений и слезливых укоров, кроме сердцарывающих просьб задуматься о содеянном—мне предложить ему нечего. А на слова мои ему—тьфу! И растирать не надо, само высохнет.

— Какая же ты пакость, Есаков!—с сердцем сказала Надя. От ярости она сжимала кулаки так, что побелели и резко проступили костяшки, и я испугался, что сейчас она бросится на него и ударит его в сытое красивое лицо этими костяшками—на разрыв кожи, ломая суставы, не чувствующая боли, а переполненная лишь ненавистью и страданием.

— Надечка, голубка дорогая!—закричал весело Есаков.—Ошибочку давали! Я ведь вам все время объясняю, что вы меня не за того принимаете! Не

пакость я и не сладость я, а сложный современный человек. Я, как киплингвский кот, хожу сам по себе!

Я смотрел на него, и меня не покидало ощущение, что я его уже где-то много раз видел. У него было определенно знакомое мне лицо. Наверняка я его видел раньше. Где и когда—вспомнить не мог.

— Да, я это вижу,—согласился я и попросил:—Сделайте одолжение, Есаков, поговорите со мной маленько. Мне ведь не часто доводится говорить со сложными и современными. У меня все больше клиентура простая и отсталая...

— С полным моим удовольствием,—поклонился церемонно Есаков.—Вообще-то я сюда мчался на крыльях любви, можно сказать, по приглашению моей возлюбленной девушки, да видать, о любви ей уже есть с кем поговорить окромя меня...

Надя покраснела, а я успел ее крепко взять за руку и ответить ему:

— Лично я полагаю, что с кем бы Надя ни говорила о любви, это все равно лучше, чем с вами...

— Это почему еще?—удивился Есаков.—Я для всякой молодой женщины очень соблазнительный вариант.

— Чем?—коротко поинтересовался я.

Есаков так рассмеялся от души, так он всплеснул руками, так замотал своей аккуратно подстриженной маленькой сухой головой, что я вспомнил. Я вспомнил, где я раньше видел его.

— Всем,—исчерпывающе объяснил он, справившись с приступом смеха.—Я человек веселый, внешне привлекательный, очень здоровый, можно сказать, начитанно-культурный. Я во время передачи по телевизору «Что? Где? Когда?» половину вопросов отгадываю. И материально независимый...

Он сделал широкий кругобразный жест, который охватывал его шикарный синий адидасовский костюм, стоявший понуро забором «Запорожец», улицу, Надю, склон холма, лежавший внизу город, далекий лес, мир. Все принадлежало ему, кроме меня—меня он как-то ловко выкинул из этого круга, как вещь абсолютно ненужную и весьма противную.

Я уселся на скамейку под окном, не спеша положил ногу на ногу, закурил, а он с интересом следил за мной, дожидаясь моего следующего беспомощного и безвредного для него вопроса.

— Неувязка получается,—сказал я.—Насчет вашего распрекрасного костюма и кроссовок не знаю, может быть, действительно ваши, а на машину-то вы зря показываете. Машина не ваша...

— Это как?—сразу набычился Есаков и снова стал похож на себя в других виденных мною ракурсах.

— А так. Видел я вас тут вчера, понравились вы мне сильно, решил поинтересоваться: что это за шикарный плейбой катается здесь на роскошном лимузине? Спросил в ГАИ, а мне отвечают—зовут его Клавдия Сергеевна Салтыкова. Я им отвечаю—ошибка какая-то! Я отчетливо видел существо мужского пола, не может оно быть Клавдией Сергеевной никакой! А они бестактно упираются—не верьте глазам своим! Это была наша знаменитая Клава! А то, что вам почудилось,—это обман зрения. Ничто. Выдумка.

Есаков гордо поднял голову, готовясь мне ответить по всем нотам и адресам, но за окном в доме зазвонил телефон. Я попросил Надю:

— Надюша, послушайте, пожалуйста...

Она взбежала на крыльцо, и Есаков встревоженно проводил ее глазами, ему разговор явно перестал нравиться. И в этом резком повороте головы я опять опознал его—десятью раз я видел такие неотличимые, тщательно причесанные головы на фотографиях во всех парикмахерских, рекомендующих нам идеальный стандарт мужской куаферной красоты.

Аппарат, видимо, стоял где-то рядом с окном—я отчетливо слышал голос Нади.

— Да, да... Он здесь... Разговаривают... Я ему могу дать трубку... Пожалуйста... Сейчас...

Надя выглянула в окно, в руке у нее была трубка:

— Станислав Павлович, вас просят к телефону...

Есаков облегченно вздохнул и со смешком сказал: — Умора! Точь-в-точь, как в фильме «Волга-Волга»... Игоря Ильинского не хватает...

Я взял трубку, и, прикрывая ладонью микрофон, заметил Есакову:

— Вы не огорчайтесь—я вас сейчас насмешу пуще Игоря Ильинского...

Напористый голос Воробьева сказал в трубке:

— Тихонов? Это я, Воробьев... Из Москвы сейчас сообщили. Телефон в Урюпино номер 3-13-26 установлен у гражданки Пелех Нины Николаевны. В ее доме третий месяц проживает сын Александр, двадцати трех лет, без определенных занятий. По внешности соответствует приметам отправителя телеграммы в Мамонове. Пелеха задержали и допрашивают, как появятся новости—сообщат.

— Спасибо. Я очень на это надеялся...

— А что у вас происходит?—спросил Воробьев: — Собеседуем. О происходе неспешно толкуем...

— Это хорошо,—одобрил Воробьев.—Вы там побалакайте еще, а я скоро к вам тоже подтяну. Думаю, что не помешаю?

— Ни в кой мере... Жду...

Я отдал Наде трубку и вернулся к Есакову:

— И так, мы остановились на машине...
Его, видно, нервировал мой разговор по телефону, поскольку он изменил тон, ответив мне протестно:

— Да полно уж — ма-аши-ина! — презрительно пропыхнул он. — «Запор» трескучий! Есть о чем разговаривать! Ему крышу можно консервным ножом вскрыть...

И вид у него был трусливо-независимый — как у киплингвского кота, который ходит сам под себя. Настоящий лирический герой — то робостью, то наглостью томи.

Я положил ему руку на плечо и спросил задушевно:
— Что, не хочет покамест Клава перевести его на твое имя?

Мышцы у него были длинные и жесткие, как у бегового жеребца. И по тому, как он нервно-зло отшвырнул мою руку, я понял, что мыслишка у меня правильная, что где-то здесь «горячо».

— Хочет! Не хочет! Не ваше это дело! Нечего соваться, куда не просят! Дружба у нас с Салтыковой! А может быть, любовь! Не ваше это собачье дело! Может быть, человек она исключительной душевности!.. Женщина она очень хорошая!

— Ну да! Ну да, конечно! — сразу же закивал я. — Конечно, хорошая! Червь не дурак, он в кислое яблоко не полезет...

Я достиг своей цели — Есаков взбесился, утратив охранительную ироническую сдержанность.

— Плавать я на вас хотел! — заорал он. — И на все, что вы там думаете обо мне! Погоди, мы еще встретимся! Камни жрать будешь!..

Под эластичной тканью спортивного костюма убедительно перекатывались тугие бугры и комья мышц, а лицом он больше не походил на величаво-спокойные парикмахерские гляцованные эталоны. На его бесхитростно-приятном лице была начертана яростная готовность совершить любую мерзость за самое скромное вознаграждение. Он резко повернулся и направился к калитке, и я сказал в эту мощную гибко-мускулистую спину:

— Слушайте, Есаков, а ведь Салтыкова не сможет выполнить своего обещания.

Он сделал еще пару шагов с разгона, но остановился и посмотрел на меня:

— Какого обещания?

— Я долго думал, что она могла предложить вам за то, чтобы вы со своим дружком Пелехом организовали эту телеграмму Коростылеву, пока не понял, чего вам не хватает для счастья. «Жигули». Седьмую модель — мечту с мерседесовской облицовкой...

Он молча смотрел мне в лицо, и я знал, что угадал точно. Или очень близко. Я видел, как в его сухой, красиво причесанной голове проигрываются варианты отпора, ловких ответов, хитрого заиперательства, поиски самого правильного поступка — от решения свернуть мне шею до лишнего бегства на трескучем «Запоре». Но, видимо, «Запорожец» не показался ему подходящим участником гонок с преследованием, потому что он тухло спросил:

— Вы чего от меня хотите?

И был он уже не издевательски наглый, не упруги-сто-ловкий, а вялый и злой, как осенний комар.

— Да в общем-то ничего... Хочу в жизни твоей объявить перерыв. Делом тебя пора занять...

За забором раздался короткий рев автомобиля на форсаже, и, подняв летучее облачко белой пыли, притормозила у ворот раскрашенная в канареечные милицейские цвета «Волга». Воробьев распахнул калитку, прошел мимо Есакова, словно не видел, пожал мне руку и уселся рядом на скамейке. Потом поднял голову и тут будто впервые заметил этого корпусного парня, приветливо махнул ему рукой:

— А, Есаков! Здорово! Тебе Пелех привет передает! Соскучился он без тебя, не с кем, говорит, пошутить крепко. Никому, спрашивает, телеграмму послать не надо?

Есаков затравленно оглянулся — у калитки стоял милиционер, водитель с машины Воробьева. Неуверенно заговорил, а глаза у него все время ерзали мимо нас, чтобы не встретиться взглядом:

— Да бросьте вы... Какой там Пелех... Не знаю, чего там кто нашутил...

— Что значит «какой Пелех»? — удивился Воробьев. — Дружка своего забыл? Вы же с ним несколько лет за одну команду второй лиги в футбол играли! Пока вас обоих с треском не выперли... Не помнишь?

Есаков растерянно помотал головой.

— Ай-яй-яй! — укоризненно сказал Воробьев. — А Пелех помнит: вы деньги взяли, чтобы ваша команда проиграла. Матч «сплавили». Ты мяч как бы по ошибке в свои ворота дал закатить. Не помнишь?

— И помнишь мне нечего, — все так же волгло отбивался Есаков. — Кто это доказал?..

— Да уж не знаю, как в спорте доказывают, у них там законы другие, чем у нас, в милиции и прокуратуре. Только выгнали тебя с Пелехом твои же товарищи. А федерация футбольная дисквалифицировала. Как я понимаю, ты после этого у нас здесь в городе и объявился. Не рассмотрел я тебя раньше. А жалко...

— А чего меня было рассматривать? Живу нормально, ничего не нарушаю...

— Не нарушаешь? — прищурился Воробьев. — Я те-

бе, Есаков, вот что скажу: как доказывали, что ты гол своим товарищам забил, это я не знаю. А то, что мы докажем тебе покушение на убийство, — это как пить дать!

— Что-о-о? — завизжал Есаков. — Какое убийство? Что бы там Пелех ни болтал, может, он с ума сошел, так в крайнем случае глупость мы сморозили... Ну, нахулиганили — пускай...

— Нет, Есаков, — грустно сказал Воробьев. — Не с ума вы сошли. Вы с совести соскочили. И смотрю я на тебя сейчас, а у самого сердце рвется...

— Никак жалеете? — трусливо ухмыльнулся Есаков.

— Жалею, — кивнул Воробьев. — Потому что тебя сейчас не арестовывать, не привлекать надо... Боюсь, что совести людской тебе не вернуть... Жалею я, что нет у меня возможности, не дано мне право выпороть тебя плетью, пока бы ты не обделался! Потому что никаких ты слов не разумеешь, ничем тебя, кроме страха, не проймешь... Сорный ты человечиска...

— Оскорбляйте, бейте! — со слезой тонко крикнул Есаков. — Пользуйтесь, что вас тут толпа, а у меня ни одного свидетеля! Только и на вас управа найдется! Здесь, в нашем паршивом городке, власть не кончается!

— Вот видишь, и свидетели тебе уже понадобились, — вздохнул Воробьев. — Вы когда с Салтычихой да с Пелехом сговаривались убить Коростылева, вам тогда свидетели не нужны были? Да не трясись ты так, кому ты нужен, руки об тебя марать...

— Павел Лукьяныч! — заблажил Есаков. — Да почему — убить сговаривались? Да никто и в мыслях такого не держал! Кто мог знать, что он от такой глупости с катушек может слететь?

— Ну да, это я тебе верю — что вы этого и в мыслях не держали, вам на него начихать было, главное — из города на пару дней Коростылева выкурить. Вот это и образует не прямой, а зевтуальный умысел на убийство...

— Что-что-что? Какой еще умысел?

— Зевтуальный, — терпеливо повторил Воробьев. — Поскольку ты человек вполне дикий — на жизнь зарабатываешь ногами или еще там чем, — поясню тебе конкретным примером. Жили у нас тут несколько лет тому назад супруги Рычаговы, хорошая парочка — баран да ярочка. Полдома на Заречье имели. Да только он их не устраивал, вот они его крепко застраховали и спалили. Июль, страда, никого поблизости не оказалось, дом и сгорел дотла в два счета. А на другой половине была парализованная старуха Домна Смагина. Рычаговы, как и вы, и в уме не держали старуху убивать, они только страховку получить хотели, а бабушка безногая им до фонаря была — выберется из пожара, так, пожалуйста, на здоровье. Вот и судили их за убийство с зевтуальным умыслом. Понятно?

Я рассматривал Есакова все это время с искренним интересом — это было какое-то физиологическое чудо. Ладно скроенный, крепко связанный корпус не имел внутри никакого костяка, в нем не существовало скелетной основы — внутри синего «Адидаса» переливалась, булькала, вяло плескалась слизистая текущая протоплазма.

— Чего там... — почти шепотом бормотнул Есаков. — Везите, я все скажу... Я ведь ничего и не делал... Я только Клавдии про Пелеха сказал... Она всем командовала... Везите, я скажу, как было...

— Нет, Есаков, — мотнул головой, будто боднулся Воробьев. — Я тебя не повезу. Я тебя пешком поведу через город. Сам. Пусть тебя все видят. Пусть весь город, все люди знают — убийцы хороших людей не с рогами, не с когтями, и пистолеты им не нужны. Поведу тебя, и пусть все знают — вот так выглядит человек без совести...

Я нажимал кнопку звонка у знакомой мне двери, пухло-набивной, коричневой, богато украшенной желтыми фигурными гвоздями, и сердце тревожно сжималось. Я ведь уже почти все знал. А придумать, с чего начать разговор, что сказать при встрече, не мог. И когда дверь распахнулась и в проеме увидел тоненькую девичью фигурку, я понял, что не прийти сюда вновь я не имел права.

— Здравствуй, Настя, — сказал я. — Моя фамилия Тихонов. Ты, наверное, обо мне слышала...

— Слышала, — кивнула она, но стояла в дверях твердо, не пропуская меня в прихожую. А красивые синие глаза, удлинённые косметической тушью, пыливо оцупывали меня, стараясь сообразить, зачем я сюда пришел.

— Настя, я хотел поговорить с тобой.

Настя дернула своенравным подбородком:

— А я с вами разговаривать не буду...

— Почему ты не хочешь поговорить со мной?

— А меня мама предупредила, что по закону вы не имеете права допрашивать меня. Я несовершеннолетняя; и меня нельзя допрашивать без родителей или учителя...

Я засмеялся:

— Настенька, я не собираюсь тебя допрашивать. — Я тяжело вздохнул и добавил: — А учитель твой умер...

— Все равно мама мне не велела с вами говорить без нее. И ничего вы от меня не узнаете...

— Тогда извини, — пожал я плечами. — Наставить я не буду, да и узнавать мне нечего. Просто я хотел с тобой поговорить перед тем, как уеду отсюда...

Она задумалась, и я видел, что ее отретпетированной матерью отпор слабеет.

— А о чем?

— О жизни. О смерти Коростылева. О себе. О тебе. О твоём отце. Ничего не изменишь в жизни одним разговором на бегу, но я не могу отсюда уехать, не поговорив с тобой. Это очень важно для меня и очень важно для тебя. Это вообще важно...

— А для кого еще это важно? — спросила Настя.

— Для всех. Для всех, кто живет вокруг нас...

Настя подумала мгновение, и самовольный крутой характер взял верх над запретом матери, она отбросила сомнения, пропустила меня в квартиру и захлопнула дверь.

Мы вошли в гостиную, где недавно я разговаривал с Клавдией. Но тогда был вечер, глубокие серые сумерки с багряным закатным подсветом. А сейчас полдневное солнце било в упор, театральным софитом высвечивая Настю лицо. Красивая девочка. Она очень похожа на мать, но черты капризные, нервные, еще не затекли они цементной жесткостью, не было в ее лице отталкивающей твердости принятых на всю жизнь решений.

Из спальни с пронзительным тьяканьем выскочила пучеглазая собачонка, подбежала ко мне и хрипло зарычала.

— Пошла вон, — отпихнула ее ногой Настя и уселась на диван против меня. — Так о чем разговор?

— Я тебя, Настя, не могу учить жить. Да и, честно говоря, не собираюсь. Но у меня есть долг. Я бы хотел сказать тебе, что твой покойный учитель Николай Иванович Коростылев был пленником детской мечты. Он мечтал всех людей сделать прекрасными и счастливыми. И тебя он мечтал увидеть счастливой, прекрасной и радостной...

Настя сердито усмехнулась:

— Оно и видать! Для этого он меня не хотел допустить до экзаменов?

— Настя, ты уже не ребенок, это только дети думают, что врач нарочно причиняет им боль, когда рвет гнивший зуб. Николай Иванович мучил тебя, чтобы силой толкнуть на правильный путь. Ты бы поговорила со своим отцом.

— Я к нему не пойду, — решительно помотала головой Настя. — Он на меня злится...

Я засмеялся:

— Не злится он на тебя, он тебя любит и хочет гордиться тобой.

— А о чем мне с ним говорить? Уже поздно...

— Ничего не поздно. Вся история, из-за которой я приехал сюда, заварила из-за тебя, а каждый человек однажды отвечает за все свои поступки. В споре за твою судьбу была сделана огромная ставка — жизнь очень хорошего человека...

— Да вы поверьте — я вообще об этом ничего не знала! И мама не хотела... Если бы она могла предостеречь...

— Настя, я тебя ни о чем не спрашиваю. Я прошу тебя только думать...

Из ее глаз побежали дробные слезинки, и размытая ими тушь с ресниц оставляла на щеках черные полосы. Устарели выражения, понятия потеряли давний смысл — чистый, как девичья слеза. Грязные тускло-серые потеки.

— Думать! — крикнула Настя. — Хорошо вам говорить! А я совсем ничего не соображаю...

— Я не имею права давать тебе такие советы, но я бы очень хотел, чтобы ты жила с отцом, — сказал я тихо. — Твой отец может научить тебя многому доброму и хорошему. Это сейчас тебе очень понадобится... Я не слишком верю, что ты послушаешь меня, но подумай.

Настя посмотрела на меня с недоверием:

— И вы только за этим пришли сюда?

— А ты думаешь, этого мало? Тебе никогда Коростылев не говорил о завещании Колумба?

— Нет, ничего не говорил...

— Много лет назад он показал мне очень старый пергамент на испанском языке. Из перевода явствовало, что этот пергамент — завещание Христофора Колумба.

— Колумба? — удивилась Настя.

— Да, Христофора Колумба. Когда он возвращался из открытой им Америки, его каравелла «Пинта» попала в страшный шторм и скорее всего должна была погибнуть. И тогда Колумб написал завещание. Он оставлял людям девять реалов собственных сбережений и найденный им Новый Свет, который считал Индией. Пергаментный свиток завернули в тряпку, пропитанную воском, забили в дубовую, пропитанную ромом бочку и бросили в Гольфстрим. Колумб верил, что, если и погибнет вся экспедиция, весть об открытии Нового Света придет к людям. И завещание свое Колумб начал со слов: «Наша жизнь ничего не стоит. Дорого стоят только наши дела для жизни всех остальных людей...»

— А как могло попасть завещание Колумба к Коростылеву? — недоверчиво посмотрела на меня Настя.

— Не знаю. До сих пор не знаю. А может быть, это и не было настоящим завещанием. Может быть, это была подделка. А может быть, сам Николай Иванович написал это завещание. Он часто показывал его ребятам, и мы мечтали о путешествиях и подвигах, и незаметно для себя навсегда поверили, что дорого стоят только наши дела для жизни всех остальных... И когда ты будешь думать о будущей своей жизни — красивой и веселой, — думай иногда и о том, что отчасти Коростылев умер из-за тебя тоже...

Екатерина Сергеевна Вихоть сидела за столом, закрыв глаза, уперев лоб в ладони, и поза у нее была растерянно-горестная, и сама она не была больше ни грозной, ни громоздкой, ни громогласной. Сейчас она была обычной, удрученной большим несчастьем молодой женщиной.

— Как жить дальше? Ума не приложу, — сказала она. — Не понимаю. У меня в голове полный мрак. Мы помолчали, и я без выражения заметил:

— Наверное, и дальше будете учить детей, что ложь — один из самых мерзких человеческих пороков...

Она подняла голову и сказала:
— Я и раньше старалась вам не лгать. Правды я не могла сказать, но и лгать не хотела. Так уж все получилось...

— Да, возможно, — кивнул я. — Но есть еще одна форма лжи — дезинформация умолчанием. Вы меня сознательно старались ввести в заблуждение...

Она тяжело вздохнула и сказала горько:

— Вы тоже не все поняли в этой истории. Вам показалось, что я не любила и не уважала Коростылева. А это неправда. Это совсем не так. Я его очень уважала. Но мне было невыносимо: что бы я ни пыталась сделать, он не принимал. Наверное, мы с ним люди очень разные. А вы сейчас смотрите на меня, будто я помогла его убить. Я ведь об этом и понятия не имела!

— Я мог бы вам поверить, — сказал я. — Но именно вы объяснили Салтыковой, что Коростылева надо отвлечь от школьных дел.

— Да, наверное. Наверное, — повторила она с отчаянием. — Я сказала Клаве, что Коростылев ни на какие уговоры не пойдет и Настю к экзаменам не допустит. Его ведь переубедить в чем-то было невозможно, если он принял твердое решение. Но мне и в голову не могло прийти, что они придумают такую жуткую вещь.

— А потом, когда они не только придумали, но и исполнили телеграмму?

— Что же мне было делать? У меня сердце на куски рвалось от стыда и горя. И Клаву ненавидела хоть, а все очень жалко было...

— Жалко было?

— Жалко, — твердо повторила она. — Ведь мы с Клавой выросли вместе. Она не всегда такая лютая была. Она замечательная была...

— Когда же она перестала быть замечательной? — поинтересовался я.

— А-а, это давняя история! Мы ведь дружили со школы. И с Костей, ее мужем, ее дружила. Да вот пока не случилась вся эта глупость...

— Какая глупость? — спросил я.

— Настя ведь не Костина дочка, — сказала она тихо.

— То есть как? — не понял я.

— Как-как! Прожили они с Костей несколько лет хорошо, а потом Клава встретила человека, который всю ее жизнь направил по-другому.

— А что за человек? — спросил я.

— Клава работала официанткой в столовой горсовета, и приехала какая-то центральная комиссия. Командовал в ней Александр Петрович Еременко. Ну, конечно, тогда он еще не был замминистра, но и в те поры крупный был тоже начальник. Познакомился с Клавой, пошутил, поговорил и сглазил — полюбил. А сам он был еще в расцвете, в силе, во власти. Клава от него совсем обезумела. Может быть, тот и женился бы на ней, да ведь как в жизни бывает — предложили ему повышение большое. А там семья, дети, положение. Кто же это понял бы его: не успели на пост назначить, а он старую жену бросил? Вот так они и прожили много лет на два дома...

— А Костя Салтыков об этом знал?

— Ну, не сразу, конечно, но узнал. Когда Настя родилась, то Клавдия сказала ему, что это не его дочка и она от него уходит. Запил он поначалу, конечно, горевал долго, а потом пришел к Клаве: давай, мол, начнем все по-новому, девочку все равно любить буду, раз тебя люблю, моя дочка будет, забудем все, начнем жизнь сначала. Простил он Клавдию за этот грех. А она хоть и согласилась, а жить с ним толком больше не могла и не принимала его прощения. Он ей и с добротой своей не нужен был — Клава тогда Еременко любила. Ну, и он ей, конечно, помогал. Устроил в Москву на какие-то специальные курсы. Вернулась сюда — назначили ее замдиректора магазина, потом в горпищеторг, а потом уже она сама пошла — власть, силу, авторитет в городе набирала двумя руками, стала директором Дома торговли. А это у нас фигура самая заметная...

— А сейчас эта связь существует? — спросил я.

— Нет, там все кончилось. Но Клавдия за эти годы стала совсем другим человеком. Система торговли — возможности, блаты, услуги, взятки, люди на подхвате всегда, — изломалась она вся.

— А вы с ней говорили раньше об этом?

— Не судья я ей. Мы с ней прожили целую жизнь вместе. Я ведь у них в доме, когда сиротой осталась, несколько лет прожила. Я в Ярославле в пединституте училась — мне родители Клавдины посылки продуктовые слали, — на стипендию-то в двадцать рублей не проживешь. Не могла я им этого забыть никогда...

— Выходит, вы видели, как Клавдия разрушается на глазах, и ничего не пытались сделать?

— А что я могла сделать? Она меня и слушать не хотела. Я ее совестить пытаюсь, а она смеется: мол, маленькие подарки поддерживают большие дружбы. Клавдия давно считала, что меня по всем статьям перегнала. Наверное, и правда это.

— Скажите, Екатерина Сергеевна, а Настя Салтыкова знает, что Константин ей неродной отец?

— Нет, не знает. Да он ей и есть родной. Всю жизнь был отцом. И когда он в суд подал, требуя, чтобы Настя с ним жила, ведь это он от большой любви к девочке сделал. Не хотел, чтобы она Клавдину судьбу повторила. Сердцем знала я, что прав Костя, а не могла Клаву тогда предать. Отношения уже с Еременко совсем распадались, и это бы ее просто убило. И не могла она Настю отдать и не хотела, потому что без ума ее любит. От такой любви и пошла она на это ужасное дело. Да и Есаков ее сильно подбивал на всякие пакости. Ведь моложе он ее много, боялась, что это последняя ее связь, на нем женская жизнь ее кончается.

Она подумала, помолчала и сказала:

— Трудно мне судить ее. Она ведь Настю, помимо всего, хотела устроить в Москву в институт, чтобы девочка с Петькой Есаковым поменьше общалась. Душа тревожилась у нее: парень он молодой, здоровый, бессмысленный, а девка-то взрослая уже, не хотела Клавдия, чтобы они вместе толклись в одной квартире. Надеялась, что Настя уедет в Москву, выучится, свою жизнь сложит ловчее и красивее, чем у нее самой. А все вот так страшно обернулось...

Я спросил ее:

— А Коростылев знал, что Костя неродной отец девочке?

Она удивленно взглянула на меня:

— Конечно, знал. Он ведь Костю уважал очень и к Насте хорошо относился, был уверен, что только с Костей она человеком станет... А теперь что уж говорить, — махнула рукой и горько заплакала.

Около дома Владилена собирал машину в дорогу. Резиновой растяжкой-пауком он пристегивал чемоданы на никелированном крышном багажнике. Дети уже сидели в кабине, а Лариса стояла с сумкой в руках у распахнутой двери. Я притормозил у забора, заросшего кустами бирючины и ракичника, вылез из «Жигулей» и сказал Барсу: «Пошли». Пес настороженно взглянул на меня и плотнее забился в угол заднего сиденья. А Владилена нацепил последний крючок, с пыhtением соскочил с подножки, повернулся ко мне:

— Бегать надо по утрам, живот отрастил, дышать трудно...

— Давай вместе бегать, — предложил я. — Бежим цугом, залитые утренним уругвайским солнцем, — захватывающее зрелище.

Он похлопал меня одобрительно по плечу:

— Все-таки ты удивительно настырный человек! Я ведь не верил, что тебе удастся всю эту историю раскрутить...

Я смотрел на него — красивого, сытого, хорошо одетого, доброжелательно-снисходительного — и пытался понять, отчего же меня так распирает сказать ему что-нибудь неприятное, обидное, горькое. Может быть, я ему завидую? Но ведь человеческая зависть — это в первую очередь желание поменяться местами в жизни. А я ни за что и ничем не хотел бы с ним меняться.

— Твой тесть, Владик, потратил много лет, чтобы научить меня очень трудному делу — терпению думать об одном и том же...

— Да, это заметно, — кивнул Владилена, помолчал и сказал: — Вот ты и додумал телеграмму до конца. Что теперь будет?

— Дальше? Я думаю, их будут судить и сильно накажут. А потом жизнь будет продолжаться...

— Стас, да не сердись ты так на меня! — усмехнулся Владилена. — Я-то ни в чем не виноват! А распрашиваю я тебя потому, что мы с Николаем Ивановичем плоховато понимали друг друга. Поэтому я бы хотел лучше понять тебя.

— А что непонятного?

— Система твоих целей и мотивов. Ты сделал, с моей точки зрения, почти невозможное и выволок за ухо на свет божий эту мерзавку с ее любовничком. Теперь их накажут. Ну, а что Коростылеву сейчас до этого? Его больше все равно нет...

— Мы все есть. Это нужно было не Кольянычу, а им всем. — И я показал рукой на город под холмом. — Они должны знать, что сила справедливости в жизни больше ненависти и злоумия. Твой тесть сказал

однажды, что смысл моей работы в борьбе гуманистической строгости закона с бесчеловечием вседозволенности...

Владилена покачал головой:

— Может быть, может быть...

Лариса тронула меня за руку и сказала:

— Стасик, я и не знаю, что теперь с домом станет, с вещами. Нам ведь уезжать надо...

— Да, действительно, — оживился Владилена. — Прямо ума не приложим, что нам с этим барахлишком делать...

— Это точно, — согласился я. — Твой тесть по части наследства совсем не постарался...

— Не в этом дело! — прижал руку к сердцу Владилена. — Выкидывать как-то совестно, а везти в квартиру просто нелепо...

— Ты не хочешь взять папины книги? — тихо спросила меня Лара. — Их немного, но ему было бы приятно, что книги остались у тебя...

— Спасибо, Лариска. Если хочешь, я поговорю с Надей Воронцовой, может быть, лучше отдать книги в школу? Это Кольянычу было бы еще приятней...

— Да-да, конечно! — обрадовалась Лариска. — Будет на душе спокойнее, что ребята пользуются...

И сразу же снова озоботилась:

— Хочу пойти к Дуся спросить: не возьмут ли они Барса? Куда он нам в городе?

— Не надо, Лара, не беспокойся. Я заберу Барса. У меня к тебе просьба.

Лара подалась вся ко мне:

— Что угодно!

— Я бы хотел, чтобы ты мне отдала завещание Колумба.

Она всплеснула руками:

— Конечно, о чем ты говоришь! Нам это все равно девать некуда.

— Спасибо, Лара, я беру его на время. Когда-нибудь я его верну...

— Да зачем? Возьми его совсем! Для чего возвращать? Нам оно не нужно...

— Да, наверное, — сказал я, помолчал и добавил: — Через несколько лет подрастут твои ребята, и я верну им завещание Колумба. Я мечтаю, надеюсь, я верю, что оно им еще очень понадобится...

... — Вы и пришли снова, будто вернулись из моих детских снов и мечтаний, — сказала Надя, и смотрела она в сторону, на сбегющую под гору дорогу, будто ждала, что кто-то очень нужный появится в конце бетонной полосы.

— Я мало похож на сказочного принца, — усмехнулся я.

— У всех людей свои сказки, — покачала она головой. — И принцы свои... Я знала, что вы когда-нибудь вернетесь...

— Я вернулся по очень печальному поводу, — напомнил я.

— Нет, Николай Иванович был болен и стар, и все равно — через год или через три — вы приехали бы прощаться с ним. А сейчас он умер в бою с этой нежитью, нелюдью, приславшими телеграмму с того света. И вы вернулись из моей детской любви к вам, чтобы добить за него эту нечисть. Спасибо...

Я положил ей руку на плечо, повернул к себе:

— Это звучит, как окончание сказки. Мы прощаемся навсегда?

Она посмотрела мне прямо в глаза, твердо сказала:

— Нет. Надеюсь, верю, мечтаю...

Мчалась с рокотом и шелестом по шоссе машина. Барс, еще не поверивший до конца, что едет со мной, дышал сзади еле слышно. Лес, обступивший дорогу, в сумерках был совершенно черным, и белые столбы света от фар будто высверливали в этой густой темноте туннель, по которому со свистом летела наша блестящая жестяная коробочка.

С ревом гнал я рыжую машину по серому асфальтовому пространству, неслышно летел во времени и про себя повторял непрерывно, чтобы не уснуть:

«...Наша жизнь ничего не стоит. Дорого стоят только наши дела для жизни остальных людей...»

Рисунки Михаила Верхоланцева

Читайте в ближайших номерах:

Предложения о дополнениях в Устав ВЛКСМ. Качество — категория нравственная.

Репортаж с пограничной заставы.

Научно-фантастический роман Джона Уиндема «Отклонение от нормы».

В рубрике «Страницы отечественной словесности»: Юрий Нагибин об Осипе Мандельштаме.

Премьера рубрики «Частные беседы». Алла Пугачева в гостях у Юлиана Семенова.

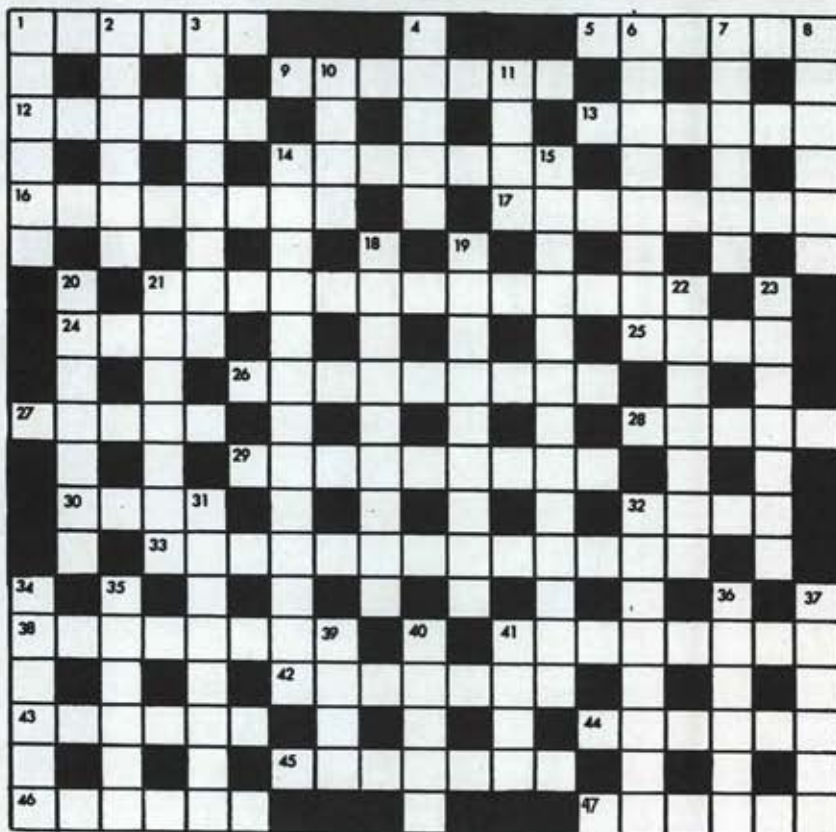
В семью пришла помощница. Новое в сфере услуг.

Автограф чемпионов мира в парном катании Екатерины Гордеевой и Сергея Гринькова.

Подписка на «Смену» не закончилась, она продолжается. Вы можете выписать журнал в любом почтовом отделении, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца. В розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

КРОССВОРД

Составил П. ЗАРЕЦКИЙ, Хотимск Могилевской области

По горизонтали:

1. Тип конического сечения.
5. Поклонник девушки, женщины.
9. Степень родства.
12. Актер, сыгравший роль Остапа Бендера в фильме «Золотой теленок».
13. Лаконичное обращение.
14. Украинский музыкальный инструмент, чрезвычайно популярный в России в XVIII веке.
16. Золотая монета, которую в России перестали чеканить в 1899 году.
17. Жидкость, в склянке из-под которой казачок в романе И. Тургенева «Новь» подавал уксус.
21. Ископаемая человекообразная обезьяна.
24. Почти исчезнувший элемент женской красоты.
25. Английский исследователь, открывший северный магнитный полюс.
26. Один из самых пестрых пауков.
27. Кавказский платан, живущий дольше двух тысяч лет.
28. Собрание, съезд.
29. Пора жизни, в которую многие ученые сделали выдающиеся открытия.
30. Русский гравер, особенно известный ксилографиями с картин А. Иванова и И. Репина.
32. Единица силы.
33. Признак прогресса в технике.
38. Обычай, завет одного поколения другому.
41. Елочное украшение.
42. Приток Колымы длиной 490 километров.
43. Формалист, до крайности точный человек.
44. Цветок с одной тычинкой, пряность.
45. Вещество из эфирных масел лимонной мяты, эвкалипта, применяемое в парфюмерии, медицине.
46. Вещь, без которой человека трудно назвать туристом.
47. «Тихо стоял темный лес на берегу, точно ... из великанов» (Д. Мамин-Сибиряк. «Серая шейка»).

По вертикали:

1. Продукты выветривания горных пород.
2. Скульптор, придворный художник Александра Македонского.
3. Маринад, подливка, соус (общее название).
4. «Твой ... был — Дмитриев, а мой был — Карамзин» (П. Вяземский. «Послание к Д. П. Северину»).
6. Особенность человека, вещи, явления.
7. Французский балет с мотивом гадания на лепестках ромашки.
8. Трава с мощным корнем, амулет из которой, по старинному поверью, не дает утонуть.
10. Минерал, название которого на санскрите значит «драгоценный камень».
11. Французский художник-пейзажист XIX века.
14. Раздел науки о микробах.
15. Начальство.
18. Дом отдыха.
19. Концерт, картель, синдикат, трест (общее название).
20. Бесспорная истина.
21. Олицетворение планеты Венера в финикийских мифах.
22. Птичий базар.
23. Языческий идол, статуя.
31. Опера К. Вебера по французской легенде.
32. Роман Д. Олдриджа.
34. Фигура высшего пилотажа.
35. Арбузный мед.
36. У греков — нимфа, у славян — русалка, у германцев — ...
37. Дерево, из которого был сделан плот «Кон-Тики» Т. Хейердала.
39. Самое первое регулярно посещаемое человеком заведение.
40. Газетно-журнальный жанр.
41. Домашний бык, фигурирующий в Южной Азии даже как деньги.

ОТВЕТЫ

на кроссворд, опубликованный в № 2

По горизонтали:

5. Романс.
9. Перрон.
11. Трирема.
13. Окаванго.
14. Панголин.
15. Лемпир.
16. Цетрария.
17. Шансонье.
18. Ритмика.
22. Треста.
26. Бездна.
29. «Лепорелла».
30. ...скальд.
31. Лебедь.
32. Астрахань.
33. Дарвин.
34. Зелень.
35. Кантилена.
36. Дичина.
39. Мандат.
43. Мегафон.
47. Юмореска.
48. Автодром.
49. Лигроин.
50. «Исповедь».
51. Санскрит.
52. Вареете.
53. Цирица.
54. Неолит.

По вертикали:

1. Подворье.
2. Вагнерит.
3. Хранение.
4. Монохорд.
6. Столяр.
7. Висмут.
8. «Женихи».
9. «Папаша».
10. Эккерт.
12. Фильма.
19. Испытание.
20. Маргарита.
21. Колпашево.
23. Риккати.
24. Соловки.
25. Алданка.
26. Бальзам.
27. Забелин.
28. «Надежда».
36. Дамаск.
37. Черновик.
38. Наследие.
40. Астангов.
41. Дедуция.
42. Теория.
43. Мальва.
44. Гагара.
45. Флобер.
46. Нансен.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 3 (1433)

февраль 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор **Альберт ЛИХАНОВ.**

Редколлегия:
Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНИУШЕВСКИЙ
 (ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
 (заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Игорь СЕРКОВ
 (заместитель главного редактора)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник **Сергей ВЕТРОВ**

Художник **Геннадий КОРНЫШЕВ**
 Технический редактор **Александра ГУСЕВА**

101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

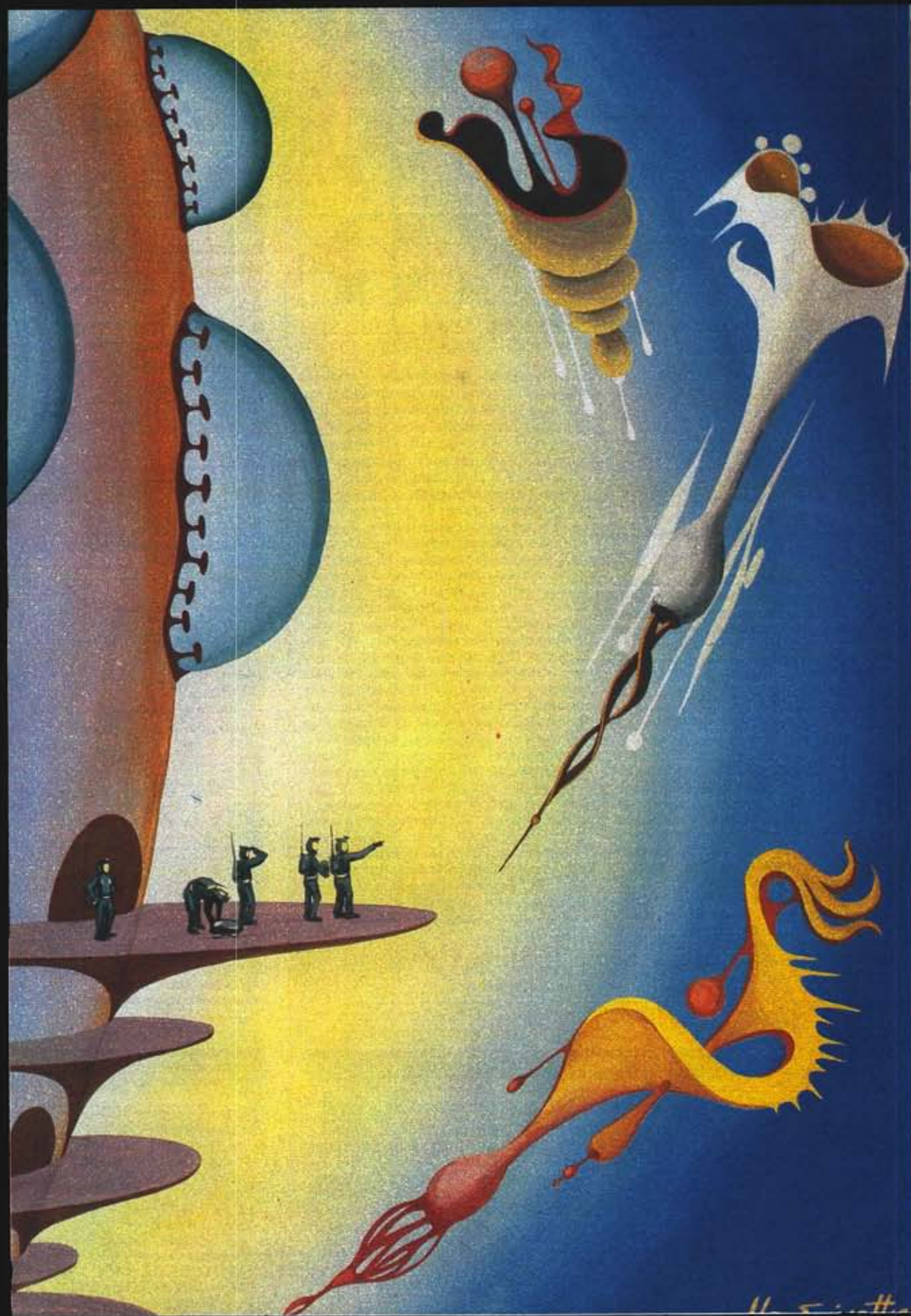
212-15-07 — для справок. Отделы:
 212-21-59 — рабочей молодежи и науки;
 212-13-19 — коммунистического воспитания;
 251-32-84 — фотоочерка;
 250-29-39 — военно-спортивный;
 212-21-38 — международной жизни;
 251-04-10 — литературы и искусства;
 212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда». «Смена». 1987 г.

Сдано в набор 19.12.86. Подписано к печати 04.01.87. А 05001. Формат 70×108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1300 000 экз. Изд. № 345. Заказ № 4292. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

НИКОЛАЙ НЕДБАЙЛО

...Как-то в студенческие времена отправились мы, однокурсники, на вечер молодых поэтов в библиотеку имени Д. Фурманова. Первое, что бросилось в глаза — картины, развешанные по стенам читального зала. Они поражали буйством красок, избыточностью фантазии.

Было это в конце шестидесятых годов, и я тогда не знал, что автор понравившихся мне работ — совсем еще молодой московский художник Николай Недбайло, для которого та встреча со зрителем была первой. В ту пору он еще только нащупывал свой путь в искусстве. За минувшие годы творчество Николая Недбайло претерпело значительные изменения. От прежней ассоциативности, подражательности, свойственной начинающим (думаю, не обошлось без влияния Н. Рериха, М. Чюрлениса, М. Нестерова), усложненности композиции наметилось очевидное стремление к простоте, строгой графичности, определенно выраженной мысли.

...Кто из нас, воодушевленных первыми спутниками и полетами Гагарина и Титова, не мечтал о небе! Наверное, именно тогда в воображении Николая Недбайло зародились панорамы иных миров, картины встреч с неземными цивилизациями. Творчество Недбайло любил и ценил писатель-фантаст И. А. Ефремов. «Вот уже несколько лет я слежу за развитием дарования молодого живописца — писал он. — Этот художник нравится мне именно тем, что он ищет красоту... Мне нравятся его радостные краски, его открытое восприятие жизни, его юмор, его доброе отношение к жизни...»

Эта добрая улыбка озаряет жанровые полотна Недбайло. Есть в этих холстах что-то от незатейливости русского лубка — красочность и некоторая наивность изображения.

Особое место в творчестве художника занимает пейзаж. Раз побывав на Севере, в Карелии, Недбайло, как говорится, «заболел» этими краями. Большая серия работ, выполненных гуашью, так и называется: «Лирика русского Севера».

В последнее время художник много внимания уделяет графике. Казалось бы, как просто — тушь, перо и бумага. А соединившись в его руках, они становятся магическим кристаллом, в котором видятся с удивительной точностью выписанные улочки старой Ялты, уютные московские дворики, байкальские пейзажи.

Вот таким причудливым образом в художественном сознании Николая Недбайло уживаются, питая и взаимно обогащая друг друга, безудержная фантазия и самый строгий реализм.

На стене мастерской художника — строки Бориса Пастернака: «Не спи, не спи, художник, не предавайся сну. Ты — вечности заложник — у времени в плену». Недостаток времени Недбайло ощущает постоянно. Он творит без усталости, спеша запечатлеть переменчивые лики эпохи.